

№ 4

947
Л-85

П. ЛУППОВ

9(4)
Л 85
26589

ПОЛИТИЧЕСКАЯ
ССЫЛКА
В ВЯТСКИЙ
КРАЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТКАТОРЖАН

МОСКВА — 1973

М 502.180 цен.

947

Л-85

П. ЛУППОВ

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ССЫЛКА В ВЯТСКИЙ КРАЙ

1024387

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВСЕСОЮЗНОГО ОБЩЕСТВА
ПОЛИТКАТОРЖАН И ССЫЛЬНО-ПОСЕЛЕНЦЕВ
МОСКВА — 1933

M 502 180 гект

Обложка худ. В. С. Резникова.

Передано в ЦБ
Принято 1934 г.

Ответственный редактор
М. А. Брагинский. Технический
редактор С. И. Решетов. Сдана
в набор 15/XII—32. Подписана
к печати 21/VI—33. Изд. № 15.
Форм. бум. 62×94 см., Печ. л. 13.
Уполн. главл. № В—42.897.
Тир. 3.100. Зак. 1651. Отпечатано
в тип. Профиздата. Москва,
Крутицкий Вал, 18.

РОССИЙСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ЦЕНТР
ИМ. ГЕРШТЕЙНА

ПРЕДИСЛОВИЕ

Едва ли нужно доказывать, что русская политическая ссылка, применявшаяся царским правительством в широких размерах для борьбы с революционным движением, заслуживает серьезного изучения: страна должна знать о том, что пережили деятели, работавшие для освобождения трудового населения от монархического и капиталистического гнета и за это подвергавшиеся изоляции их от прежних культурных условий жизни и всевозможным гонениям и лишениям. С другой стороны, эта ссылка должна заслуживать внимания и потому, что по особым условиям жизни окраин бывшей империи она в значительной мере содействовала развитию политического сознания провинциального населения, усилению в нем революционного движения и вообще подготовке его к принятию революции, уничтожившей (в 1917 г.) царский режим.

Работа по изучению русской политической ссылки, конечно, громадна: охватить жизнь десятков тысяч лиц, живших в изгнании по разным городам и местам обширного русского государства, дело очень сложное и трудное и для своего выполнения требует целого ряда работников и известной системы работы.

Отдельными этапами этой работы, несомненно, должны явиться обзоры политической ссылки прежде всего по тем дореволюционным губерниям, в которых царское правительство по преимуществу сосредоточивало политических ссыльных, каковы: Архангельская, Вологодская, Вятская, Пермская, Уфимская, Самарская, Симбирская, Астраханская, Новгородская, Олонецкая, а также губернии Западной и Восточной Сибири.

Предлагаемый очерк является опытом изучения политической ссылки в одну из обширных губерний Европейской России, именно Вятскую, которая в истории русской политической ссылки занимает среди губерний России очень видное место, так как она служила местом систематической ссылки, начиная с 1830-х годов вплоть до революции 1917 года, и так как в ней влияние политических ссыльных сказалось очень сильно. Губерния эта, ныне почти целиком вошедшая в состав Горьковского (Нижегородского) края, в дореволюционное время заключала в себе территорию Вотской автономной области, значительную часть Марийской области, небольшие части Татарской Республики (именно бывший Елабужский уезд) и Уралобласти (среднее Прикамье с городами Сарапулом и Воткинском) и всю территорию, лежащую к северу от автономных областей и Татарской Республики вплоть до границ Северного края.

До сих пор вятская политическая ссылка в печати была освещена сравнительно очень мало. В приложении к настоящему очерку помещен перечень относящихся к ней печатных статей, а здесь уместно будет сделать

несколько замечаний об общем характере печатного материала о вятской ссылке. Материал этот может быть разделен на три группы.

К первой группе относятся статьи и заметки самих политических ссыльных, как-то: их письма за время ссылки, воспоминания, литературные произведения, написанные в ссылке; материал этот сравнительно небольшой: мы имеем письма А. И. Герцена (1835—1837 гг.), В. Г. Короленко (1879—1880), Э. Л. Улановской (1879—1882) и В. В. Воронского (1898—1901), далее воспоминания о ссылке — Герцена (в «Былое и Думы»), Селиванова, Унковского, В. Г. Короленко (в «Истории моего современника»), А. Н. Потресова (в его примечаниях к опубликованной переписке с ним разных лиц) и П. П. Брюханова, небольшие заметки и корреспонденции политссыльных в местной прессе, какие стали появляться в газетах, главным образом после революции 1905 г. Сюда же могут быть отнесены письма к вятским ссыльным других лиц, так как, являясь иногда ответом на письма политссыльных, к настоящему времени утраченные, они до некоторой степени также освещают вятскую ссылку. Таковы письма А. Н. Потресову В. И. Ульянова (Ленина), Г. В. Плеханова, М. И. Туган-Барановского, а также письма к Улановской ее матери.

Ко второй группе относятся статьи о политических ссыльных, писанные другими лицами на основании или своих воспоминаний, или архивных документов, или, наконец, по произведениям политссыльных. Этот материал, в общем также не особенно значительный, в той или в другой мере освещает пребывание в вятской ссылке Герцена, Салтыкова-Щедрина, В. Короленко, Ф. Ф. Павленкова, А. А. Андриевского, Н. Ф. Баумана, В. В. Воронского, Ф. Э. Дзержинского, И. Ф. Дубровинского и В. А. Горбачева; кроме того, имеются совершенно краткие упоминания относительно очень немногих политических ссыльных в разного рода словарях, энциклопедиях.

К третьей группе материалов относятся правительственные распоряжения, изданные по поводу ссылки вообще (в Полном Собрании Законов и в Собрании Узаконений и Распоряжений Правительства). Этот материал уже совсем незначительный, так как царское правительство обычно не публиковало в печати своих распоряжений о политической ссылке, предпочитая рассылать их своим агентам на места «секретно» или «совершенно секретно».

Общих обзоров вятской политической ссылки нет, если не считать очень небольшой по объему (в 19 страниц) статьи «Вятская ссылка», в которой автор (И. Мирон) изложил несколько циркуляров департамента полиции за 1860-е 1870-е и годы, «положение о ссыльных» 1881 года, привел несколько фактов из вятской ссылки из архивных дел и дополнил своими соображениями, часто не соответствующими действительности.

Скудость печатной литературы о вятской ссылке побудила автора предлагаемого очерка обратиться к разысканиям архивного материала.

Прежде всего им был использован основной архивный фонд, в котором в прежнее время сосредоточивались сведения о каждом политическом ссыльном Вятской губернии. Это — дела канцелярии вятского губернатора по 2 столу. Фонд этот сохранился довольно полно, хотя и не целиком, но он еще не выявлен, т. е. не имеет описей, соответствующих его современной наличности, что, конечно, в значительной мере замедляет и затрудняет работу по отысканию нужных сведений.

Далее автором пересмотрены сравнительно небольшие остатки архивных фондов Вятского, Орловского, Слободского и Яранского полицейских управлений, а также архивный фонд Вятского губернского жандармского управления, относящийся главным образом ко времени после первой революции (1905 г.) и хранящийся в Вятском архивбюро. Кое-какие сведения были извлечены из дел Вятского губернского правления, Вятского губернского статистического комитета.

Кроме вятских архивных фондов, частично использованы архивные фонды г. Ленинграда: департамента полиции исполнительной, Главного управления по делам печати, С.-Петербургского цензурного комитета и из рукописного отделения Пушкинского Дома Академии Наук, а также фонд Казанской судебной палаты.

Всего по вятской политической ссылке автору удалось пересмотреть до 500 архивных дел и значительное количество старых архивных описей.

Кроме того, в связи с другой темой работы автором просмотрено весьма большое количество архивных фондов, относящихся к бывшей Вятской губернии, за XVII, XVIII, XIX и XX вв., в городах Москве, Ленинграде, Вятке, Ижевске, Перми и Казани; но автор не считает необходимым перечислять их здесь, так как в них сведений о политической ссылке не оказалось.

Помимо архивного материала, в предлагаемой книге использованы устные воспоминания о вятских политических ссыльных, сообщенные вятскими старожилами, которые по обстоятельствам своей жизни были довольно близко знакомы с теми или иными ссыльными, каковы: Н. А. Чарушин, М. Г. Селенкина, М. Авейде, Г. Ф. и В. И. Шубины, врач Чемоданов (в Уржуме), А. Н. Баранов и С. И. Крестьянинов. Воспоминания этих лиц относятся частью к 1870-ым годам, частью к концу XIX и началу XX века. Наконец, некоторые сведения о писателе Чехийские-Ветринском получены от его дочери в порядке частной переписки.

Теперь несколько слов о расположении материала в предлагаемом очерке. Русская политическая ссылка вообще может быть разделена на 3 периода в соответствии с 3 периодами революционного движения в России: 1 период — по преимуществу дворянский — с начала XIX века до 1860-х годов; 2-й период — дворянско-разночинский — с 1860-х годов до революции 1905 года и 3-й период — рабоче-крестьянский — между революциями 1905 и 1917 годов.

По этим трем периодам рассматривается в очерке и вятская ссылка, причем второму периоду автором уделены две главы — II и III; в последней рассматривается вятская ссылка за 9 лет до первой революции, начавшаяся после нового обращения Вятской губернии в разряд ссыльных губерний. Глава IV посвящена обзору вятской ссылки в период времени между революциями 1905 и 1917 годов.

В V главе автор считает необходимым коснуться положения бывших политических ссыльных после отбытия ими вятской ссылки, так как положение это, по крайней мере до конца XIX в., было соединено с ограничениями (как в выборе места жительства, так и в выборе занятий), которые делали послессыльное состояние в известной мере продолжением ссылки.

Глава VI представляет собой попытку уяснить культурное значение

вятской политической ссылки для местного края и, в частности, ее влияние на развитие революционного брожения в этой отдаленной от столичных центров окраине.

В приложениях к очерку приведено несколько архивных документов, характеризующих вятскую ссылку, и перепечатано из малодоступного ныне читателям издания (газеты «Молва» 1880 г.) открытое письмо В. Г. Короленко, относящееся ко времени его вятской ссылки, почему-то не помещенное в полном собрании его сочинений.

В заключение автор считает своим долгом принести искреннюю благодарность всем заведывающим архивными фондами, в которых ему приходилось работать по собиранию архивных материалов о вятской политической ссылке, а также всем поделившимся с автором своими воспоминаниями о вятских ссылкеных.

18 марта 1933 г.

Принятые в очерке условные обозначения в примечаниях:

Д. к. в. г. — Дело канцелярии вятского губернатора.

Д. в г. ж. у. — Дело Вятского губернского жандармского управления.

Д. деп. пол. исп. — Дело департамента полиции исполнительной.

Д. СПб. ценз. ком. — Дело С.-Петербургского цензурного комитета.

ГЛАВА I

Вятская политическая ссылка в 1825—1859 гг.

Систематическая политическая ссылка в Вятский край начинается с царствования Николая I, который пользуется ею, как методом борьбы с лицами политически неблагонадежными или даже просто подозрительными¹. В самом начале этого царствования (1827 г.) из Москвы был выслан в Вятку Н. Р. Тюрин. Причиной высылки было то, что Тюрин, тогда еще 16-летний мальчик, слышал противоправительственные разговоры лиц, составлявших тайное общество братьев Критских².

Затем в 1830-х годах в Вятскую губернию были высланы поляки, участвовавшие или заподозренные в участии в польском восстании 1830 года; летом 1831 г. в Вятку были переведены

¹ Отдельные случаи политической ссылки в Вятский край мы видим по документам и в древнейшее время; так, царем Борисом (Годуновым) в 1601 г. был выслан в г. Яранск Василий Романов, дядя Михаила Романа, впоследствии избранного на царский престол (в 1613 г.), причем он был привезен сюда в цепи и железзах, а отсюда через месяц был отправлен в Пельым, где и посажен на цепь в одну избу с братом своим Иваном («Акты исторические», т. II, стр. 37—40; Шишонко. Пермская летопись, т. I, стр. 152—153). Одновременно с Романовым был выслан в г. Малмыж его родственник, князь Иван Черкасский, который через год был переведен на службу в Нижний Новгород («Акты исторические», т. II, стр. 43—44). В конце XVII в. в Вятке проживали ссыльные литовские люди в количестве 8 человек (Росписной список г. Хальнова 1678 г. в «Трудах Вятской ученой архивной комиссии» 1905 г., вып. V—VI, отд. II, стр. 29).

В декабре 1813 г. император Александр I, находясь во Фрейбурге (за границей), приказал сослать в Вятку французского генерала Вандама в виду того, что москвичи стали принимать его в своих домах с большим сочувствием («Труды Вятской ученой архивной комиссии 1912 г.», вып. III, стр. 41; «Столетие Вятской губернии», т. I, стр. 348—350). Может быть, сочувствие москвичей не вызвало бы ссылки Вандама в отдаленную и холодную Вятку, в которой пленные французы в значительном количестве (до 40%) умирали, если бы Александр I не был раздражен «дерзким» ответом ему военнопленного Вандама: когда Александр I упрекнул его в том, что он обгадил руки свои кровью невинных жертв наполеоновского режима, то Вандам ему ответил: «но я не убивал своего отца». (Н. И. Греч. Записки о моей жизни. 1930 г. М—Л., стр. 194).

² Библиографический словарь: «Деятели революционного движения в России», т. I, стр. 186.

поляки, находившиеся в ссылке в Курске, а в сентябре того же 1831 г. были изданы распоряжения о размещении в Вятской губернии всех пленных чиновников царства Польского, т. е. тоже участников восстания. Для размещения их в пределах губернии из Петербурга были командированы адъютанты Николая I Грессер и Безобразов. В начале 1832 г. вятский губернатор писал министру внутренних дел и шефу жандармов графу Бенкендорфу, что в Вятскую губ. прислано уже свыше 300 чел. и что присылка их продолжается¹. Впрочем, в марте 1833 г. ссыльные поляки были амнистированы и возвращены на родину².

Параллельно с этим шла высылка по индивидуальным высочайшим повелениям, т. е. относящимся к отдельным лицам.

За время царствования Николая I в Вятскую губернию по его приказам, насколько можно судить по сохранившимся материалам, было выслано до 58 человек³. Хронологически высылка их происходила таким образом: во второй половине 1820-х годов — 1, в 1830-х — 36, в 1840-х — 7 и в 1850-х — 11. О времени высылки 3 человек не имеется сведений. За что они были высланы? Из 54 человек, причины ссылки которых известны из сохранившихся документов, 35 человек (64%) были высланы по связи их с польским революционным движением: одни принимали непосредственное участие в польском восстании 1830 года, другие имели сношения с польскими эмигрантами, являвшимися в Польшу для поддержания восстания, третьи «вредно влияли на молодежь», четвертые принимали участие в польских тайных обществах, возникавших в различных местах Польши в 1830-х и 1840-х годах. Один выслан за подговор отпускных солдат не являться на действительную службу и один — за самовольный уход за границу. Судя по польским фамилиям лиц, причина ссылки которых не указана в списках, надо думать, что и они сосланы были по связи их с польским движением.

Из других причин ссылки, не имеющих отношения к польскому революционному движению, следует указать:

- 1) издание книг или статей неодобрительного содержания (князь Долгоруков, Салтыков-Щедрин, помещик Селиванов);
- 2) составление или пение «пасквильных стихов» (Герцен, Яворский);

¹ Д. к. в. г. 1833 г. № 3.

² Лемке. «Полное собр. соч. Герцена», т. XII, стр. 383.

³ Эту цифру мы устанавливаем на основании списка, опубликованного Лемке в «Полном собрании сочинений Герцена», т. XII, списка 1845 (в архиве департамента полиции), списков 1848, 1852, 1854 годов, списка 1868 г. (в вятских архивах) и из архивных дел канцелярии вятского губернатора за 1830—1840—1850-е годы. Указанную выше цифру (58 человек) мы считаем довольно близкой к действительной; в нее могли не войти только лица, присланные в начале 1840-х годов, если они были высланы на очень короткое время. Но таких лиц не могло быть много, так как Николай I не любил ссылать на малое время.

3) участие в обществе филаретов и филомитов и составление антиправительственных стихотворений (проф. Верниковский);

4) участие в Украинском славянском обществе (Навроцкий);

5) старание возбудить в детях неповиновение правительству, вредное влияние на юношей (проф. Шаполинский, московский учитель Трейман);

6) намерение посягнуть на жизнь императора (Любанский);

7) участие в грузинском заговоре (Додаев);

8) участие в тайном обществе братьев Критских (Тюрин, о котором выше было упомянуто).

Николаевская ссылка в Вятский край не отличалась кратковременностью. Из 37 человек, о продолжительности ссылки которых у нас имеются точные сведения, провели в Вятской ссылке: один год 4 человека, по два года — 3, по три года — 6, четыре — 3, пять лет — 5, шесть лет — 2, семь — 5, восемь — 1, десять — 1, одиннадцать — 3, двенадцать — 1, четырнадцать — 1, восемнадцать — 1 и двадцать девять лет — 1¹. Все 37 человек провели в общем 226 лет ссылки, или в среднем по 6,1 года каждый. А если принять во внимание, что из Вятки некоторые ссыльные уезжали в другой город, в ссылку же, а не на свободу, то вышеприведенную среднюю цифру лет ссыльного состояния мы должны будем несколько увеличить.

В николаевскую эпоху ссыльные размещались по преимуществу в губернском городе Вятке. Из 39 человек, о месте жительства которых имеются сведения, было назначено 26 человек в г. Вятку, 3 — в Елабугу, по 1 в Котельнич, Сарапул, Слободской и Уржум, по 2 человека в Глазов, Орлов и Яранск. Так как уездные города тогда были слабо обставлены медицинской помощью (имели по 1 врачу, который должен был обслуживать и уезд, и не все города имели аптеки), то поэтому некоторые ссыльные старались перепроситься или в г. Вятку, или в г. Слободской, где в 1830-х годах славился врач Юревич. Проживавший в г. Орлове ссыльный Валевский проезжавшему через Орлов наследнику престола (в мае 1837 г.) подал просьбу о дозволении ему возвратиться на родину или жить в том городе, где есть врач и аптека. 1 ноября 1837 г. эта просьба была доложена Николаю I, который «повелеть соизволил» — принять просьбу к сведению².

Что касается материального положения ссыльных, то следует сказать, что на основании утвержденного правительством Николая I в 1831 г. положения, должно было выдаваться ссыльным пособие в размере 50 коп. в сутки или 15 руб. в месяц и

¹ Эти 29 лет выпали на долю уроженца царства Польского Казимира Коханского, сосланного Николаем I в 1843 г. (в официальной бумаге, присланной вятскому губернатору, даже не формулирована была причина ссылки). Освобожден он уже Александром II после 1871 г.

² Д. к. в. г. 1835 г. № 11.

иногда квартирные по 4—5 руб. в месяц. В 1838 г. четырем ссыльным (военным) Николаем I было назначено по 1 руб. в сутки. В 1840-х годах назначаются пособия по 4 р. 50 к. в месяц и по 1 р. 50 к. квартирных; этот размер вошел в качестве нормы в Свод Законов.

Некоторые из политических ссыльных состояли на службе в различных учреждениях г. Вятки. Так, Н. Тюрин, высланный в 1828 г., служил сначала в Вятском губернском правлении, а затем квартальным надзирателем¹. А. И. Герцен, занимая должность переводчика губернского правления, работал в только-что учрежденном губернском статистическом комитете. А. И. Верниковский, бывший проф. Казанского университета, и И. М. Смурочвич состояли преподавателями французского языка в местной мужской гимназии (первый в 1836—1838, второй в 1841—1851 годах) и, по свидетельству автора «Истории Вятской гимназии» Васильева, поставили преподавание своего предмета на такую высоту, на какой она не стояла ни прежде, ни после². М. Е. Салтыков служил сначала в канцелярии вятского губернатора, а затем в Вятском губернском правлении (1848—1855). И. В. Селиванов был чиновником особых поручений при губернаторе. А. А. Навроцкий, известный потом украинский поэт, служил в Елабужском земском суде (1847—1853). Янишевский, сын одного из уездных предводителей дворянства Вольнской губернии, служил последовательно в Глазовском, Слободском и Сарапульском земских судах на должности канцеляриста (1834—1841). Отставной штабс-капитан Мадалинский, проживший в ссылке около 12 лет, в последние годы своей службы состоял смотрителем Малмыжской больницы. Наконец, Яворский, живший в ссылке около 18 лет, занимался обучением игре на фортепиано.

Надзор за ссыльными лежал на обязанности полицеймейстера (в Вятке) и городничих (в уездных городах).

Переписка ссыльных была подчинена специально выработанным и утвержденным Николаем I правилам, относившимся ко всем вообще «государственным преступникам». Этими правилами требовалось, чтобы посылаемые «преступниками» письма были представляемы в III отделение собственной императорской канцелярии, а пересылаемые «преступникам» письма и вещи были рассматриваемы местным начальством. Применяя эти правила к вятской ссылке, вятский губернатор Тюфяев, бывший сослуживец Аракчеева, предписал городничим и почтовым конторам Вятской губернии так поступать, как приказано, а городничим, кроме того, поручил наблюдать, чтобы «государственные преступники не имели переписки через частные руки, а ежели сие откроется,

¹ Д. к. в. г. 1835 г. № 11.

² Васильев. История Вятской гимназии за сто лет ее существования. Вятка, 1911, стр. 79—81.

то захватить все бумаги как их, так и тех лиц, которые изобличены в частной переписке государственных преступников, и, арестовав их самих, донести мне (т. е. губернатору Тюфяеву) о том в ту же минуту». Но рвение его на этом не успокоилось. От 4 ноября он писал министру внутренних дел: «Как в переписке преступников могут быть употребляемы неизвестные мне ключи письма, то я обязанностию себе поставляю испрашивать начальственное вашего высокопревосходительства распоряжение, чтобы вся вообще корреспонденция находящихся здесь преступников была представляема мной в III отделение собственной его императорского величества канцелярии. В разрешение сего буду ожидать предписания вашего высокопревосходительства». Но министр, по соглашению с графом Бенкендорфом, ответил, что нет нужды присылать все письма, а достаточно ограничиться только теми, которые покажутся сомнительными или которые будут не понятны¹.

Просмотру в III отделении подвергались, повидимому, письма только тех вятских политических ссыльных, которые не состояли на службе. А. И. Герцен в своих записках «Былое и Думы» нигде не упоминает о том, что ему приходилось предъявлять свои письма губернатору для отсылки в III отделение, хотя он был в ссылке как раз при бывшем аракчеевце—Тюфяеве.

Что касается более детального надзора за жизнью ссыльных, то местная администрация, в виду разнородности ссыльных, иногда затруднялась, как поступать с тем или иным ссыльным. В 1843 г. губернатор писал в министерство внутренних дел, что проживающий в Вятке ссыльный князь Долгоруков познакомился с высшими губерскими чинами — председателем казенной палаты, управляющим палатой государственных имуществ, жандармским штаб-офицером и другими (всего до 7 лиц), бывает у них на вечерах, на винте, приглашает их к себе на обед и на вечер. Губернатор спрашивает министерство, как ему отнестись к такого рода знакомствам ссыльного. Министр внутренних дел, по соглашению с графом Бенкендорфом, уведомил губернатора, что князю Долгорукову не следует запрещать иметь знакомство с тамошним обществом, тем более, что нигде и сам «князь Долгоруков не может столько удерживаться от дурных поступков и нигде не может быть затем и лучших примеров ему, как в кругу высшего общества»².

Если не считать губернатора Тюфяева, уволенного с должности после проезда по Вятской губернии наследника Александра Николаевича, то нужно сказать, что вятские губернаторы 1830—1850 годов не теснили особенно политических ссыльных и даже брали на себя смелость ходатайствовать перед правительством о возвращении их из ссылки. Губернаторы особенно ценили в по-

¹ Д. к. в. г. 1836 г. № 13.

² Д. к. в. г. 1843 г. № 45.

литических ссыльных образование, недостаток которого тогда в Вятской губернии чувствовался особенно сильно при определении на открывающиеся чиновнические места. А губернатор А. И. Середя в своем представлении министерству внутренних дел выражал даже желание, чтобы Вятская губерния продолжала быть местом политической ссылки в виду того, что, как он писал, «образованность и добропорядочность жизни политических ссыльных могут приносить некоторую пользу, в то время как вредные политические мнения их по свойству вятских жителей не могут быть распространены между последними»¹.

В заключение отметим, что в николаевскую эпоху из вятской ссылки в 1850 г. бежал граф Потоцкий, но успел доехать только до Воронежской губернии. Характернее всего то, что побегу Потоцкого содействовал вятский полицеймейстер барон Будберг, который дал Потоцкому подложный паспорт и в качестве провожатого командировал с ним одного из полицейских приставов.

В оплату за это содействие граф Потоцкий дал вятскому полицеймейстеру 5 тысяч руб. под благовидным предлогом на благотворительные нужды, а провожавшему его приставу Макаеву — 3 тыс. руб.

Когда дело это выяснилось, то вятский полицеймейстер и пристав были лишены чинов и орденов, дворянского и баронского достоинства и разжалованы в рядовые² с определением на службу по инспекторскому департаменту.

К наиболее выдающимся вятским политическим ссыльным николаевской эпохи относятся: А. И. Герцен, князь Петр Долгоруков, М. Е. Салтыков-Щедрин и И. В. Селиванов.

А. И. Герцен (1835—1837).

Причиной высылки А. И. Герцена, 23 лет, только-что окончившего Московский университет, была прикосновенность его к делу о пении «насквильных» стихов на одной товарищеской пирушке в Москве.

А. И. Герцен прибыл в Вятку 19 мая 1835 г. в сопровождении жандармского офицера и был сдан под строгий надзор местного начальства. Губернским правлением Герцен был назначен на должность переводчика при губернском правлении, но фактически по распоряжению губернатора он занимался сначала в канцелярии последнего.

Несколько месяцев ему пришлось быть простым переписчиком канцелярских бумаг. В сентябре 1835 г. губернатор поручил

¹ Д. деп. пол. исп. 1846 г. № 1055.

² Д. к. в. г. 1850 г. № 49

ему заведывание всей перепиской по губернскому статистическому комитету, только-что организованному в Вятской губернии по предложению министерства внутренних дел.

Статистика тогда было дело новое, и само министерство, не обладавшее никаким опытом, предложило местам такие программы статистических сведений, которых нельзя было выполнить при полном отсутствии статистических материалов и чрезвычайно низком умственном уровне тогдашних чиновников. Для того, чтобы наладить это дело по Вятской губернии, губернатор предполагал отправить Герцена по городам губернии для инструктирования уездных учреждений в составлении таблиц, но министерство внутренних дел не согласилось на эту командировку, хотя губернатор писал в министерство, что Герцен знает в совершенстве статистическую часть и что он не употребит во зло данного ему поручения.

В результате статистических занятий Герцен составляет статистические материалы о Вятской губернии, а в конце своего пребывания в Вятской губернии он представил в статистический комитет первую тетрадь. Извлечение из этой тетради в виде статьи «Вотяки и черемисы» было напечатано в «Вятских Губернских Ведомостях» уже по отъезде Герцена из Вятки¹. В апреле 1836 г., когда в Вятке был образован попечительный комитет по устройству губернской публичной библиотеки, А. И. Герцен был назначен сотрудником (помощником) заведующего библиотекой. Библиотека была открыта 6 декабря 1837 г., причем на торжественном открытии ее А. И. Герцен произнес составленную им речь, которая предварительно была напечатана в форме листовки².

В 1837 г. Герцену поручается организовать в Вятке выставку естественных и искусственных произведений Вятской губернии, так как ни губернатор, ни другие чиновники в Вятке не могли понять, как выполнить распоряжение министерства—расположить на выставке предметы по 3 царствам природы. Как устроитель выставки, Герцен давал объяснения по экспонатам ее проезжавшему через Вятку наследнику Александру Николаевичу и его

¹ Дело вятск. губернк. стат. к-та за 1835 г. № 8. Статья эта возбудила в вятских административных сферах довольно большую тревогу, закончившуюся довольно курьезным распоряжением. Один из волостных писарей Глазовского уезда прочитал эту статью на волостном сходе местных вотякам. Местный епископ, узнав об этом из донесения священника-мисионера и опасаясь, что вотяки примут газетное описание языческих обычаев за указ, разрешающий совершение жертвоприношений, просил губернатора отобрать отпечатанные листы газеты с списанием языческих обычаев вотяков и приказать на будущее время соблюдать полную осторожность при помещении статей в газете. Губернатор назначил «строгое и беспристрастное следствие о законопротивном поступке» волостного писаря, а губернское правление запретило волостным начальникам объявлять на сходах неофициальные статьи «Губернских Ведомостей» (Д. в. к. 1838 г. № 446 и 214).

² Тот экземпляр, по которому он читал свою речь, в настоящее время хранится в библиотеке Академии Наук СССР.

свите, в составе которой находился известный поэт В. А. Жуковский.

Наконец, уже перед самым отъездом из Вятской губернии, Герцен принял участие в производимой губернатором ревизии государственных имуществ Вятской губернии (лесов, оброчных, пахотных и сенокосных участков, рыбных ловель). Ревизия выявила довольно мрачную картину расхищения казенных лесов и отчасти земель: лесопромышленники вырубали и сплавляли казенный лес на продажу при молчаливом содействии подкупленных ими чиновников (лесничих, полиции и пр.).

В свободное от служебных занятий время А. И. Герцен довольно много внимания отдавал литературным занятиям: им занимались здесь главным образом повести и рассказы; некоторые из них напечатаны были уже после его смерти, другие же остались ненапечатанными отчасти потому, что сам Герцен разочаровался в них впоследствии, отчасти потому, что рукописи его, хранившиеся в Москве, были утрачены.

Живя в Вятке, Герцен неоднократно возбуждал вопрос о переводе его отсюда в Москву или Петербург, но получал отказ, и только через 2½ года ему удалось выбраться отсюда в город Владимир.

Через 12 лет, когда Герцен уже был за границей, по всей Вятской губернии, по приказанию Николая I, производилось расследование о том, нет ли в Вятской губернии имений и капиталов Герцена: предполагалось наложить на них арест в виду отъезда его за границу¹.

Герцен впоследствии описал пребывание свое в Вятке в своих записках под заглавием «Былое и Думы». Записки эти дают нам характерную картину вятской жизни 1830-х годов с взяточничеством чиновников, с административным произволом невежественного губернатора (Тюфяева) и т. д.

После революции 1917 года, в целях увековечения в Вятке памяти о Герцене, имя его было присвоено вятской публичной библиотеке, улице, на которой библиотека находится, одной из школ II ступени в г. Вятке и, наконец, тому району города Вятки, где упомянутая улица, библиотека и школа расположены.

Князь П. В. Долгоруков (1843—1844)

Причиной его ссылки послужило то, что в 1843 г., находясь за границей, он напечатал под псевдонимом гр. Альмагра книгу под заглавием «Сведения о главнейших дворянских родах русских», в которой он приоткрывал завесу над закулисной стороной дворянских биографий. Долгоруков был вытребован по царскому приказу из-за границы в Россию и 21 мая 1843 года отправлен

¹ Дело Вятск. губ. правления за 1849 г. о наложении запрещения на именина надворного советника А. Герцена.

в Вятку для определения там на службу; через 4 дня получен новый, более строгий приказ — не считать князя Долгорукова на службе и отдать его под самый строгий надзор с приказанием за малейшие зловерные выражения и действия арестовать его. Причиной того приказа был, повидимому, отказ князя Долгорукова поступить в Вятке на службу. Этим отказом было сильно уязвлено самолюбие Николая I.

В Вятке Долгоруков жил около 10 месяцев, причем завел там знакомство с вятской служебной аристократией. 14 марта 1844 года Николаем I ему было разрешено выехать из Вятки и поселиться там, где он хочет, за исключением Петербурга.

Через 14 лет он тайно переехал за границу и за напечатанные в 1860 году книги на французском языке под заглавием «Правда о России» был лишен прав состояния и признан изгнанником¹. В начале 1860-х годов издавал за границей журналы: «Будущность», «Листок», «Правдолюбивый». Умер в Берне в 1868 г.².

М. Е. Салтыков-Щедрин (1848 — 1855)

Причиной ссылки была статья М. Е. Салтыкова, помещенная в журнале «Отечественные Записки» под заглавием «Запутанное дело», где он высказал сочувствие социальным идеям. Действствовавший тогда негласный Бугурлинский комитет по делам печати сопоставил эту статью Салтыкова с другой его статьей, ранее напечатанной под заглавием «Противоречия», и в апреле 1848 г. постановил выслать Салтыкова из Петербурга в Вятку.

3 июня 1848 г. Салтыков был зачислен в канцелярские чиновники Вятского губернского правления, но уже в ноябре был назначен на должность старшего чиновника особых поручений при вятском губернаторе А. И. Серее, а через 2 года переведен на должность советника губернского правления, в какой должности и оставался до конца своей ссылки. Нередко губернатором возлагались на него особые поручения. Так, в 1850 г. он был распорядителем выставки сельскохозяйственных произведений в г. Вятке; в 1850—1851 гг. ревизовал города Вятской губернии в хозяйственном, финансовом и статистическом отношениях и в следующем году составляет инвентарные описания имуществ горо-

¹ Д. к. в. г. 1843 г. № 45.

² В настоящее время можно считать доказанным, что князь Долгоруков является автором одного подметного письма, направленного в 1836 г. к поэту А. С. Пушкину и повешенного к трагической развязке — дуэли и смерти Пушкина. В 1927 г. судебный эксперт советского суда известный ленинградский специалист по почеркам, инспектор научно-технического бюро ленинградского уголовного розыска тов. А. А. Сальков, смыв образцы подлинного почерка князя Долгорукова и почерка анонимных пасквильных писем к А. С. Пушкину, установил полное сходство этих почерков (Щеголев. Убийцы Пушкина, в журнале «Минувшие дни», декабрь 1927 г.).

дов Вятской губернии. В 1854 г. производил дознание о старо-обрядцах Глазовского и Сарапульского уездов¹.

В своей работе М. Е. всегда стремился к тому, чтобы оградить интересы страдающих и обездоленных. Характерна в этом отношении история с камской оброчной статьёй. Крестьяне Трушниковской волости Слободского уезда, располагавшие ничтожным земельным наделом (от 2 до 3 десятин на душу), расчистили для себя казенные леса. Администрация вместо того, чтобы увеличить земельный надел трушниковских крестьян, обратила расчищенные ими земли в оброчную статью и стала отдавать ее в аренду частным лицам. Арендаторы, уплатив арендную плату в казну, стали стеснять крестьян в пользовании произведенными ими расчистками, настаивая на внесении арендной платы. На этой почве в 1850-х годах возник конфликт, для ликвидации которого на место выехала комиссия (из исправника, помощника окружного начальника, станowego пристава), но крестьяне заставили ее дать подписи, оправдывающие их способы действий; действия крестьян были сочтены за бунт, для усмирения которого было послано за военной командой. В этот момент приезжает сюда Салтыков; ему удается найти примирительный исход, отводящий уже занесенную над крестьянами руку, а затем в своем докладе по начальству он настаивает на том, чтобы камская оброчная статья была целиком отведена в состав крестьянского земельного надела в виду малоземелья крестьян. Мысль эта при тогдашних обстоятельствах была далеко не безопасна для него, как человека в политическом отношении скомпрометированного, так как могла быть принята за поощрение «бунтовщиков».

Энергия и добросовестность служебной работы М. Е. Салтыкова отмечались губернаторами в их донесениях высшему правительству. Через 5½ лет (7 января 1854 г.) губернатор Семенов писал министру внутренних дел, что Салтыков во все время пребывания в Вятке вел себя во всех отношениях весьма хорошо, а служебные обязанности всегда исполнял с примерным усердием, неутомимой деятельностью и при отличном знании дела с большой пользой для службы².

Любопытен отзыв о Салтыкове, данный в 1853 г. чиновником, прибывшим в Вятку для ревизии: «Салтыков весьма способный и образованный, честный и дельный, но, как говорят, самонадеянный и смелый в словах и действиях, характера неприятного, но этот молодой человек достоин сожаления: почти тотчас после выпуска из лицея за какое-то литературное произведение он удален на жительство в Вятку; с тех пор понятия и идеи его

¹ Находясь в Вятке, Салтыков 24 сентября 1849 г. привлекался к допросу по делу Петрашевского, который за организацию общества, направленного, по мнению суда, к разрушению существующего государственного устройства, был приговорен в декабре 1849 г. к расстрелу, замененному при конфирмации приговора пожизненной каторгой.

² «Труды Вятской уч. арх. к.». 1905 г., вып. V—VI, отд. III, стр. 237.

изменились к лучшему, но прав, напротив того, несколько ожесточился, к тому же избавован был губернатором Середою»¹.

В 1854 г. губернатор Семенов возбудил ходатайство об освобождении Салтыкова от ссылки. Получено было согласие на освобождение и со стороны шефа жандармов, но министр внутренних дел все-таки не решился представить Николаю I доклад по этому вопросу. Лишь по смерти Николая I Салтыков был освобожден от ссылки. Выехал он из Вятки в ноябре 1855 г.

Наблюдения над вятской жизнью дали М. Е. Салтыкову материал для его «Губернских очерков», которые были изданы через год по окончании его вятской ссылки и которые сразу же создали ему почетное имя в русской литературе. В этих очерках раскрывались тогдашние язвы, от которых страдала Россия вообще и Вятский край в особенности—взяточничество, казнокрадство, беззаконие, административный произвол. Вятская губерния здесь названа Крутогорской. Помимо Вятки (Крутогорска), в очерках называются города: Черноборск (Слободской), Оков (Глазов), Полорецк (Сарапул).

Многие черты героев «Губернских очерков» были взяты из вятской жизни: в Порф. Петр. Харченко вятчане узнавали советника питейного отделения Вятской казенной палаты Г. И. Макарова, в князе Чебылкине — губернатора Семенова, в генерале Голубовицком — губернатора Середу, в семье Размановских — семью прокурора суда Шиллинга, в докторе Проимине и его жене Вере Гоглибовне — врача Ник. Вас. Ионина и его жену.

Появление «Губернских очерков» произвело в высших кругах г. Вятки целую бурю: они упрекали М. Е. Салтыкова в том, что он описал людей, у которых часто бывал, обедал, играл в карты и которые, конечно, никак не могли ожидать, что попадут в литературу, и притом в столь непривлекательном иногда виде — словом, видели в этом проявление черной неблагодарности.

В Вятке М. Е. Салтыков-Щедрин проживал в доме Раш на ул. Вознесенской (ныне ул. Ленина).

Район города, в котором находится этот дом, после революции назван районом имени Салтыкова-Щедрина, и на доме, где жил Салтыков, прибита металлическая дощечка с соответствующей надписью. Именем Салтыкова-Щедрина названа также одна из библиотек г. Вятки².

¹ Д. деп. пол. исп. 1853 г. № 1496.

² Архивных дел о вятском периоде жизни М. Е. Салтыкова в настоящее время в вятских архивах не имеется. Большая часть сосредоточена в рукописном отделении Пушкинского Дома Академии Наук (в Ленинграде). По описям (под № 610—635) значатся хранящимися здесь 26 дел канцелярии вятского губернатора и Вятского губернского правления, относящиеся к Салтыкову, и кроме того тетрадь черновых статей Салтыкова о Вятской сел.-хоз. выставке с пометами вятского губернатора, а также проекты канцелярских бумаг, относящихся к этой выставке.

В делах между прочим встречается интересный материал о хозяйстве ревизионных М. Е. Салтыковым городов Вятской губ. в 1850 годах.

И. В. Селиванов (1850—1851)

Селиванов Илья Васильевич — пензенский помещик, в марте 1850 г. был выслан в Вятку «за превратный образ мыслей, выраженный в литературных сочинениях и в частной переписке». Превратность образа мыслей III отделение усмотрело в том, что в одной своей повести он говорил, как один молодой человек, богатый и с высшим образованием, пошел в становой пристава для того, чтобы издаваемые правительством законы передать массам крестьянского населения в превратном виде. А под частной перепиской разумеется проект письма его к проф. К. Д. Кавелину, где между прочим он писал, что во сто крат быть лучше чиновником и служить 10 час. в сутки, нежели быть помещиком и чувствовать на себе тяжесть нравственной ответственности, когда ее удовлетворить нечем. Письмо это, написанное во время голода в Пензенской губ., не было отправлено по назначению. Тем не менее Селиванов был привлечен жандармским управлением к ответу. На допросе помощник шефа жандармов Дубельт сказал ему, что этот вздор натолкован мошенниками, подобными Бакунину, Герцену и другим. А когда Селиванов начал говорить о Герцене в опровержение мысли Дубельта, то последний заявил ему: «Герцен! У меня 3 тыс. десятин жалованного леса, и я не знаю такого гадкого дерева, на котором бы его, Герцена, не повесил». Характернее всего то, что Селиванов, по его словам, не выражал мысли, приписанной ему в его повести, а говорил совсем другое. Возникновение дела о нем он объясняет мезтью пензенского губернатора, известного в то время взяточника, который этим хотел устранить кандидатуру Селиванова на должность предводителя дворянства.

В Вятке Селиванов был назначен чиновником особых поручений и делопроизводителем губернского статистического комитета; по поручению губернатора производил несколько следствий, требующих особого доверия.

По истечении 10 месяцев он был освобожден от ссылки без всяких ограничений. На литературную деятельность вступил в 1875 г. и сделался сотрудником известного либерального журнала «Современник». Ему принадлежит в этом журнале целый ряд повестей и рассказов обличительного направления, где он изображал взяточничество чиновников всякого рода, судебные неправды и другие неурядицы дореформенной жизни; таковы: «Полесовицки», «Контрабанда», «Необыкновенный случай», «Иван Ермолаевич», «Два убийства». Селиванов сотрудничал и в других журналах: «Современная Летопись», «Русский Архив», «Русский Вестник», «Вестник Современной Литературы». Свою ссылку в Вятскую губернию он описывает в «Записках дворянина-помещика» («Русская Старина» 1880, кн. 6—8).

ГЛАВА II

Политическая ссылка в Вятскую губернию в 1860—1896 гг.

В 1860-х годах, как известно, в России усиливается революционное движение, а в январе 1863 г. в Польше вспыхнуло открытое восстание, имевшее целью восстановление государственной независимости Польши в ее былых границах. В борьбе с революционным движением правительство решило применять в широких размерах высылку политически вредных, с его точки зрения, лиц из мест постоянного их жительства. В виду этого оказалось необходимым указать места, где могли бы быть водворяемы эти лица, и выработать известные указания относительно того, как должны были поступать провинциальные агенты правительственной власти с присылаемыми к ним «неблагонадежными» людьми.

Все это и было сделано правительством. 26 апреля 1863 г. императором Александром II были утверждены рассмотренные в комитете министров «Правила полицейского надзора за лицами, обнаружившими вредные политические стремления», а также списки местностей, «назначаемых для ссылки». Министром внутренних дел одновременно были опубликованы две инструкции—одна для губернаторов, а другая для начальников полиции, т. е. уездных исправников и полицеймейстеров. Так как эти правила и инструкции почти на 20 лет установили отношение к политическим ссыльным местной администрации и полиции и затем легли в основу положения о полицейском надзоре (изданного в 1882 г.), а между тем до настоящего времени остаются неизвестными, то мы считаем необходимым привести их текстуально в приложении к настоящей книге (см. приложения I, II, III и IV), а здесь лишь кратко познакомим читателей с содержанием этих актов правительственного творчества.

В правилах все лица, признанные вредными по политическим стремлениям, правительством были разделены на две группы: 1) уроженцев западных губерний и 2) уроженцев великороссийских и прочих губерний. Для первой группы ссыльных правительством были назначены 49 городов 14 губерний (Архангель-

ская, Воронежская, Казанская, Костромская, Нижегородская, Новгородская, Олонецкая, Оренбургская, Пензенская, Пермская, Саратовская, Тамбовская, Лифляндская и Эстляндская). Для лиц второй группы назначались 23 города четырех губерний (Вологодской, Вятской, Самарской и Симбирской). В городах первой группы предполагалось поместить 945 ссыльных с увеличением для надзора за ними штата полиции на 199 человек, в городах второй группы для ссыльных отводилось 487 мест с увеличением штата полиции на 103 человека.

В частности, в городах Вятской губернии предполагалось поместить 185 ссыльных, а для надзора за ними штат полиции увеличить на 39 человек.

Далее в правилах говорилось, что при высылке неблагонадежного нужно сообщать подлежащему губернатору сведения о его социальном, семейном и материальном положении (п. 3) и принимать меры к охране его имущества (пп. 4—5); что дополнительный штат полицейских чинов назначается преимущественно для надзора за безотлучным пребыванием высланных (п. 7). Все эти полицейские чины подчиняются непосредственно начальнику губернии (п. 8). Кроме того, для усиления надзора отпускается в безотчетное распоряжение начальника полиции по 150 р. в год. Правила касаются еще и несовершеннолетних детей; при высылке на родину они вверяются попечению родителей или дальних родственников. Молодые люди из западных губерний могут быть высланы к родителям лишь в том случае, если эти последние по образу мыслей и направлению окажутся благонадежными.

В приложенной к правилам инструкции начальнику губерний рекомендовалось разделить ссыльные города каждой губернии на 2 разряда (по количеству населения, климатическим условиям, географическому положению и материальным удобствам) и назначать ссыльному тот или иной город в зависимости от его поведения и нравственности, причем губернатору предоставлялось право переводить ссыльного из одного города в другой (п. 3)¹, а также право ходатайствовать перед министром об освобождении ссыльного из-под надзора полиции (п. 8). Далее на начальника губернии инструкция возлагала обязанности принимать меры против покушения ссыльных к отъезду (бегству) (п. 6) и вообще контролировать деятельность уездной полиции по надзору за ссыльными, подвергая неисполнительных или небрежных чинов полиции законной ответственности (п. 7).

Вторая инструкция (начальнику полиции) говорила главным образом о том, что начальник полиции должен осуществлять надзор за ссыльными (следить за знакомством, за перепиской, за от-

¹ Перевод в другую губернию, а также перевод из такого города, который был указан министром внутренних дел, мог состояться лишь с разрешения сего последнего (п. 3 и 5).

ношением общества к ним и их к обществу) и особенно принимать меры против побегов. Говорилось также и о том, что начальник полиции должен распорядиться приисканием для ссыльных удобных помещений (квартир) и облегчать по возможности затруднения ссыльных в чужой и незнакомой местности. Впрочем, этот последний пункт уже заранее обречен был на то, чтобы сделаться мертвой буквой. Рекомендация полицией квартир, естественно, должна была быть встречена ссыльными с полным недоверием, а от услуг полиции политические ссыльные старались всемерно уклоняться.

Правила и инструкции были присланы министром внутренних дел в Вятку в конце мая 1863 г.; через три месяца тот же министр предложил губернатору обратить особое внимание на предупреждение побегов политических ссыльных и на предупреждение распространения ими «вредных понятий и стремлений, за которые они высланы».

Главное внимание, по его мнению, следует обратить на то, чтобы высланные были постоянно в виду полицейских чиновников, а для этого, смотря по местным соображениям, необходимо или обязать их являться ежедневно к полицейскому начальству, или же возложить на полицейских чинов обязанность часто посещать означенных лиц на квартирах. При покушении на побег необходимо принять меры, указанные в 9 и 10 пунктах инструкции полиции, т. е. применять домашний арест по общему порядку. За явное неповиновение начальству виновные должны предаваться суду.

В целях лишения поднадзорных возможности изустно и письменно распространять вредные политические стремления необходимо, по мнению министра, пресекать составленные поднадзорными живые связи и для этого или переводить их в другие пункты губернии, или удалять лиц, с которыми составлены связи, если это удаление возможно осуществить административным порядком без нарушения законов.

Для обнаружения вредного влияния ссыльных министр рекомендует обыски и просмотр корреспонденции ссыльных, если последние распространяют вредные политические стремления. Таким образом, своим циркуляром министр в сущности отменил неприкосновенность переписки, о которой за 4 месяца пред тем возвещалось в § 7 инструкции начальнику полиции. В следующем году (1864) циркуляром от 29 мая министр внутренних дел разъяснил, что жены политических ссыльных, добровольно за ними последовавшие, должны подвергаться тем же ограничениям, каким подвергаются и сами политические ссыльные, и что дети их должны находиться под таким же строгим надзором полиции, как и сами ссыльные¹. Эти ограничения для детей ссыльных были сняты в 1879 г., а для жен ссыльных—в 1875 г., причем, в том

¹ Циркуляр о поднадзорных.

и другом случае с одним ограничением: лица, во время состояния под надзором замеченные в неблагонадежности, должны были остаться при прежних ограничениях¹.

Ход политической ссылки в 1860—1896 годах²

Начало 1860-х годов, когда Вятская губерния еще не была объявлена местом политической ссылки, дало Вятской губернии очень немногих политических ссыльных: в 1860 г. были высланы сюда из Тверской губернии предводитель дворянства Унковский, студент Харьковского университета Ивков и чиновник царства Польского Станислав Адельт—последний с обязательством никому не говорить о причине высылки его с родины и не вести переписки с жителями царства Польского, где, кстати сказать, у него остались сын и две дочери. В 1861 г. были высланы двое: студент Казанского университета Беневицкий и поляк Калликст Крулицкий, как участник противоправительственной демонстрации в местечке Немирове Подольской губернии; в 1862 г. трое: отставной подпоручик П. Свешников, бывший студент С.-Петербургского университета Сильвестр Смолонский и вольнослушатель Московского университета Борисов Сергей Александрович; первый за распространение «возмутительных воззваний», второй по подозрению в этом деле, а Борисов за участие в студенческих беспорядках. С 1863 г. число политических ссыльных в Вятскую губернию увеличивается. При этом правительство, назначив в правилах 1863 г. (о которых было упомянуто выше) Вятскую губернию для помещения в ней ссыльных из уроженцев великороссийских губерний, с первого же года действия этих правил стало нарушать их, высылая в Вятскую губернию не только уроженцев великороссийских губерний, но и поляков и даже главным образом поляков и лиц, замешанных в польском восстании.

С 1866 г. стали прибывать в Вятку поляки, возвращавшиеся из сибирской ссылки (в Тобольскую или Томскую губернии), назначенной им за участие в мятеже; в 1868 г. правительство сюда же препроводило партию поляков из Орловских арестантских рот и из различных воинских частей. В 1867 г. приказом Александра II разрешено было вернуться на родину тем ссыльным полякам, поведение которых одобрялось местным начальством;

¹ Наряд циркуляров, поступивших в Орловское полицейское управление, стр. 57 и 38.

² О ходе ссылки за 1860—1879 годы мы говорим на основании годичных списков политических ссыльных, описей архивных дел, а также на основании архивных дел; были просмотрены списки ссыльных за 1868, 1870, 1872, 1873, 1877—1879 гг. К сожалению, не удалось разыскать списков 1874—1876 гг. Впрочем, так как в этих годах политическая ссылка продолжалась в среднем 4 года, то из политических ссыльных этих годов едва ли кто-либо ускользнул из списка, составленного нами на основании списков 1873 и 1877—1879 годов.

затем по манифесту, в мае 1871 г. объявленному (по случаю рождения великого князя Георгия Александровича), были освобождены от гласного надзора те лица, которые провели в ссылке не менее двух лет, при одобрителем поведении, но при этом уроженцам царства Польского и западных губерний все-таки было запрещено возвращаться на родину. По Вятской губернии освобождение по этому манифесту продолжалось в течение 1871, 1872 и 1873 годов. Всего было освобождено 215 лиц. Но параллельно с освобождением по манифесту в упомянутые годы продолжалась присылка новых поляков, возвращаемых из Сибири. С 1875 г. вятская ссылка пополнялась уже главным образом за счет уроженцев великороссийских губерний, среди которых за это время стало развиваться увлечение народничеством; в числе выславных в 1878 г. мы видим до 10 студентов высших учебных заведений.

По окончании процесса 193-х, правительство, как известно, с некоторыми оправданными судом решило расправиться административным порядком и разослать их по разным губерниям в ссылку. В Вятскую губернию были назначены трое: А. В. Якимов, П. И. Неволин и дворянка София Субботина 47 лет¹.

В 1878 и 1879 годах было прислано в Вятку довольно значительное количество участников восстания, бывшего в Терской области на Кавказе (в 1878 г. — 9 лиц и в 1879 г. — 33 лица).

В течение 20 лет (1860 — 1879) в Вятскую губернию было выслано следующее количество:

Г о д ы	Общее количество	В т. ч. женщины	Г о д ы	Общее количество	В т. ч. женщины
1860	3	—	1870	58	—
1861	2	—	1871	39	1
1862	3	—	1872	56	1
1863	22	—	1873	29	—
1864	19	4	1874	9	—
1865	3	—	1875	4	—
1866	45	—	1876	18	3
1867	103	—	1877	13	2
1868	121	1	1878	34	6
1869	49	2	1879	91	17
Итого			721 ² 37		

¹ Кроме того, в связи с делом «о преступной пропаганде в империи» были подчинены гласному надзору проживавшие в Вятской губ.: жена чиновника М. Е. Селенкина, сын протоиерея Г. А. Полов (оба с 28 апреля 1876 г.), М. П. Бородин, П. А. Кудрявцев и Л. М. Канаев (все трое с апреля 1878 г.).

² В этом числе не считаются те политические ссыльные, которые при возвращении из сибирской ссылки в Европейскую Россию проживали в Вятке менее года и которые поэтому не были включены в списки вятского губернатора.

Как видно из этих цифровых данных, наибольшее количество лиц было выслано в Вятскую губернию в 1866—1873 годы: то были главным образом поляки, участники польского восстания 1863 г.; после нескольких лет затишья, когда правительство, начав дело «о распространении преступной пропаганды в империи», всех прикосновенных к этому делу лиц держало в столичных и провинциальных тюрьмах, высылка в Вятскую губернию вновь усиливается (в 1878 и 1879 годах), причем захватывает и женское население.

После убийства Александра II, в поисках более действительных мер борьбы с революционным движением, правительство решило сослать политическим неблагонадежных главным образом в Сибирь; из губерний Европейской России для политической ссылки были оставлены лишь четыре губернии: Архангельская, Вологодская, Астраханская и Новгородская (последняя лишь в своей северной части). Таким образом, Вятская губерния, не включенная в этот список ссыльных губерний, как будто освобождалась от той роли, которую правительство систематически навязывало ей в течение двух царствований (Николая I и Александра II), но на самом деле это предположение не было полностью осуществлено.

Так как ко времени издания этого распоряжения в Вятской губернии оставалось еще довольно значительное количество ссыльных, то возник вопрос — как быть с ними: пересылать ли их в новый ссыльный район или оставить здесь для доживания назначенных им сроков? Вопрос этот министерство предложило вятскому губернатору, причем нашло нужным подсказать и желательный ответ. В своем запросном циркулярном письме тов. министра внутренних дел (Череванский) писал вятскому губернатору, что «высылка лиц, уже водворенных под надзор полиции, может быть допущена в особо исключительных случаях, как мера крайняя, частое употребление которой вызовет крайне нежелательные при настоящем положении вещей возбуждение и враждебное правительству настроение в местном обществе¹, независимо от излишних, падающих на государственную казну, расходов».

На этот запрос вятский губернатор (Тройницкий) от 22 ноября 1881 г. в своем рапорте писал в министерство, что он не усматривает надобности в высылке из Вятской губернии кого-либо из живущих в ней поднадзорных: «хотя некоторые из них и заслуживали ранее применения к ним такой меры строгости, но в последнее время, по издании положений о государственной охране, они в ожидании облегчения их участи успокоились и ведут себя гораздо сдержаннее. Если же кто из них своим поведением вызовет необходимость применения к нему высылки, то об этом незамедлительно будет представлено в министерство». В виду такого отзыва губернатора особое совещание при министре вну-

¹ Не забудем, что это говорилось после 1 марта 1881 г.

тренних дел оставило в Вятской губернии ссыльных доживать назначенные им сроки гласного надзора. Вот почему в Вятской губернии, несмотря на юридическое исключение ее из числа ссыльных губерний, мы видим политических ссыльных и после 1882 г.; а потом, когда оставленные здесь ссыльные отбыли свои сроки, департамент полиции понемногу начинает ссылатъ сюда новых лиц, хотя, впрочем, в незначительном количестве.

Сколько же ссыльных было в Вятской губернии за эту вторую половину рассматриваемого нами периода вятской ссылки, т. е. за годы 1880—1896? Ответ на этот вопрос мы находим в сведениях, извлеченных Н. Н. Тихоницкой из дел канцелярии вятского губернатора и предоставленных ею в распоряжение Вятского истпарта. По этим сведениям оказывается, что в 1879—1896 годах в Вятской губернии проживало 285 лиц; к сожалению, Н. Н. Тихоницкая не сообщает сведений о распределении этих лиц по годам высылки их в Вятскую губернию, а говорит лишь о том, сколько политических ссыльных проживало в Вятской губернии в том или ином году. Таким образом, в этих сведениях каждое лицо повторяется по нескольку раз, в зависимости от того, в течение скольких лет оно находилось в вятской ссылке. Приведем и эти сведения:

Годы	Полит. ссыльных в Вятской губ.	Годы	Полит ссыльных в Вятской губ.
1879	176	1889	17
1880	193	1890	10
1881	151	1891	7
1882	65	1892	—
1883	41	1893	4
1884	23	1894	8
1885	15	1895	—
1886	29	1896	—
1887	21		
1888	18		

К этим цифровым данным можно было бы сделать небольшое дополнение. Как видно из дел канцелярии вятского губернатора, в 1896 г. министерством внутренних дел были высланы в Вятскую губернию 4 лица: писатель В. Е. Чешихин (Ветринский), б. студ. Ф. Г. Николаев, рабочий Н. Н. Мельничкий и мещанин (тоже, вероятно, рабочий) Н. М. Студентов¹.

Если из сообщаемого Н. Н. Тихоницкой общего числа политических ссыльных (за 1880—1896), т. е. из 285, мы исключим число тех политических ссыльных, которые проживали в Вятской губ. к началу 1880 г. и которые поэтому вошли в первую выше приведенную таблицу, т. е. 176, и если сюда присоединить только-что упомянутых 4 политических ссыльных, то для времени 1880—1896 гг. общее количество

¹ Сведения о Чешихине (Ветринском) приведены в следующей главе.

новых ссыльных определится в 113 чел. А отсюда для всего второго периода вятской ссылки (1860—1896 гг.) общее количество политических ссыльных выразится числом 834 (721+113). Поэтому заявление автора статьи «Вятская ссылка» И. Мирова о том, что с 1860-х годов количество ссыльных «исчислялось уже десятками тысяч» (стр. 8), следует считать результатом какого-то недоразумения.

Размещение ссыльных в Вятском крае

Выше мы говорили, что министерством внутренних дел для политических ссыльных первоначально были назначены в Вятском крае все наличные города, за исключением Елабуги, Слободского, Уржума и Яранска. Причина исключения этих 4 городов министерством не была объяснена. Находя министерский выбор ссыльных городов не совсем удачным, вятский губернатор возбудил ходатайство о разрешении помещать ссыльных вместо Сарапула и Малмыжа в городах Слободском и Яранске. Сарапул и Малмыж, находившиеся — первый на р. Каме, второй — в низовьях Вятки, в сравнительно близком расстоянии от Камы и Волги, по которым в то время уже организовано было правильное пароходное движение, представлялись опасными в смысле возможности из них побега ссыльных. Министерство согласилось с этой заменой. Таким образом, ссыльными городами в Вятском крае для 1860-х и начала 1870-х годов оказались 8 городов: 1 губернский, 6 уездных и 1 заштатный (Царевосанчурск)¹, но распределение по ним ссыльных было неравномерное.

Из 324 ссыльных конца 1860-х годов проживали:

в Вятке	176
„ Глазове	9
„ Котельниче	15
„ Нолинске	15
„ Орлове	26
„ Слободском	46
„ Яранске	16
„ Царевосанчурске	5
„ Уржуме	1
Местожителство не обозначено	15
Итого	324

¹ Министерство намеревалось сократить в Вятской губернии число ссыльных пунктов, о чем и сообщило вятскому губернатору на заключение. Губернатор признал целесообразным сосредоточить ссыльных в 4 городах: в Вятке (76 ч.), Слободском (37), в Нолинске (37) и в Глазове (35). Однако министерство не осуществило этого предположения, вероятно, потому, что во второй половине 1860-х годов потребовалось отвести в Вятской губернии гораздо более мест для ссыльных, чем сколько было предположено.

Из этих цифровых данных мы видим, что наличное количество ссыльных весьма значительно превысило те нормы, которые само же министерство установило в своем первоначальном плане, отводившем в Вятском крае всего 185 мест, а если мы к этому прибавим, что почти все места в Вятском крае в конце 1860-х годов были заполнены уроженцами царства Польского и Западного края, которых министерство первоначально совсем не предполагало ссылать в Вятскую губернию, то увидим, что первоначальное предположение министерства не высылать в Вятскую губернию за участие в польском восстании было основательно забыто, даже более: по количеству ссыльных уроженцев Западного края Вятская губерния оказалась среди губерний тогдашней империи чуть ли не на первом месте; выше ее была только одна Киевская губерния. По манифесту 1871 г. было освобождено от ссылки по всей России 2 133 чел., в том числе по Киевской губернии 416 чел. (19%) и по Вятской 214 ч. (10%).

Из жилых мест края в конце 1860-х годов ссыльными заселялись северные города: Слободской, Орлов и особенно Вятка.

Все вообще вятские города в ту пору были в достаточной мере городами захолустными и сравнительно слабо населенными. По сведениям за 1858 г., Вятка имела 15 215 жителей, Слободской 5 083, Орлов 3 572, Нолинск 2 899, Котельнич 2 828, Яранск 2 880, Глазов 2 804, Уржум 1 988 и Царевосанчурск 826. Развитием промышленности они похвалиться не могли: заводов и фабрик насчитывалось в Вятке 11, Слободском 36, Орлове 2, Нолинске 11, Котельниче 2, Яранске 5, Глазове 7 и Уржуме 7¹.

Города были лишены железнодорожного сообщения, парходство по р. Вятке началось лишь в 1873 г. (до этого года по Вятке совершали рейсы лишь буксирные пароходы, начиная с 1861 г.)². До 1870-х годов вятские города, за исключением губернского города, не были включены в общерусскую телеграфную сеть. Учебными заведениями была обеспечена лишь Вятка, имевшая 2 гимназии (мужскую и женскую), духовную семинарию, 2 уездных училища и 2 приходских. В 1863 г. здесь появляется еще одно среднее учебное заведение — епархиальное женское училище, а в 1872 г. училище для распространения сельскохозяйственных и технических знаний, замененное в 1879 г. реальным училищем. Что касается уездных городов, то они имели лишь по 1 уездному училищу³. Публичные библиотеки имелись только в Вятке и Орлове. Из периодических изданий выходили только два: «Губернские Ведомости» (2 раза в неделю) и с 1863 г. «Епархиальные Ведомости» (2 раза в месяц). После отъезда

¹ «Памятная книжка Вятской губернии» на 1860 г.

² Голубев. Историко-статистический сборник сведений по вопросам экономического и культурного развития Вятского края.

³ «Памятная книжка Вятской губернии» на 1860 г.

большинства ссыльных поляков Вятка уже не переполняется так ссыльными, как в конце 1860-х годов, а в остальных северных городах ссыльные размещаются более или менее равномерно. В 1872 году в Вятке проживали 54 чел., Глазове 17. Слободском 18, Орлове 15, Котельниче 10, Нолинске 11 и Яранске 3. Кроме того, 16 человек проживали в сельских местностях различных уездов, за исключением, впрочем, Орловского.

От 23 августа 1879 г. министр внутренних дел предложил вятскому губернатору рассылать политических поднадзорных по уездным городам, а не держать их в Вятке; мотивировалось это тем, что в Вятке на квартирах у ссыльных проживают ученики сельскохозяйственного и технического училища, которые «заражаются от них крайней неблагонадежностью»¹. А месяц спустя, от 26 сентября, министр запросил губернатора, чем объясняется значительное количество ссыльных в Вятке (а тогда их было здесь всего 22 человека). В ответ на этот запрос вятский губернатор объяснял, что в Вятке удобнее надзирать за ссыльными (здесь есть 15 полицейских служителей и жандармский надзор); здесь легче предупредить побег и всякие возможные проступки и преступления политических поднадзорных, и здесь, наконец, более, чем в уездных городах, гарантируется порядочное поведение их; замечено, что ссыльные, проживающие в Вятке, дорожат губернским городом, где они находят для себя ответственную пищу, держат себя приличнее, спокойнее и вообще менее назойливы, чем в уездных городах. Большое скопление политических ссыльных по уездным городам может угрожать если «не сопротивлением», то «нахальством и назойливостью» к представителям местной администрации; рассылка же их по селениям уезда вызвала бы увеличение числа полицейских служителей для надзора². Дав такое объяснение, губернатор просит министра разрешить оставить в Вятке таких лиц, выслание коих, по убеждению губернатора, будет представляться неудобным, причем обещает пользоваться этим правом особо осмотрительно³, но министр не удовлетворяется таким объяснением и требует у губернатора именной список ссыльных, проживающих в Вятке, с объяснением причин оставления в Вятке каждого поднадзорного.

В марте 1880 г. губернатор такое объяснение представил. Из рапорта его было видно, что 14 лиц остаются в Вятке потому, что подлежат особо бдительному надзору, 3 лица имеют в Вятке за-

¹ Ведомость о ссыльных за 1872 г. (в Вятском историческом архиве).

² Попутно губернатор опровергает дошедшие до министра сведения о том, что в квартирах политических ссыльных проживают ученики земского технического училища. Губернатору известен только один случай проживания ученика у поднадзорного священника Блинова. Конечно, ученики, по замечанию губернатора, могут сталкиваться со ссыльными в Вятке, но это едва ли более вредно, чем пребывание ссыльных в уездных городах, где они стараются сблизиться с лицами, имеющими некоторое умственное развитие, учениками училищ и учащими их.

³ Д. к. в. г. 1879 г. № 31, стр. 31—34.

нения, 2 лица больны и нуждаются в лечении и, наконец, 3 лица совершенно «безвредны».

Вся эта тянувшаяся свыше полугода переписка, конечно, заставила губернатора воздержаться от широкого пользования Вяткой как, ссыльным пунктом.

В том же году министерство внутренних дел издало новое распоряжение — размещать политических ссыльных не в селениях, а в городах¹.

В зависимости от этих распоряжений министерства размещение политических ссыльных в пределах Вятской губернии за вторую половину рассматриваемого периода представляет несколько иную картину, чем в первую половину.

С 1879 г., по сведениям Н. Н. Тихоницкой, политические ссыльные размещались по губернии следующим образом:

У е з д ы	Колич. ссыльных		Итого
	В городе	В уезде	
Вятский	47	2	49
Глазовский	34	30	64
Елабужский	—	1	1
Котельнический	25	5	30
Малмыжский	11	1	12
Нолинский	25	1	26
Орловский	4	6	30
Сарапульский	4	—	4
Слободской	35	19	54
Уржумский	9	5	14
Яранский	11	10	21
Итого	255	80	305 ²

Из этой таблички видно, что губернский город Вятка в размещении политических ссыльных теперь значительно теряет свое значение в пользу других северных городов губернии: Слободского, Глазова, Котельнича и отчасти Нолинска, что теперь вятская администрация начинает пользоваться г. Малмыжем и даже Сарапулом как ссыльными пунктами, и что, наконец, в довольно значительной мере ссыльным районом являются теперь и сельские местности губернии, в которых проживает до $\frac{1}{4}$ части всего числа ссыльных. Из сельских местностей губернатором были облюбованы знаменитые Березовские починки в Глазовском уезде, село Кай в Слободском уезде, пермяцкие селения на севере Орловского уезда (например, село Слудка), Вонданские починки в Котельничском уезде.

Что такое были Березовские починки, можно составить представление по открытому письму, помещенному В. Г. Коро-

¹ Д. к. в. г. 1879 г. № 649.

² В число 305 чел. у Н. Н. Тихоницкой включено до 20 чел. высланных уже с 1897 г.

ленко в 1880 г. в газете «Молва»¹, а также по его описанию этих починков в «Истории моего современника». О пермяцких селениях Орловского уезда того времени дает нам достаточное представление ссыльный Н. А. Добротворский в своем этнографическом очерке «Пермяки»².

В сельские местности губернской администрацией направлялись по преимуществу представители непривилегированных сословий — рабочие и крестьяне — и отчасти те из интеллигентных ссыльных, которых администрация хотела сильнее наказать за их строптивый характер, за неуважение к начальству. По этим соображениям был выслан в Березовские починки В. Г. Короленко, подавший губернатору письменный протест против действий глазовского исправника и вятского губернатора; в Березовских же починках была первоначально помещена 19-летняя фельдшерская ученица Э. А. Улановская, высланная из города Пудожа Олонечкой губ. за деятельное участие в «грибном бунте» политических ссыльных против полиции.

О том, как производились иногда перемещения ссыльных из губернского города в глухие места, вятский корреспондент журнала «Русская Мысль» в 1881 г. пишет следующее: «Вы имели дерзость гулять в одном саду с губернатором, громко по-человечески разговаривать и — о ужас! — небрежно размахивать палкой в то время, когда проходил мимо губернатора, которого вы к тому же совершенно не заметили... На другой день о вас делается запрос к правителю канцелярии, к вашему поведению присовокупляются отягчающие вину обстоятельства гуляния по саду, причем вы выдаетесь; последнего обстоятельства совершенно достаточно, чтобы административная кара воспоследовала немедленно. Так были высланы в 1880 г. двое молодых людей, из которых один, Г-ов, освобожден в настоящее время по распоряжению высшей администрации. В случае же жалобы министру на действия губернатора ваша жалоба немедленно будет разорвана в клочки у вас под носом г. Троицким»³.

Теперь скажем несколько слов о составе ссыльных за время 1860—1896 годов, причем дадим сведения особо о ссыльных первой и второй половины рассматриваемого периода. Первые сведения относятся к ссыльным, получившим освобождение от вятской ссылки по манифесту 1871 г., вторые — ко времени с 1879 г.

Социальный состав вятских ссыльных характеризуется следующими данными:

¹ В виду того, что это письмо не напечатано в полном собрании сочинений В. Г. Короленко и поэтому большинству не известно, мы приводим его полностью в приложении к настоящей книге (см. приложение V).

² См. «Вестник Европы» 1883 г., № 3—4.

³ «Русская Мысль» 1881 г., февраль.

	1870-е гг.		1879—1896 гг.	
	Абс.	%	Абс.	%
Дворян ¹	160	74,4	42	14,7
Чиновников	11	5,1	19	6,6
Военного сословия	4	1,8	13	4,5
Духовного	3	1,4	14	4,9
Потомств. почетных гр.	—	—	4	1,4
Купеческого	—	—	9	3,5
Мещан	17	8	53	18,6
Крестьян	12	5,6	65	22,9
Сословие не указано	8	3,7	66	22,9
	215	100	285	100

Из таблицы этой видно, что в начале рассматриваемого периода в числе ссыльных преобладают дворяне; во вторую половину значительно увеличивается процент крестьян и мещан, которые, очевидно, являлись рабочими на фабриках и заводах.

Относительно возрастного состава вятских политических ссыльных мы можем привести (точно также не совсем точные) следующие сведения:

Возраст	Конец 1860-х и начало 1870-х гг.		1879—1896 гг.	
	Абс.	%	Абс.	%
Моложе 21 года	—	—	20	6,8
21—30	66	36	170	55,3
31—40	40	21	53	17,1
Свыше 40	55	31	64	20,8
Не имеется сведений	22	12	—	—
	183	100	307	100

Из таблицы видно, что в первую половину рассматриваемого периода среди вятских политических ссыльных преобладали лица в возрасте старше 30 лет, а во вторую — лица более младшего возраста. Лиц моложе 21 года в первую половину периода мы совсем не видим среди ссыльных; происходит это оттого, что поляки и вообще уроженцы западных губерний, составлявшие в 1860-х и начале 1870-х годов большинство вятских ссыльных, приезжали в Вятскую губернию уже по отбытии нескольких лет ссылки в других местах (главным образом в Сибири).

Коснемся еще вопроса о продолжительности вятской ссылки за рассматриваемый период.

В 1860-х и 1870-х годах при отправлении того или иного лица в ссылку правительство не указывало срока этой ссылки.

¹ К числу дворян в сведениях за 1870 г. мы относим шляхтичей и однодворцев, высланных за участие в польском бунте. Первых насчитывалось 16, вторых 27. Без них дворяне составляли 54,4% общего числа ссыльных.

Вот почему в ведомостях вятского губернатора о ссыльных в графе «На какой срок или без срока подвергнут надзору и какому именно, гласному или секретному» против фамилии каждого ссыльного писалось: «Без срока, гласному». Освобождение от бессрочного надзора могло происходить по инициативе министерства внутренних дел или местного губернатора или по индивидуальной просьбе ссыльного. Но, выслав то или иное лицо в наказание за революционное направление, министерство не имело побуждений стремиться к освобождению его от ссылки, а местный губернатор, конечно, опасался возбуждать ходатайство об освобождении, чтобы не заслужить от министерства упрека в излишне снисходительном отношении к ссыльным. В делах канцелярии губернатора мы не видим ни одного случая подобных ходатайств; лишь изредка встречаются случаи, когда губернатор давал благоприятное заключение на прошение ссыльного об освобождении от надзора. Так продолжалось дело до 1881 г.

После убийства императора Александра II правительство нашло необходимым пересмотреть систему мероприятий и по отношению к политическим ссыльным. В новом «Положении о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия», утвержденном 14 августа 1881 г.¹, срок политической высылки был установлен в размере от 1 до 5 лет. Это положение и стало применяться к дальнейшей политической ссылке. Кроме того, образованное, согласно только-что упомянутому положению, особое совещание при министерстве внутренних дел, состоявшее из двух представителей министерства внутренних дел и двух от министерства юстиции под председательством тов. министра внутренних дел, в 1882 г. назначило сроки и тем лицам, которые до издания положения 14 августа 1881 г. были подвергнуты надзору «без срока, гласному»².

После этого большинство вятских политических ссыльных получало по 3 года высылки; случаи пятилетней и четырехлетней высылки были сравнительно редкими.

Материальное положение ссыльных

Опасаясь распространения политическими ссыльными «вредных политических стремлений», русское правительство в рассматриваемый период начинает ставить большие препятствия к получению ссыльными занятий, дававших им заработок.

¹ Третье Полное Собрание Законов, т. I (1881 г.), № 350.

² Впрочем, один из ссыльных почему-то не получил определенного срока. Это был Казимир Будревич, лишенный прав дворянства и сосланный в Вятку за участие в польском мятеже в 1867 г. («был взят в плен с оружием в руках из мятежнической шайки после разбития ее»). В 1893 г. он проживал в Кругляжской волости Котельничского у., получая по 3 р. в месяц пособия от казны и по приглашению крестьян работая у них на полях.

Вскоре после издания правил о ссыльных (1863 г.) министр внутренних дел Валуев циркулярно разъяснял губернаторам, что предоставление политическим ссыльным занятий в присутственных местах является недопустимым; если же ссыльные были допущены где-либо к подобным занятиям без надлежащего разрешения министерства, то надлежит немедленно воспретить им продолжать службу и на будущее время ни в коем случае не допускать их к занятиям в губернских или уездных управлениях, разве только к сему представляются особо важные причины, о чем и необходимо входить каждый раз с представлением в министерство. Далее циркуляром от 25 января 1865 г. министерство внутренних дел потребовало, чтобы как политические преступники, так и вообще лица, высланные под надзор полиции за вредные политические стремления, «отнюдь не были допускаемы к воспитанию детей в частных домах». В 1869 г. от 30 мая министр внутренних дел Тимашев предписал губернаторам — в видах недопущения лиц, состоящих под надзором полиции, на службу по ведомству министерства народного просвещения и к частному преподаванию вообще — сообщать по требованию как министерства народного просвещения, так и всех учреждений и должностных лиц сведения, не состоят ли под надзором те, которые ходатайствуют о принятии их на службу по этому министерству или о разрешении им частного преподавания в домах и открытия школ. В 1870 г. на основании секретного циркуляра министерства внутренних дел вятский губернатор от 11 января разъяснял исправникам, что запрещение поднадзорным воспитания детей распространяется безусловно и на обучение детей рисованию, живописи, музыке, танцам и т. п., если бы даже обучение это предполагалось производить в учебных заведениях.

В 1873 г. от 26 октября вятский губернатор издал секретное распоряжение о запрещении ссыльным заниматься писанием просьб для крестьян.

В середине 1870-х годов, когда, в целях борьбы с развивающейся революционной пропагандой, правительство стало применять политическую высылку в разные города молодых людей, по преимуществу из высших учебных заведений, и когда следы пропаганды были замечены и в Вятской губернии, вятский губернатор (Чарыков) в особом проекте, поданном им в министерство внутренних дел 11 ноября 1874 г., между прочим писал, что воспрещение политическим ссыльным занятий в присутственных местах, обрекающее их на праздный образ жизни, в высшей степени вредно с точки зрения распространения революционных идей: «не будучи обязаны на месте ссылки никаким трудом, который бы занимал их постоянно и давал им средства к жизни, а, напротив, еще получая от казны содержание, они (политические ссыльные) живут в совершенной праздности на свободе на своих квартирах и нередко продолжают прежние свои вредные занятия... Один лишь ссыльный при полной свободе и праздности мо-

жет сделать многих молодых людей несчастными и чрез то внести в их семейства огорчения и страдания». Со своей стороны губернатор предлагает высылать политически вредных людей только в отдаленные города и здесь определять их обязательно на государственную гражданскую службу сначала в низшие, а потом, по мере исправления, постепенно переводить их в высшие присутственные места и преимущественно по счетным учреждениям под строгий надзор начальников присутственных мест. Чрез каждые 3 года они могут быть повышаемы в должностях, если усердны и поведение их будет одобряться; в противном же случае переводить их опять на низшие места¹.

Но этот проект губернатора на встретил сочувствия в министерстве внутренних дел. В отношении занятий политических ссыльных правительство попрежнему продолжает держаться ограничительной точки зрения и при выработке общего положения о полицейском надзоре, которое было утверждено Александром III 12 марта 1882 г.², объединило запретительные распоряжения, которые до того времени разновременно издавались министерством внутренних дел. И вот мы видим, что в новом положении о полицейском надзоре политическим ссыльным воспрещались: 1) государственная или общественная служба³, 2) всякая педагогическая деятельность, 3) принятие к себе учеников для обучения искусствам и ремеслам, 4) чтение публичных лекций, 5) участие в публичных заседаниях ученых обществ, 6) участие в публичных сценических представлениях, 7) вообще всякого рода публичная деятельность, 8) содержание типографий, литографий, фотографий, библиотек для чтения и служба при них в качестве приказчиков, конторщиков, смотрителей или рабочих, 9) торговля книгами и всеми принадлежностями и произведениями тиснения, 10) содержание трактирных и питейных заведений, а равно и торговля пиятиями (статьи 21 и 24).

Все остальные занятия, дозволенные законом, разрешались поднадзорному лишь условно: если губернатор заметит, что то или иное занятие служит ссыльному средством осуществления его предосудительных замыслов или по местным условиям представляется опасным для общественного порядка и спокойствия, то имеет право запретить его (ст. 28).

В Вятской губернии уездные исправники, повидимому, слишком широко начали пользоваться этой статьей о воспрещении занятий, так что в том же 1882 г. от 27 июня губернатор разъяснял им в циркуляре, что к вопросу о воспрещении поднадзорным занятий, «составляющих их профессию, в особенности если они этими занятиями снискивают пропитание», должно относиться с

¹ Д. к. в. г. 1874 г. № 11 (по архиву).

² Третье Полное Собрание Законов, т. II (1882 г.), № 730.

³ С разрешения министра внутренних дел политические ссыльные могли быть лишь писцами в правительственных или общественных учреждениях.

крайней осторожностью и во всяком случае о воспреещении тех или иных занятий представлять министерству внутренних дел с объяснением, насколько подобные занятия могут оказаться вредными. В частности: 1) на предоставление поднадзорному права заниматься письмоводством в правительственных и общественных учреждениях должно испрашивать разрешение министра внутренних дел; 2) занятия в губернском правлении, у исправников, полицеймейстеров, станowych приставов, в волостных правлениях, школах, училищах и вообще в учебных заведениях всякого рода безусловно воспреещаются; 3) заниматься ремеслами, искусствами и иметь помощников из взрослых лиц в пределах строгой необходимости разрешается, но с тем, что если будет замечено вредное воздействие ссыльных на помощников, то немедленно запрещается иметь таковых помощников.

Категорическое запрещение занятий политическим ссыльным, шедшее от министерства внутренних дел, в Вятке применялось довольно строго и возбуждало длинную переписку вятской администрации с Петербургом.

В 1863 г. врач Фома Витковский, сосланный из Западного края по подозрению (?) в собирании им денег для какого-то комитета (в чем он однакоже не сознавался) и по подозрению в сообществе с «варшавскими злоумышленниками», просил губернатора разрешить ему безвозмездно принимать и лечить больных при Вятской больнице приказа общественного призрения. Хотя в Вятке чувствовался недостаток врачей и лишняя врачебная сила была весьма важна, однако губернатор (Струков) не решился собственной властью допустить Витковского к лечению больных и обратился в министерство внутренних дел. Через 3 месяца министр внутренних дел ответил, что не встречается препятствия к допущению Витковского к лечению больных в больнице, если губернатор признает это возможным и принимает ответственность на себя. Два года Витковский продолжает эту безвозмездную практику и в ноябре 1865 г. обращается к губернатору с просьбой разрешить ему занять в той же больнице должность ординатора. Губернатор опять обращается с ходатайством в министерство внутренних дел, причем характеризует Витковского, как опытного, усердного и честного медика, но министр не отвечает на губернаторское представление. Через 7 месяцев новый губернатор (Компанейщиков) повторяет ходатайство. Только теперь министр изъявляет согласие на занятие Витковским должности ординатора, но с тем, чтобы он не пользовался никакими служебными преимуществами и оставался под надзором¹.

Сосланный в 1866 г. в Вятскую губернию за участие в польском бунте кандидат прав С.-Петербургского университета О. Э. Авейде в августе 1867 г. обратился к губернатору с просьбой дозволить ему поступить на службу в одно из правитель-

¹ Д. к. в. г. 1863 г. № 44.

ственных или земских учреждений. Хотя в Вятском крае только что организованные (с 1867 г.) земские учреждения весьма нуждались в работниках, в особенности в г. Глазове, где в это время жил Авейде, губернатор нашел неудобным даже и ходатайствовать перед министерством о дозволении Авейде поступить на службу. Через год по переезде в Вятку Авейде нашел было канцелярские занятия в Вятской палате гражд. и угол. суда, но лишь только узнал об этом губернатор, как немедленно запретил. А когда Авейде все-таки вновь возбудил ходатайство о допущении его к какой-либо должности, то губернатор вошел в переписку с министерством внутренних дел; в своем рапорте, указав на то, что Авейде по своему уму и воспитанию резко отличается от массы ссыльных поляков, что революционные его мысли, как губернатор убедился из личных бесед, не изменились, хотя и лишились прежней запальчивости, он пишет: «По моему мнению, допустить его к занятиям по земским учреждениям совершенно невозможно, лишая его всякой деятельности вредно. В судебной палате влияние его не может быть, кажется, ощутительным, а от сообщения другим лицам противных правительству идей его воздержать во всяком случае трудно, тем более, что здесь много поляков и русских, зараженных разными фальшивыми умозрениями о свободе». Совершенно естественно, что министр внутренних дел (Тимашев) ответил на этот рапорт отказом допустить Авейде на службу. Лишь через 3 года губернатор разрешил Авейде канцелярские занятия в учреждениях, за исключением полицейских управлений, канцелярии губернатора, губернского по крестьянским делам присутствия и земских управ¹.

Состоявший под гласным надзором за участие в подготовке вооруженного восстания в Казани Полиновский был приглашен котельническим земством для канцелярских занятий в управе, но лишь только губернатор узнал об этом, как потребовал немедленного увольнения Полиновского. Котельническая земская управа стала просить губернатора разрешить оставить Полиновского на службе, ссылаясь на то, что он «человек способный, развитой, трудолюбивый и имеющий уже опытность чиновника, так как 5 лет служил прежде в казенной палате и; уже состоя под гласным надзором, занимался в Казанской уголовной палате, где отлично зарекомендовал себя». Но губернатор наотрез отказал, сославшись на то, что он не знает дела Полиновского. Переехав в Вятку из Котельнича, Полиновский через 2 года возбудил ходатайство об определении его на службу в казенную палату, и управляющий казенной палатой со своей стороны писал губернатору, что Полиновский вполне заслуживает всякого поощрения «по неукоризненности своих нравственных качеств и по примерному служебному трудолюбию». Губернатор написал об

¹ Д. к. в. г. 1866 г. № 111. — Дело вятского полицеймейстера 1866 г. № 694.

этом министру внутренних дел, но последний ответил отказом. Через год, по истечении уже установленного для него срока гласного надзора, Полиновский вновь возбудил ходатайство об определении его в штат казенной палаты. Министр внутренних дел опять ответил отказом. Полиновский переехал в Яранск и поступил здесь в секретари уездной земской управы. Узнав об этом, губернатор (Чарыков) предписал немедленно уволить его со службы. После этого Полиновскому ничего не оставалось делать, как уезжать из Вятской губ.; он переехал в Казань и занялся здесь шитьем ботинок, чему он выучился во время четырехлетнего сидения в казанской тюрьме¹.

Приведенные примеры характеризуют нам отношение министерства и вятской администрации к вопросу о допущении политических ссыльных к канцелярской службе в государственных и общественных учреждениях. То же самое мы наблюдаем и в отношении к службе ссыльных на низших технических должностях. В циркуляре начальникам полиции, т. е. уездным исправникам и вятскому полицеймейстеру, от 21 апреля 1872 г. вятский губернатор пишет, что состоящие под надзором полиции в Вятской губернии, особенно политические преступники, высылаемые за участие в польском мятеже, разными путями добиваются службы по вольному найму сторожами, надзирателями и в других должностях при учебных заведениях. В предупреждение влияния на учащихся губернатор предписывает, чтобы ни в одно учебное заведение не были принимаемы ни в какие должности лица, состоящие под надзором полиции, и если таковые будут приняты на службу в учебные заведения, то о таких немедленно сообщать ему (губернатору) для распоряжения о переводе их в другой уезд². Таким образом, политическим ссыльным до некоторой степени была доступна лишь служба в частных конторах (в должности писемоводителей, счетчиков, приказчиков) или у частных лиц (услужение).

Впрочем, и здесь губернаторский глаз усматривал и выдвора их. Ссыльный поляк Богуцкий устроился в должности конторщика в частной типографии Красовского. Губернатор (Чарыков) взял с Красовского обязательство уволить Богуцкого от службы и, на всякий случай, выслал Богуцкого из Вятки в г. Орлов³.

Лица, обладавшие специальными техническими знаниями или умениями: слесаря, сапожники, колбасники, имели возможность зарабатывать своим ремеслом, но таких было сравнительно очень немного. По списку ссыльных за 1868 г. один ссыльный (Викентий Маевский) значится занимающимся обучением музыке.

¹ Д. к. в. г. 1868 г. № 24. О Полиновском смотри также «Библиографический словарь деятелей революционного движения в России». М. 1928 г., стр. 325.

² Циркуляры за 1872 г. № 46.

³ Д. к. в. г. 1867 г. № 415.

другой (дворянин Хотько Тибурций) занимается исправлением роялей, третий (Липский Александр) значится хранителем музея при вятской публичной библиотеке, четвертый (Витковский), о котором мы выше говорили, исправляя должность ординатора губернской земской больницы. Э. Андриоли, высланный в 1866 г., занимался в Вятской губернии художественной живописью.

За 1872 г. в списке ссыльных, представленном в министерство внутренних дел, 10 человек показаны письмоводителями, 1 — служащим в книжном магазине. Таким образом, с платными занятиями показано всего 11 человек, или 7% общего числа политических ссыльных за этот год; процент служащих из ссыльных не поднимается почти и в последующее время рассматриваемого периода. В сведениях Н. Н. Тихоницкой, относящихся ко времени 1879—1896 годов, из 312 лиц значатся служащими всего 25 чел. (или 8%), причем 8 человек состояли письмоводителями, 4 занимались адвокатурой, 2 — медицинской практикой, 1 ссыльный служил брандмейстером, 1 казиз магазина, 1 чтицей и 1 занимался частными уроками. Из занятий физического труда в этих сведениях значатся: поденные работы (10 ч.), крестьянское хозяйство (8), ремесла: слесарное (6), столярное (2), плотничное (1), переплетное (2), ювелирное (2), извоз (1), швейные работы (2), кондитерское производство (1)¹, нахождение в услужении (2); 3 чел. занимались торговлей, 3 состояли на военной службе.

Таким образом, свыше $\frac{2}{3}$ политических ссыльных Вятского края оказывались без заработка. Особенно трудно было находить заработок лицам, проживавшим в небольших уездных городах, почему они нередко и возбуждали ходатайство о переводе их в губернский город.

Ограничивая ссыльных в приискании занятий, правительство, естественно, обязывалось оказывать ссыльным денежную помощь из казенных сумм, если оно не имело в виду морить их голодом. В инструкции 1863 г., как мы говорили выше, выдача им пособия от казны предусматривалась по распоряжению губернатора. Но на практике дело стояло несколько иначе. Прежде всего само министерство своим разъяснением условий выдачи пособия уже значительно затрудняло эту выдачу. Так от 2 февраля 1864 г. министр внутренних дел, говоря о выдаче пособия тем ссыльным, которые заявят о неимении собственных средств к существованию, предлагает возмещать в казну выданное ссыль-

¹ Кондитерским производством занимался Якубовский, присланный в Вятку из арестантских рот г. Орла. По рассказам М. А. Авейде, Якубовский выучился хлебопечению, находясь в арестантских ротах; в Вятке ссыльные поляки собрали для него необходимую сумму денег для организации кондитерского производства, которое он быстро развил. Уже с 1880-х годов изделия кондитерской Якубовского приобретают большую известность не только в Вятской, но и в соседних губерниях.

ному пособию, если обнаружится, что у ссыльного есть имущество, достаточно обеспечивающее его. 4 сентября 1864 г. министерство разъяснило, что выдача пособия должна задерживаться, если ссыльный лежит в больнице.

Размер пособия еще в прежние времена законом (ст. 558, т. XV Св. Зак.) был установлен в сумме 6 руб. в месяц лицам привилегированным (детям дворян, чиновников и духовенства) и 1 р. 50 к. в месяц лицам непривилегированным (т. е. детям крестьян и мещан). В 1879 г. право получать пособие в высшем размере было распространено на тех непривилегированных ссыльных, которые окончили курс в высших или средних учебных заведениях. Что касается семей политических ссыльных, то им право на пособие было предоставлено указом правительствующего сената от 9 марта 1864 г. в размере 6 руб. жене и в половинном размере каждому из детей. Но уже в следующем году (1865) министерство ввело значительные ограничения в пользовании этим правом, разъяснив, что семьи ссыльных имеют право на пособие лишь в том случае, если они последуют за ссыльными в новое место жительства, и что детям политических ссыльных пособие может быть выдаваемо лишь до 14-летнего возраста¹.

Как фактически применялись распоряжения о выдаче политическим ссыльным пособий? В 1860-х и первой половине 1870-х годов, когда в Вятском крае громадное большинство ссыльных состояло из поляков, высланных за участие в польском мятеже, вятский губернатор большей частью удовлетворял подаваемые прошения о пособиях — или собственной властью, или представлял в министерство благоприятное заключение. Объяснялось это, может быть, тем, что на основании особого распоряжения Александра II от 23 декабря 1863 г. расход по выдаче пособий полякам должен был относиться на счет 9% сбора с помещичьих имений Западного края (а не на средства казны, за широкое пользование которой губернатор мог бы получить замечание или выговор от министерства); с другой стороны, расход на выдачу пособий был не так значителен, так как большинство ссыльных поляков, как лишенные прав состояния, несмотря на дворянское происхождение, получали лишь арестантскую дачу (18 руб. в год); впрочем, женам и детям разжалованных дворян пособие выдавалось, как лицам привилегированным. Когда же состав вятских ссыльных, после массового освобождения ссыльных поляков по манифестам 1871 и 1874 годов и с увеличением присылки политических ссыльных из внутренних губерний Европейской России, значительно изменился, отношение администрации к прошениям ссыльных о пособиях стало более сурово.

Получив представленное полицеймейстером или исправником прошение ссыльного о пособии, губернатор почти обязательно письменно запрашивал исправника, не может ли ссыльный су-

¹ Циркуляр о поднадзорных.

уществовать на собственные средства — не имеет ли, например, какого-либо заработка или не получает ли денежного пособия со стороны. Кроме того, им посылался запрос губернатору той губернии, в которой проживали ближайшие родственники ссыльного, — не могут ли они поддерживать ссыльного. На эти сношения уходили недели, а нередко и месяцы. Получив требуемые сведения, губернатор, если находил прошение ссыльного заслуживающим уважения, представлял министру внутренних дел о назначении ссыльному пособия, хотя по инструкции он имел право и сам распорядиться о выдаче такового. На сношении с Петербургом требовалось еще известное количество времени (не менее 1 месяца). А ссыльный между тем должен был ждать. Ссыльный Н. А. Добротворский (известный впоследствии автор очерка «Пермяки»), который был водворен в село Слудку с 47 коп. денег в кармане, в декабре 1879 г. подал прошение о назначении ему пособия на содержание, ссылаясь на то, что у него нет родных, к кому бы он мог обратиться за помощью. Хотя у вятского губернатора уже было уведомление от владимирского губернатора о том, что Добротворский «положительно не имеет никаких средств к содержанию», тем не менее губернатор посылает обычный запрос орловскому исправнику, не может ли Добротворский содержаться на свой счет. В этой переписке проходит 1½ месяца. Между тем Добротворский пишет новое прошение о пособии, где заявляет, что до сих пор он одолжался у крестьян в ожидании кормовых денег; теперь ему уже никто не доверяет, и ему остается умереть с голоду или покончить с собой. Только теперь губернатор делает распоряжение о выдаче пособия, причем назначает его не со дня приезда Добротворского в Слудку, а со дня последнего его прошения, предоставляя Добротворскому, очевидно, расплачиваться с долгами за счет суммы пособия, причитающейся за будущие месяцы¹. Студент С.-Петербургского университета Рукин, сосланный в Яранск, зарабатывал некоторые средства частными уроками в домах; исправник, узнав об этом, запретил ему эти занятия и требовал от него подписку в том, что он более не будет давать эти уроки. Когда Рукин отказался дать подписку, то губернатор перевел его в худший город (Царевосанчурск). Очутившись в новом городе, где нельзя было найти никаких занятий, Рукин подает просьбу о назначении ему содержания из казны. И вот начинается канцелярская волокита — переписка губернатора с исправником, с вологодским губернатором. Через 4 месяца Рукин вновь пишет губернатору — просит обратить серьезное внимание на его отчаянное положение и удовлетворить его просьбу, иначе ему грозит голодная смерть. Но и это не подействовало. И вплоть до того времени, когда Рукин этапным порядком был отправлен в Вологду через Кострому к его матери, ему пришлось существовать без всякого пособия².

¹ Д. к. в. т. 1879 г. № 640.

² Д. к. в. т. 1879 г. № 535.

Братья В. Г. и И. Г. Короленко по прибытии (в 1879 г.) в Глазов немедленно подали прошение о назначении им пособия; после обычной канцелярской волокиты вятский губернатор (Тройницкий) отказал им в пособии, имея в виду то, что из Вятки от ссыльных было прислано им 10 рублей в виду их затруднительного материального положения. Тогда В. Г. Короленко подает жалобу на губернатора министру внутренних дел. Здесь он писал, что из его семьи всех мужчин (т. е. самого В. Г., его брата, зятя и двоюродного брата) без суда и следствия разослали в разные места, оставив одних женщин без всяких средств. В виду этого нынешний отказ вятского губернатора в законном пособии и особенно мотивировку этого отказа нельзя считать ничем иным, как совершенно неуместным издевательством¹.

Современница В. Г. Короленко по ссылке в Березовские починки Э. Л. Улановская, сосланная в 1879 г., 5 раз обращалась с ходатайством о пособии и к губернатору, и в департамент полиции, и непосредственно к министру внутренних дел Лорис-Меликову; кроме того, подавала о том же прошение ее мать, и все было безуспешно. Между прочим котельнический исправник отказывал ей в пособии потому, что находил, что «она слишком прилично одета, чтобы нуждаться». И лишь после того, как она заявила, что будет ходить для заработка на крестьянские полевые работы, не стесняясь расстojанием, он выдал ей пособие, опасаясь, очевидно, ее пропаганды среди крестьян².

Еще в худшем положении оказывались политические ссыльные из рабочих, которые во второй половине 1870-х годов стали появляться в Вятской губернии. Как лица непривилегированного происхождения, они могли рассчитывать лишь на арстантскую дачу (18 р. в год), но и в ней губернатор им отказывал. Рабочий Ф. Лазарев, ткач по специальности, вятским губернатором был водворен в Березовских починках Глазовского уезда. Так как, работая с малых лет на фабрике, он не научился сельскохозяйственным работам, то в Березовских починках не мог найти себе заработка и просил выдать ему кормовые деньги и на одежду. В ответ губернатор предписывает перевести Лазарева в другой Березовский починок. Лазарев отказался от этого перевода, ссылаясь на то, что он приспособлен только к фабричным и ремесленным работам, каковые можно найти только в городе. Так и остался он без казенного пособия. Другой петербургский рабочий, Христофоров, специалист по выделке хирургических инструментов, сосланный в г. Глазов, просил перевести его в г. Вятку, где он мог бы найти работу по своей специальности, или же назначить пособие. Губернатор отказал, объявив ему, что на пособие из казны могут рассчитывать лишь дворяне и

¹ «История моего современника», т. III, изд. «Задруга», Москва, 1921 г., стр. 55.

² Д. к. в. г. 1879 № 624; см. также письмо 13 в переписке Э. Л. Улановской с матерью («Каторга и Ссылка», XXIV, стр. 246).

больные. Христофоров просил перевести его в Ижевской завод и точно также получил отказ¹. Третий рабочий одной из петербургских фабрик, токарь по специальности, Юрцев, посланный в Орлов за пропаганду среди рабочих, в августе 1879 г. подает губернатору прошение о выдаче ему кормовых денег и одежды, ссылаясь на то, что он не может найти заработок и вследствие этого голодает, ходит без сапог и платья. Через 2 месяца получает от губернатора отказ, мотивированный тем, что пособие получают только такие лица низшего сословия, которые по болезни или дряхлости решительно не могут работать. В ноябре Юрцев находит работу (токарную) с заработком 20 руб. в месяц на пристани Иловатка, в 9 верстах от г. Орлова, и даже местный помощник исправника ходатайствует о допущении его к этой работе. Но и в этой работе Юрцеву губернатором было отказано, и он должен был уйти с работы, которую он уже вел в течение двух недель, а помощнику исправника губернатором сделан был выговор: «Вы не должны были и возбуждать ходатайства о Юрцеве и Зинковиче, которые, как известно, высланы были за распространение преступной пропаганды среди рабочих», писал ему губернатор, подчеркнув последние слова. Юрцев еще раз обращался к губернатору за разрешением работать на Иловатке и опять получил отказ².

Какое же количество политических ссыльных было обеспечено пособием от казны? Вятская администрация в то время не заботилась о составлении общей картины вятской политической ссылки, и потому мы не найдем в архивных материалах статистических данных по вопросу о количестве ссыльных, пользовавшихся пособием от казны: администрация ограничивалась представлением в департамент полиции лишь списков ссыльных, где между прочим значились сведения о том, получает ли тот или другой ссыльный пособие, причем в этом списке значились и политические, и уголовные ссыльные без всякого подразделения.

Мы взяли на себя труд (оказавшийся в виду беспорядочности списков довольно значительным) выяснить вопрос о пособиях ссыльным из казны по двум спискам — за 1868 и 1872 годы.

У нас получились следующие данные:

	Количество ссыльных			
	1868 г.		1872 г.	
	Абс.	%	Абс.	%
I. Получают пособие в размере 6 руб. в месяц	33	12,3	35	25,2
II. Получают пособие в высшем размере	2	0,8	1	0,7
III. Получают арестантскую дачу	84	31,3	25	18
IV. Ничего не получают	149	55,6	78	56,1
Итого	268	100	139	100

¹ Д. к. в. г. 1879 г. № 580.

² Там же.

Из этих цифр мы видим, что пособиями в 1868 и 1872 годах было обеспечено менее половины общего числа политических ссыльных.

В сведениях за 1868 г. обращает на себя внимание большое количество лиц, получающих арестантскую дачу: это ссыльные поляки, лишенные за польское восстание прав состояния и потому в пособии уравненные с лицами мещанского и крестьянского сословий. Пособие в высшем размере получали с 1862 г. трое ссыльных: 1) чиновник Коханский Казимир, сосланный еще в 1843 г. из царства Польского «по неизвестной причине» (так писалось в ведомостях) и получавший по 150 руб. в год; 2) чиновник Адельт Станислав (сосланный в 1861 г.), получавший 180 руб. в год и 100 руб. на одежду; 3) виленский епископ Адам Красинский, сосланный виленским генерал-губернатором в 1863 г. за подстрекательство к мятежу; до 1868 г. он получал из каких-то виленских сумм по 1 475 руб. в год, но, не зная об этом, вятская администрация показывала его в списке в числе не получающих пособия; в 1872 году для выдачи ему было назначено 4 000 рублей (оклад епархиального архиерея); эта сумма и вносилась потом ежегодно в смету министерства внутренних дел¹.

Из отдельных дел видно, что в этот период ссыльным выдавалось пособие и одеждой. Так, проживавшая в Вятской губернии (1880—1884) Ф. И. Донецкая от 20 октября 1883 г. просила губернатора выдать ей пособие на одежду, но не в форме арестантского костюма, а деньгами. Губернатор представил ее просьбу в департамент полиции, причем стоимость одежды, полагающейся к выдаче Донецкой, была определена в 14 р. 41 коп.² Департамент разрешил удовлетворить просьбу Донецкой, т. е. выдать ей пособие деньгами.

За последующие годы рассматриваемого периода у нас нет исчерпывающих статистических данных о количестве политических ссыльных, получавших пособие от казны. В работе Н. Н. Тихоницкой на этот вопрос, к сожалению, не было обращено внимания; восполнять это опущенное мы, к сожалению, не имеем физической возможности. Судя по той энергии, с которой вятская администрация стремилась отказать ссыльным в пособии, даже в арестантской даче, в чем можно убедиться, просматривая отдельные архивные дела конца 1870-х годов, надо думать, что процент лиц, получавших пособие, и теперь не был выше, чем в первую половину рассматриваемого нами периода.

Таким образом, тот параграф изданных в 1863 г. правил о надзоре, по которому политические ссыльные имели право по-

¹ Д. к. в. г. 1872 № 21; д. вят. гор. полиц. упр. 1863 г. № 103.

² В счет этой суммы входили: каптуры — 35 коп., 1 рукавицы — 55 коп., 2 рубашки — 2 р. 10 к., юбка — 1 р. 85 к., 2 портов — 1 р. 80 к., шуба баранья — 5 р. 80 к., коты — 1 р. 20 к., 2 онучи суконные — 76 коп. (д. к. в. г. 1880 г. № 6).

лучать пособие, если они лишены были средств существования, для времени 1860—1890-х годов для многих ссыльных оказал-ся лишь пустой декларацией.

Надзор за политическими ссыльными (1860 — 1896)

Удаляя «политически вредных» людей из мест их постоянного жительства, правительство старалось окружить их в новых местах жительства бдительным надзором, который имел целью: 1) предупредить их побег с места ссылки и 2) охранить от «вредного влияния» их местное общество и особенно учащуюся молодежь. Согласно инструкции правительства, надзор должен был проявляться в постоянном (неусыпном) наблюдении за жизнью ссыльных и в контроле корреспонденции, как получаемой, так и отправляемой ими из мест ссылки своим родным и знакомым.

Ближайший надзор за ссыльными возложен был в уездных городах на исправников, в губернском городе — на полицеймейстера, под общим руководством и контролем губернатора.

Как исправники, так и полицеймейстер стояли во главе особых полицейских управлений. В распоряжении каждого исправника был помощник исправника, 1 или 2 полицейских надзирателя и по нескольку частных приставов в городе и по нескольку станových приставов в уезде. В 1863 г. этот постоянный штат полиции, как было упомянуто выше, был дополнен 39 низшими полицейскими служителями, специально для наблюдения за политическими ссыльными; при общем числе предполагавшихся тогда поднадзорных (185 ч.) это давало по 1 наблюдателю почти на 5 поднадзорных. Кроме того, согласно § 9 правил 1863 г., в безотчетное распоряжение начальника полиции назначалось по 180 р. Это, очевидно, сумма для расплаты с добровольными шпионами за политическими ссыльными. Ко всему этому нужно добавить, что в Вятской губернии существовал еще ранее установленный жандармский надзор, в лице жандармского штаб-офицера и его помощника, которые также вели секретные наблюдения за ссыльными.

Особые наблюдатели за политическими ссыльными первоначально набирались из нижних воинских чинов — отставных, или бессрочно, или временно отпускных, или даже состоящих на службе, но в 1868 г. правительством было предписано прекратить комплектование полицейских команд нижними воинскими чинами и лишь в случае крайней необходимости допускать к делу надзора молодых солдат из числа поступивших в резервные батальоны, «менее способных», но «хорошего» поведения и смысленных.

В 1870 г. возник вопрос, «опять не возвратиться ли к старому порядку комплектования полицейских команд нижними воинскими чинами». Интересно по этому поводу мнение вятско-

го губернатора, запрошенного министром внутренних дел от 23 октября 1870 г. Он писал, что солдаты, назначаемые для надзора за политическими ссыльными, оказываются по большей части мало способными к полицейской службе, а тем более к надзору за политическими ссыльными, как по молодости и неразвитости, так и потому, что, не утвердившись еще в военной дисциплине, они легко поддаются слабости и впадают в нетрезвую жизнь. Дисциплинарные меры, принимаемые начальством к исправлению таких воинских чинов, не достигают своей цели, и неисправимые солдаты возвращаются обратно в военное ведомство, которое после продолжительной переписки с большим трудом заменяет их другими; от этого происходит частая смена; правда, такую же смену можно ожидать и при комплектовании полицейских команд вольнонаемными нижними воинскими чинами из отставных или временно или бессрочно отпущенных, но во всяком случае привлечение к делу надзора за политическими ссыльными (отставных или отпущенных) вольнонаемных воинских чинов, по мнению вятского губернатора, полезнее, так как они более развиты и дисциплинированы, чем молодые солдаты; но при этом желательно, чтобы вольнонаемные были принимаемы в полицейские команды с теми же правами, с какими в то время комплектовались жандармские команды, т. е. должны набираться преимущественно из унтер-офицеров на сроки не менее 5 лет с тем, чтобы служба их считалась за действительную, чтобы они получали казенную одежду и вооружение, квартиру натурой или деньгами и жалованья до 10 рублей в месяц, а в случае проступков или преступлений подвергались взысканиям и суду наравне с нижними чинами, состоящими на действительной службе.

С небольшим числом сотрудников вятской администрации пришлось выступить на выполнение возложенной на нее правительством с 1863 г. задачи надзора за ссыльными. Хотя в конце 1860-х и начале 1870-х годов количество ссыльных в Вятской губ. более чем вдвое превышало установленные правительством нормы ссылки (в г. Вятке, например, вместо предполагавшихся 76 чел. проживало в конце 1860-х годов 172 чел.), но администрация не обнаруживала особенного беспокойства, так как поляки и вообще уроженцы Западного края (составлявшие подавляющее большинство ссыльных), в виду абсолютного запрещения им въезда в царство Польское и Западный край, не имели мотивов стремиться к бегству из места ссылки и, с другой стороны, в глазах администрации не представляли большой опасности в смысле влияния их на местное население, так как держались особняком от последнего¹.

¹ Об этом нам говорили лица, учившиеся в 1860-х и начале 1870-х годов в средних учебных заведениях г. Вятки: врач Чемоданов, Н. А. Чарушин, а также М. Е. Селенкина. Об этом мы еще будем говорить в VI главе.

Но когда большинство поляков после 1871 г. были освобождены от ссылки, а взамен их в довольно большом количестве появились уроженцы из внутренних губерний Европейской России, правительственные требования в отношении надзора усилились.

В 1872 г., по поводу нескольких случаев особенно выдающихся побегов политических поднадзорных, министр внутренних дел Тимашев циркуляром (от 12 декабря) просил губернаторов подтвердить местным полицейским начальствам о необходимости строгого наблюдения за безотлучным нахождением политических поднадзорных в местах их жительства и с этой целью предложил сделать распоряжение, чтобы политические поднадзорные являлись ежедневно к местному полицейскому чиновнику, или чтобы этот чиновник ежедневно же посещал квартиры и удостоверялся, находится ли на месте лицо, порученное ему надзору, в случае побега немедленно доносить губернатору для сообщения о том министерству.

В 1878 г. правительством были введены в Европейской России должности полицейских урядников; специально изданной в 1879 г. инструкцией на урядников, между прочим, возлагалось следить за неблагонадежными и подозрительными лицами и наблюдать негласно за поведением лиц, водворенных на местах жительства под надзор полиции¹.

В 1879 г. министерство внутренних дел предложило губернаторам вменить начальникам местной полиции в непрременную обязанность — лично знать каждого поднадзорного и сосредоточить все внимание на предупреждении побегов поднадзорных. Полиция уполномачивалась входить в квартиру поднадзорного, требовать во всякое время явки его в полицию и даже арестовать его.

Постоянная тревога министерства, конечно, оказывала соответствующее воздействие на губернскую администрацию и иногда порождала здесь своеобразное творчество. Образчиком такого творчества является оригинальный проект организации надзора за политическими ссыльными, созданный вятским губернатором Тройницким и представленный им в министерство внутренних дел.

В этом проекте автор его исходил из той мысли, что в Вятской губернии, при многочисленности ссыльных, при недостатке полицейского надзора, нет никакой возможности не только постоянно следить за сношениями ссыльных, но даже предупреждать побег их, — тем более, что ссыльные поселяются большей частью на окраинах городов, где квартиры дешевле и где надзор за ними труднее. Между тем в этой губернии есть немало местных лиц, в особенности из земских деятелей, готовых оказывать политическим ссыльным всевозможное покровительство

¹ Второе Полн. Собр. Зак., т. LIII, № 58610.

и знакомить их с разными лицами, сочувствующими преступным убеждениям ссыльных, так что политические ссыльные вскоре по прибытии сюда находят и знакомых и в большинстве случаев немедленную денежную помощь, входя, таким образом, в некоторую связь с местным обществом, что крайне вредно в настоящее смутное время¹.

Далее Тройницкий обращает внимание министерства на то, что политические ссыльные имеют большое влияние на учащуюся молодежь, а равно и на молодежь служащую: народных учителей и учительниц, фельдшеров и других земских служащих. Благодаря своей способности «присоединять других к своим убеждениям в самое непродолжительное время», политические ссыльные, в каком бы отдаленном и глухом углу Вятского края ни появлялись, сейчас же находят сочувствие и возможное материальное и нравственное содействие. Таким образом, политическая ссылка, по мнению Тройницкого, не достигает своей цели, а между тем она обходится казне довольно дорого: на содержание ссыльных и на перемещение их из одного пункта в другой в 1877 г. было израсходовано по Вятской губернии 7 176 руб., в 1877 г. — 6 251 руб. и в 1878 г. — 6 540 руб. Кроме того, значительные суммы расходуются на содержание полицейских служителей: на 1879 г. назначено на этот предмет 3 853 р. 94 к.

Устранить это ненормальное положение дела, по мнению Тройницкого, можно следующими мерами: 1) обязать всех политических жить не только в определенной местности, но и в определенных, указанных полицией, квартирах, в конх мог бы быть установлен действительный надзор как за живущими там, так и за теми, с кем они имеют сношение; 2) вне этих квартир позволять ссыльным жить не ранее, чем через год после приезда, и притом только тем, которые заслуживают этого своим безукоризненным поведением; 3) лиц, заявивших себя дурным поведением или крайне вредным образом мыслей, подчинять особо строгому надзору, например, предоставить им право отлучки из помещения только с разрешения местного надзора, и притом на определенное количество времени; 4) ссыльным, не имеющим собственных средств, предоставлять содержание из казны (лучше натурой — пищей и одеждой, чем деньгами), но с обязательством исполнять какие-либо работы, соответствующие их физическому и умственному развитию; 5) на устройство помещений для ссыльных достаточно тех средств, которые теперь в Вятской губернии расходуются на ссыльных, причем надзор за ссыльными был бы не в виде полицейских служителей, а особый.

Представляя свой проект министру внутренних дел от 17 июня, губернатор дал обещание разработать его подробности и указать местные способы его осуществления в применении к

¹ Губернатор, очевидно, имеет здесь в виду начавшиеся террористические акты, направленные против правительственных лиц.

Вятской губернии, в случае принципиального одобрения его. Однако, не дождавшись этого одобрения, он спешит представить и подробности своего проекта.

В деле Вятского архива не сохранилась черновика (отпуска) этого второго представления, посланного «совершенно секретно». Но можно догадываться, что автору проекта мерещилось что-то вроде дома принудительных работ, под специальным наблюдением особых смотрителей и с установленным режимом для каждого поднадзорного, проживающего в этом доме.

Самому автору его идея представляется настолько важной, что он решил обратиться на нее внимание и императора: в своем всеподданнейшем отчете за 1878 г. он, между прочим, писал, что «в виду проявления деятельности социально-революционной партии, между прочим и по Вятской губернии, необходимо установить такой порядок содержания административных ссыльных, при котором наблюдение за ними со стороны полицейских властей было бы вполне действительно». На этом месте отчета Александр II написал (сбоку): «С о о б р а з и т ь».

В виду «высочайшей» отметки департамент полиции исполнительной запросил вятского губернатора, какие имеются в виду меры губернского начальства, которые могли бы быть приняты с целью установления более действительного порядка по надзору и содержанию административных ссыльных в Вятской губернии. Но вятский губернатор, видимо огорченный невниманием министерства к представленному им ранее проекту, уже не стал повторять его, а лишь сообщил (от 6 февраля 1880 г.) о времени отсылки проекта в министерство¹. В дальнейшем произведение губернатора уже не выплывало более на свет; очевидно, министерство не нашло его целесообразным.

Между тем в виду усиления в конце 1870-х годов революционного движения, выразившегося уже в нескольких террористических актах (убийство харьковского губернатора Кропоткина, шефа жандармов Мезенцева), правительство решило усилить борьбу с революционерами: постановлением комитета министров от 3 августа 1879 г. был увеличен на 40% кредит на организацию политической ссылки. От 25 сентября 1879 г. министерством внутренних дел было предложено вятскому губернатору представить сведения о том, сколько, по его мнению, необходимо иметь в Вятской губернии полицейских служителей для того, чтобы осуществлять в ней действительный надзор за политическими ссыльными.

Губернатор признал необходимым иметь в Вятской губ. 18 полицейских служителей специально для наблюдения за политическими ссыльными, но это количество, по его мнению, могло бы считаться достаточным при условии размещения ссыльных по 10—15 человек. Такое размещение давало бы возможность

¹ Д. к. в. г. 1879 г. № 2.

обеспечить и смену наблюдающих и замену больных из них, но так как разместить ссыльных по губернии с такою математической правильностью не представляется возможным, то губернатор считает возможным к 18 полицейским служителям прибавить еще 8 чел. полицейских служителей на каждый уезд, в котором проживают ссыльные. Вознаграждение каждому полицейскому служителю должно быть не менее 300 руб. в год (размер вознаграждения полицейского урядника).

Столь высокий оклад, по мнению губернатора, вызывается 1) малочисленностью в северных уездах Вятской губернии развитых личностей из простого народа, способных к наблюдению за ссыльными, 2) легкостью для нижних чинов находить места (в жандармах, урядниках, в земских и других общественных учреждениях, наконец, в частном услужении). К этому губернатор добавляет, что социалисты не пренебрегают никакими средствами для достижения своих целей и, легко приобретая для себя денежные средства в немалом количестве, могут задабривать назначенную для наблюдения за ними стражу, если последняя не будет достаточно обеспечена. Министерство внутренних дел согласилось дать на Вятскую губернию двух полицейских служителей с жалованьем лишь по 200 р. каждому; несколько позднее, на специальный запрос вятского губернатора, разъяснило, что лица, назначенные для наблюдения за политическими ссыльными, должны и с к а з а ю ч и т е л ь н о (курсив подлинника) исполнять только свои прямые обязанности, и что для них обязательно и ношение ими форменной одежды общей полиции.

Получив усиленный кредит на надзор за политическими ссыльными, вятский губернатор в секретном циркуляре предложил всем исправникам «привлекать на должности полицейских служителей для наблюдения за политическими ссыльными людей честных, грамотных, опытных и вполне благонадежных», указать каждому из них, за какими именно ссыльными он должен иметь наблюдение, и затем требовать, чтобы наблюдение полиции за ссыльными не было одной формальностью, а было целесообразно и достигало полнейшего знания жизни и действий поднадзорных. При этом, по мнению губернатора, было бы желательно, чтобы наблюдающие за политическими ссыльными полицейские служители были вооружены револьверами (очевидно, губернатор опасался покушений политических ссыльных на побег).

В тех уездах, где политические ссыльные жили не только в городе, но и в селениях, желательно, по мнению губернатора, иметь одного полицейского служителя в уезде, в месте наибольшего сосредоточения политических ссыльных, возложив на него обязанность неослабно наблюдать за ссыльными и, в случае получения им сведений о побеге какого-либо ссыльного, немедленно доносить становому приставу и сообщать местному полицейскому уряднику и волостному старшине для распоряжений о по-

имке скрывшегося, принимая в то же время и лично меры по розыску его по горячим следам, для чего, если представится необходимость, преследовать скрывающегося на лошадях. Произведенные на этот предмет расходы будут возмещены, если, впрочем, только они будут произведены при действительном побеге, а не при самовольной отлучке из места жительства.

Так как содержать в уездах достаточное количество полицейских служителей было затруднительно по недостатку средств, то департамент полиции исполнительной распорядился, чтобы в тех местностях, где сосредоточено не более 2 поднадзорных, наблюдение за ними было возложено без особого за то вознаграждения на чинов общей полиции, при наличии же 4 ссыльных можно допускать наем одного полицейского служителя; в случае, если в уезде окажется не менее 8 ссыльных, можно нанять двух, но при этом не следует принимать в соображение количества ссыльных, проживающих в селениях уезда; для наблюдения за этими последними ссыльными было бы совершенно нецелесообразно нанимать полицейских служителей: это была бы непроизводительная трата казенных средств.

Распоряжения центральной власти относительно надзора за политическими ссыльными, само собой разумеется, усиливали бдительность вятской администрации, которая старалась окутать своим вмешательством всю жизнь политических ссыльных.

Водворенные в том или ином пункте, ссыльные уже не могли отлучаться из него на более или менее далекое расстояние. По поводу каждой отлучки полиция составляла акт и направляла его к мировому судье, ссылаясь на 63 ст. устава о наказаниях. Статья эта гласила: «За самовольное оставление места, назначенного судебной или правительственной властью, виновные подвергаются до 3 месяцев ареста или 300 рублей штрафа». В 1870-х годах мировые судьи за отлучку обычно приговаривали виновных к месячному аресту.

В разрешении же поездки в другое место администрация отказывала. Так, когда Добротворский, задумав писать этнографический очерк «Пермяки», стал просить разрешения съездить в Вятку для занятий в публичной библиотеке, то губернатор (Тройницкий) наотрез отказал ему в удовлетворении просьбы. Этот отказ, конечно, в значительной мере отразился на качествах очерка, в скором времени напечатанного в журнале «Вестник Европы».

Не выпуская ссыльных из назначенного им места жительства, вятская администрация стремилась к возможной изоляции их от окружающего населения и даже друг от друга; еще в 1870 г. вятский губернатор (Чарыков) предписывал (циркуляром от 11 января) исправникам и вятскому полицеймейстеру наблюдать, чтобы политические ссыльные не принимали непо-

средственного участия ни в общественных собраниях, публичных вечерах и клубах, ни в спектаклях любителей¹.

Очень неблагоприятно смотрела полиция и администрация и на общение ссыльных между собой, выражая этот свой взгляд иногда в довольно курьезных формах. Так, по свидетельству В. Г. Короленко, местный урядник запретил населению «подпускать» ссыльных к квартире Э. Л. Улановской даже на 100 сажень. Но если ссыльные, оберегая обывателей от преследований полиции, воздерживались от знакомства с ними (по крайней мере видимого), то в отношении поддержки связи друг с другом они уже не делали уступки полиции, и низшим агентам надзора приходилось докладывать исправнику или его помощнику лишь о том, кто из ссыльных у кого бывает, подолгу ли сидит и т. д., а исправники представляли губернатору обобщающие рапорты со своими домыслами и выводами. Вот, для примера, один из рапортов глазовского исправника относительно проживавшего в г. Глазове с 4 июня по 26 октября 1879 г. В. Г. Короленко. Приводим этот отзыв со всеми безграмотными красотами стиля исправника: «Короленко, как человек развитой в литературном отношении, при имеющей закоренелой наклонности к контр-правительственным идеям, был с Чарушниковым в самых дружеских отношениях, просиживал у него целые ночи и, как заметно, своими идеями восстанавливал Чарушникова при начале всех его неблагоприятных действий, оставляя после себя хитрозлобную кротость, которая не могла не быть замечена только при единоличной его жизни в ссылке, но при общественности с подобными ему ссыльными она проявляется в твердо уклончивом и хитроумном вреде на каждого, имеющего короткое с ним сношение»².

Постоянная слежка, выражавшаяся, при очень низком уровне полицейских агентов, в довольно грубых, порой комичных и вообще довольно нелепых формах, вызывала в политических ссыльных желание поставить агентов полиции в глупое положение. «Мы подводим подкопы под власть, — писал в шутивной форме ссыльный Поплавский ссыльной же Улановской, разумея под властью местного урядника, — а он составляет на нас протоколы о поездках действительных и воображаемых». В. Г. Короленко в «Истории моего современника» рассказывает о том, как Ф. Павленкову удалось тайно от полицейских чинов съездить из Вятки в С.-Петербург. «В то время (речь идет о 1870-х годах) в Вятке ссыльные обязаны были являться ежедневно и расписываться в полицейском управлении. С Павленковым все-

¹ Наряд секретных циркуляров с 1863 по 1886 г. в фонде Орловского полицейского управления, хранящемся в Вятском архивном бюро.

² Д. к. в. г. 1879 г. № 617. Чарушников, которого упоминает исправник, был выслан в Глазов из С.-Петербурга за присылку в Глазовскую публичную библиотеку 3 номеров журнала «Земля и Воля». Впоследствии — это довольно известный книгоиздатель в Москве.

таки поцеремонились: он сказался больным, и к нему посылали полицейских на квартиру. Павленков сумел добиться и еще одной уступки: полицейский не являлся к нему лично, а справлялся у хозяйки. Павленков облегчил ему этот надзор: его квартира была во 2-м этаже, и окна ее выходили на улицу; каждый вечер в определенные часы Павленков прогуливался по своей комнате, и его тень размеренно мелькала на освещенных лампой шторах. С некоторых пор хозяйка, кстати сказать, очень преданная своему неблагонадежному жильцу, сообщала полицейскому, что Павленков нездоров, очень раздражителен и даже ей не позволяет без крайней надобности входить в его комнаты. Но все-таки в определенные часы силуэт поднадзорного появлялся на освещенных шторах к полному удовлетворению полицейского.

Так прошла неделя. Павленков был в Петербурге, а на шторах появлялся силуэт хозяйкина сына, обвязанного в виду болезни шарфами. У полицейского явилось все-таки подозрение. Он стал беспокойно приставать к хозяйке и, наконец, потребовал, чтобы она допустила его к больному. Та отговаривалась под разными предлогами, а сама в это время послала в Петербург условную телеграмму. Полицейский еще дня три довольствовался созерцанием силуэта на окне, но его подозрения и беспокойство росли и принимали все более осязательные формы. Он стал настоятельно требовать свидания. Положение обострялось. Наконец, полицейский потерял терпение и, устранив после некоторого шума хозяйку, бросился наверх по лестнице, громко требуя, чтобы Павленков ему показался. Он был уже на верхних ступеньках, когда дверь вдруг открылась и на пороге показался... Павленков. «Что вы тут дебоширите? Вон! Я пожалуюсь губернатору». Ошеломленный полицейский чуть не кубарем скатился с лестницы. Только за полчаса перед тем, в сумерки, Павленков вернулся и незаметно пробрался в квартиру».

Этот эпизод, — прибавляет Короленко, — Павленков охотно рассказывал, и при этом воспоминании его живые глазки сверкали удовольствием¹.

Если Павленкову удалось тайно съездить в Петербург, то, очевидно, не так трудно было совсем бежать из ссылки, несмотря на отсутствие в то время железных дорог в Вятском крае. Некоторые из ссыльных и пользовались этой возможностью. За время с 1860 по 1879 г. в списках канцелярии губернатора известны бежавших из ссылки 7 человек: Леньковский Феликс (высылки 1867 г.), Недзымовский Яков (1868 г.) — бежал 1870 г. 31 августа; Глинский Ив. (1868 г.) — 17 июля 1869 г.; Обьедов Петр (1876 г.) — 1878 г. 18 августа; Копанова Ольга (1876) — 1877 г. 16 октября; Девятников Яков (1876) — 1877 г. 12 февраля; Вольфсон Моисей (1877) — 1878 г. 1 июня; А. В. Яки-

¹ «История моего современника», т. III, Москва, 1921 г., стр. 133—134.

мова (1878 г.) — скрылась из Уржумского уезда в феврале 1879 г.

В 1880 г., с вступлением Лорис-Меликова в управление министерством внутренних дел, начались как будто новые веяния. и сделалось возможным печатать в газетах даже обличительные по адресу провинциальной администрации статьи.

Некоторую силу этих веяний должна была почувствовать и вятская администрация, в особенности после того, как в петербургской газете «Молва» прочитала обличительную по ее адресу статью В. Г. Короленко, и вятский губернатор (Тройницкий) заговорил о благовременности смягчения надзора за политическими ссыльными. В циркуляре от 31 октября 1880 г. он «совершенно секретно» писал исправникам, что довольно частое посещение квартир ссыльных чинами полиции, не вызываемое ныне необходимостью, возбуждает ссыльных «к недовольству и резким каким-либо проявлениям его», а поведение должностных лиц и иногда неумелое обращение со ссыльными ведет нередко к беспорядкам со стороны последних; таким образом, при сказанных обстоятельствах образ действий должностных лиц принимает вид как бы умышленного возбуждения ссыльных к таким поступкам (характерное признание).

С целью установления порядка наблюдения и способа обращения со ссыльными, соответственно духу времени и поведению ссыльных, губернатор предписывает отменить посещение квартир ссыльных особыми полицейскими служителями и чиновниками полиции, а через непродолжительное время отменить и явку политических ссыльных в полицейское управление и ограничиваться лишь секретным наблюдением, к прежним же строгим мерам наблюдения прибегать лишь в самых крайних случаях — именно в отношении к лицам «непримиримого поведения или намеревающимся совершить побег».

Далее предписывается не упускать ссыльных никакими мелочными требованиями, всегда стоять во всех своих отношениях со ссыльными на почве закона, справедливости и вежливости, чем только и можно поддержать в них повиновение и уважение к правительственным органам¹.

Зная отношение Тройницкого к политическим ссыльным, хотя бы по истории В. Г. Короленко (о чем мы будем говорить несколько ниже), конечно, трудно поверить в искренность этого циркуляра. Судя по приписке, сделанной на циркуляре в канцелярии губернатора теми же гектографическими чернилами («настоящий циркуляр не подлежит объявлению никому»), надо думать, что Тройницкий издал циркуляр отнюдь не с целью действительного изменения отношений полиции к ссыльным, а единственно лишь для того, чтобы обезопасить себя на случай ми-

¹ Наряд циркуляров по секретной части в Орловском полицейском управлении, л. 137.

нистерского запроса, какой мог последовать хотя бы по поводу той же статьи В. Г. Короленко в газете «Молва».

С другой стороны, и сам автор циркуляра, инициатор «нового духа отношений», продолжал держаться старых правил в отношении своих к ссыльным, о чем наглядно свидетельствовала напечатанная в журнале «Русская Мысль» очень характерная заметка об обращении со ссыльными именно Тройницкого¹.

Контроль переписки

Неприкосновенность переписки политических ссыльных, о которой говорилось в правилах 23 апреля 1863 г., была аннулирована, как мы выше сказали, министерским циркуляром уже 17 августа того же года; впрочем, менее чем через полгода (2 января 1864 г.) были утверждены Александром II специальные правила. По этим правилам почтовые конторы и телеграфные станции представляют на просмотр губернатора или уездного исправника все письма и депеши тех лиц, наблюдение за которыми губернское начальство признает необходимым. Уездные исправники по просмотре пересылают задержанную корреспонденцию губернатору; равным образом они представляют губернатору и отправляемую политическими ссыльными корреспонденцию. Губернатор или отправляет корреспонденцию далее или задерживает. Об этих правилах объявляется каждому из политических ссыльных, корреспонденция которых подчинена надзору. Сообщая об утверждении правил, министр внутренних дел разъяснил, что корреспонденция политических ссыльных после просмотра ее губернатором или уездными исправниками в почтовую контору не возвращается, а выдается прямо адресатам².

Циркуляр 6 января, при котором были разосланы упомянутые правила, оставлял неясным, к кому же собственно нужно относить их. В марте 1864 г. министр разъяснил этот вопрос в том смысле, что нужно подчинить контролю в с ю п е р е п и с к у (подчеркнуто нами — П. Л.) лиц, высланных под надзор полиции в отдаленные губернии за политические преступления и неблагонадежность, за исключением лишь людей малограмотных — из простого звания. Через неделю вятский губернатор предлагал уездным исправникам, если они не знают польского языка, присылать к нему всю польскую корреспонденцию³; от 19 сентября 1872 г. губернатор потребовал, чтобы на просмотр его представлялась и русская корреспонденция. От 25 мая 1873 г. Александром II корреспонденция ссыльных поляков была осво-

¹ «Русская Мысль» 1881 г., февраль. Выдержки из этой заметки приведены выше, на стр. 32.

² Наряд циркуляров по секретной части с 1863 по 1868 г. в фонде Орловского уездного полицейского управления. 1863 г. № 1.

³ То же, № 13.

бождена от просмотра, а от 1 июня того же года вятский губернатор поручил уездному исправнику и полицеймейстеру вятскому производить просмотр русской корреспонденции, причем присылать ему письма на иностранном диалекте и те русские письма, в которых будет замечено что-либо вредное в политическом отношении или вообще заслуживающее особенного внимания¹. Но силы высочайшего повеления хватило не надолго. В 1876 г. вятский губернатор (Тройницкий) через полицеймейстера потребовал от ссыльного епископа Красинского письменного обязательства представлять на просмотр в сию его корреспонденцию² и предложил начальникам полиции просматривать корреспонденцию ссыльных с особым вниманием, причем грозил, в случае выпуска из рук полиции письма противоправительственного или вообще сомнительного содержания, подвергнуть их строгой ответственности. Через три года после этого граф Лорис-Меликов издал распоряжение о том, чтобы восстановлены были правила о цензуре 2 января 1864 г., т. е. чтобы корреспонденция политических ссыльных опять была подвергнута контролю администрации в отношении просмотра³.

Впрочем, вскоре (от 26 сентября 1880 г.) на особый запрос вятского губернатора о корреспонденции ссыльных поляков, освобожденной от просмотра еще ранее (1873 г.), министр разъяснил, что она не должна подлежать просмотру; если же губернатор найдет необходимым установить просмотр корреспонденции кого-либо из поляков, то должен войти об этом с особым представлением в министерство внутренних дел⁴.

Это посредничество администрации в переписке ссыльных проявлялось в довольно грубых формах. Вятский корреспондент журнала «Русская Мысль» в 1881 г. пишет: «Стоит получить письмо с воли, неразборчиво подписанное или вовсе без подписи, и вот вас немедленно заподозривают в государственной измене, хотя бы самое письмо было вполне безобидно, вас начинают, что называется, тягать, вызывать в канцелярию губернатора, делают целый допрос, злополучное письмо подшивают к делу, а вас самих в тот же день высылают в инородческое село или какой-нибудь починок в районе одного из отдаленных уездных городов»⁵.

В уездных городах у исправников это посредничество полиции в переписке между ссыльными и их родственниками или знакомыми выражалось в еще более грубых формах. Проживавший

¹ Цирюляры по секретной части 1863—1868 гг. (из фонда Орловского полицейского управления).

² Д. Вятского гор. пол. управления. 1863 г. № 103.

³ Цирюляры по секретной части 1863—1868 гг. (из фонда Орловского полицейского управления).

⁴ Д. к. в. г. 1879 г. № 31.

⁵ «Русская Мысль» 1881 г., февраль (О положении ссыльных в Вятской губ.).

в г. Глазове В. Г. Короленко писал в «Истории моего современника»: «Порой в письмах сестры или матери некоторые фразы оказывались грубо подчеркнутыми, и Лука Сидорыч (исправник) бесцеремонно требовал у меня разъяснений. Его вопросы бывали при этом курьезно глупы, но понятно, как бесила меня эта бесцеремонность. Кроме того, он выдавал их у себя на дому. В первый же раз, как он заставил меня дожидаться его выхода на кухню, я ушел, заявив, что предпочитаю и сдавать и получать свою корреспонденцию в полицейском присутствии. Маленькие глазки Луки Сидорыча забегали под его седыми нависшими бровями, и с этих пор между нами началась глухая борьба»¹.

Активность вятской полиции в деле просмотра корреспонденции шла далее: исправники вычеркивали в получаемых и отправляемых письмах те фразы и места, разглашение которых они считали нецелесообразным или неудобным; особенно тщательно они зачеркивали в письмах сообщения о том, кто из ссыльных и где проживает. Но ссыльные, понятно, возмущались подобной бесцеремонностью и с испещренными карандашом исправника письмами являлись в канцелярию губернатора (в Вятке) или соответствующего исправника и требовали разъяснений, на каком основании то или иное место зачеркнуто и что в нем было сообщено.

Чтобы не вызывать таких расспросов, вятская администрация ренила задерживать (т. е. не выдавать адресатам) те письма, в которых находились фразы, не подлежащие, с полицейской точки зрения, разглашению. Вот почему в делах о ссыльных конца 1870-х и начала 1880-х гг. мы встречаем письма, не выданные адресатам. Но, поступая так, администрация не чувствовала под собой твердой почвы, и потому губернатор обратился за разъяснением в министерство внутренних дел. Поводом к запросу послужило письмо политического ссыльного И. Г. Короленко, предназначавшееся для его брата Владимира, проживавшего тогда уже в Перми; в этом письме глазовский исправник увидел сведения «по одному дознанию, произведенному в порядке закона 19 мая 1871 г., и некоторые данные о положении и месте жительства политических ссыльных как Вятской, так и других губерний», о чем и рапортовал губернатору. Последний препроводил письмо в министерство внутренних дел, причем поставил вопрос: как поступать с такими письмами? — Если их возвращать отправителям, то возможно опасаться, что они все-таки будут отправлены по назначению; если вычеркивать из них те или иные неудобные с административной точки зрения фразы, то этим можно вызвать целый ряд запросов со стороны ссыльного при получении писем. По мнению губернатора, подобные письма следует задерживать при делах канцелярии губернатора. В частности, письмо, адресованное В. Г. Короленко, потому не следовало

¹ «История моего современника», т. II, Москва, 1920 г., стр. 117.

бы отправлять адресату, что последний, как пишущий в газетах корреспонденции о ссыльных¹, может опубликовать содержание его в газетах. Департамент полиции, разумеется, очень охотно пошел на это, рекомендованное губернатором, надувательство ссыльных: правда, в представленном письме, адресованном к В. Г. Короленко, он не усмотрел чего-либо неудобного и предложил послать его по назначению, но на будущее время предоставил губернатору право удерживать при делах канцелярии такие письма политических ссыльных, в которых заключаются сведения, не подлежащие оглашению или являющиеся преступными по существу².

Этим разъяснением министерства вятскому губернатору давались чрезвычайно широкие права в отношении писем политических ссыльных — в сущности наполовину аннулировалось законное право политических ссыльных на переписку с родными и знакомыми. Помимо этого, администрация стесняла переписку ссыльных и косвенно — тем, что не принимала никаких мер против злоупотреблений низших агентов власти с этой перепиской. Что злоупотребления эти были, губернская и уездная администрация знала хотя бы из тех же писем, которые политическими ссыльными передавались ей на просмотр.

Вот, например, что писала проживавшая в 1879—1880 годах в Березовских починках Глазовского уезда ссыльная Э. А. Улановская одному из своих знакомых: «Масса писем утрачивается, пересылаются они через руки урядников и волостных начальников, которые мало церемонятся с нашими письмами; часто принуждена посылать деньги на марки, потому что их здесь нигде достать нельзя; если им (урядникам и волостным начальникам) недостает на водку, бросают в печку... право такая злость берет, когда письма утрачиваются, благодаря этим...»³.

Вятская администрация распространяла свой контроль и на ту корреспонденцию ссыльных, которая предназначалась для печати (в газетах или журналах). Когда В. Г. Короленко представил свою рукопись, заключавшую в себе ответ на разбор его печатной статьи и предназначенную для литературной газеты «Русское Слово», то губернатор держал эту рукопись у себя в течение месяца, а затем отправил ее, но не в редакцию газеты, а в Главное управление по делам печати, и притом со своим заключением (?!). В этом управлении, кажется, и погибла эта рукопись, не увидев света. В своем протесте против произвольного обращения губернатора с рукописью В. Г. Короленко совершенно правильно разъяснил губернатору, что корреспонденция, назначаемая для изданий, подчиненных цензурным постановлениям,

¹ Очевидно, губернатор хорошо помнил то открытое письмо, которое В. Г. Короленко за полной своей подписью опубликовал в газетах по адресу вятской администрации в октябре 1880 г.

² Д. к. в. г. 1879 г. № 594-а.

³ Д. к. в. г. 1879 г. № 624.

без сомнения, не может подлежать цензуре администрации по существу. Иначе пришлось бы администрацию признать компетентной в литературной предварительной цензуре ¹.

В такой же мере представлялось странною и комичною резолюция Вятского губернского жандармского управления на предназначенной к печати рукописи другого политического ссыльного, Н. А. Добротворского, под заглавием «Пермяки». Резолюция гласила: «Это сочинение может быть допущено к печатанию в «Вестнике Европы» ².

Само собой разумеется, что полиции и администрации не удалось достигнуть того, чтобы ссыльные отправляли свою корреспонденцию не иначе, как через полицию. Ссыльные находили возможным пересылать письма через посредство знакомых. Если в каких-нибудь Березовских починках или в уездных городах сделать это было трудно, то губернский город в этом отношении представлял значительные удобства. Относительно Павленкова, например, губернатор писал в министерство внутренних дел, что он не подчиняется правилам о представлении корреспонденции для просмотра и пересылает письма через частных лиц ³.

Только благодаря этому неподчинению правилам надзора за перепиской политические ссыльные имели возможность печатать обличительные корреспонденции о Вятском крае в столичных газетах; «Вятская незабудка», конечно, никогда не увидела бы света, если бы Павленков всю переписку о ней вел через администрацию.

Надзору полиции подвергались, разумеется, и книги, присланные на имя политических ссыльных, причем после просмотра полицией книги нередко и совершенно не доходили до адресатов. Упомянутая выше Улановская писала ссыльному Чарушникову в 1880 г.: «С присылкой книг настоящая беда: если что не застраховано, то до меня не доходит. В Глазове сбыли, черти, медицинскую книжку и узоры, присланные мне Владимиром» ⁴.

Положение о полицейском надзоре, изданное 13 марта 1882 г., в общем узаконило существовавшую до него практику просмотра корреспонденции с тем лишь различием, что надзор за перепиской вместо канцелярии губернатора теперь был возложен на губернное жандармское управление и под его руководством на уездных исправников ⁵. Впрочем, от 20 мая 1882 г. министерство внутренних дел предложило губернаторам освобождать от контроля переписку тех политических ссыльных, которые за-

¹ Д. к. в. г. 1879 г. № 594-а.

² Д. к. в. г. 1879 г. № 640.

³ Д. деп. пол. исп. 1875 г. № 59.

⁴ Под Владимиром разумеется В. Г. Короленко, который, как видно из его писем, недавно опубликованных, послал Улановской необходимую ей книгу Флоринского по медицине, купленную за 6 рублей.

⁵ Собрание Узаконений и Распоряжений Правительства 1892 г., № 12.

явили себя хорошим поведением, а в июле 1882 г. корреспонденция всех политических ссыльных была освобождена от просмотра администрацией¹.

Сведения о некоторых политических ссыльных, проживающих в Вятском крае.

Из русских политических ссыльных Вятского края за рассматриваемый период следует отметить в хронологическом порядке их ссылки: А. М. Унковского (1860), Ф. Ф. Павленкова (1868—1877), В. Г. Короленко (1879—80), Н. А. Добротворского (1879—1884) и А. А. Андриевского (1880).

А. М. Унковский

А. М. Унковский (род. 21 дек. 1828 г.) был выслан в Вятку, будучи губернским предводителем дворянства в Твери. Причиной высылки его было то, что среди дворян он пользовался чрезвычайно большим влиянием и в обсуждавшемся тогда в правительстве и печати крестьянском вопросе держался взглядов, несогласных с правительственными. В 1859 г. правительство запретило касаться крестьянского вопроса в дворянских собраниях. Между тем Тверское дворянское собрание большинством 231 голоса против 56 постановило просить Александра II дозволить дворянскому собранию иметь суждение о своих нуждах и наказах, не стесняясь возможности соприкосновения с крестьянским вопросом, и это прошение за подписью 154 чел., причем первый подписавшийся был Унковский, отправлено было в министерство. Император ответил на это прошение отстранением Унковского от должности предводителя дворянства в декабре 1859 г., а когда, в свою очередь, тверское дворянство отказалось выбирать ему преемника, то министерство внутр. дел, помня его связи с Петрашевским, 15 февраля 1860 г. выслало его в Вятку. Впрочем, в том же году Унковский был возвращен из ссылки, которую он описал впоследствии в своих «Записках губернского предводителя».

С 1866 г. он вступил в сословие присяжных поверенных, а впоследствии был избран председателем С.-Петербургского совета присяжных поверенных. Умер 20 декабря 1893 г.²

Литература. Унковский А. М. Записки губернского предводителя («Русская Мысль» 1906 г., VI—VII). — Деятели революционного движения в России Био-библиографический словарь, т. II, Москва, 1928. — Жаншиев Г. А. А. М. Унковский и освобождение крестьян. М. 1894. Унковский А. М. М. Е. Салтыков в посмертных воспоминаниях друга («Русские Ведомости» 1894 г., № 115).

¹ Д. к. в. т. 1879 г. № 31.

² Дела о ссылке М. А. Унковского мне не удалось найти в вятских архивах.

Флорентий Павленков (1868—1877)

Отставной гвардейской конной артиллерии Брянского арсенала поручик Флорентий Павленков, из дворян Тамбовской губ., был сослан в Вятку по предписанию Александра II в октябре 1868 г.

Причиной высылки его было издание им сочинений известного критика Д. И. Писарева. Еще в 1866 г. Павленков издал часть вторую сочинений Писарева, которая в июне 1866 г. полицией была заарестована в количестве 2 490 экз. В сентябре того же года полиция наложила арест на 6-ю часть сочинений Писарева, издаваемую Павленковым в 3 тысячах экземпляров. Против Павленкова начато было дело по 1001 и 1035 ст. уголовного уложения. Правда, дело это кончилось ничем: 6-я часть была выпущена прокуратурой из-под ареста еще до суда, а за издание 2-й части он был оправдан С.-Петербургской судебной палатой¹, но администрация свела счеты с Павленковым в иной форме. Будучи личным другом Д. И. Писарева, Павленков произнес на его похоронах речь (в июне 1868 г.) и затем начал собирать пожертвования на увековечение памяти умершего, для чего напечатал бланки писем с соответствующим текстом и с пробелами для заполнения их по надобности.

С этими письмами 3 сентября 1868 г. он был арестован и 26 сентября посажен в Петропавловскую крепость, в которой и пробыл до окончания его процесса в сенате. Сенат оправдал его, но Александр II, по представлению министра внутренних дел, в октябре 1868 г. приказал выслать Павленкова в Вятку как личность с зловредным направлением, с воспрещением ему на будущее время издательской деятельности и въезда в столицу². 10 июля Павленков был освобожден из крепости и на другой день выслан в г. Вятку. Здесь он держал себя уединенно, но однажды неожиданно выступил в одном судебном процессе в защиту девушки, обольщенной губернаторским чиновником. К нему стали обращаться за советами по вопросам юридическим, а затем по земским делам. Он испросил себе разрешение у администрации заниматься переводом иностранных книг и в 1873 г. издал книгу известного астро-физика аббата Секки «Единство физических сил», причем из перевода исключил все места, где автор (аббат Секки) допускал непосредственное влияние божества на основные свойства материи (например, тяготение)³. Перевод вызвал тревогу у ревнителей православия, а Павленков в наказание был переведен в г. Яранск.

¹ Дело СПб ценз. ком. 1866 г. № 81.

² Д. деп. пол. исп. 1875 г. № 59.

³ Когда Павленкову указывали на его неточности в переводе, то он говорил: «Еще бы! стану я распространять изуитскую сафистику» (Короленко, История моего современника, т. III, стр. 131, Москва, 1922).

В первую же половину своего пребывания в вятской ссылке Павленков составил и издал наглядную азбуку без подписи автора; в азбуке, снабженной рисунками, между прочим были рядом поставлены рисунки: аналой (церковная принадлежность) и стойло, корова и корона, петух с великолепным хвостом и гробием и монах в мантии с длинным хвостом и клобуком, портрет Александра II с надписью «Царь» и рисунок виселицы. В тексте азбуки был приведен такой диалог: «Как приятно умирать за отечество», — сказал солдат, убегая с поля сражения. — «Я вполне с тобой согласен», — отвечает ему другой, перегоняя его. Цензура усмотрела в азбуке поругание священных и царских принадлежностей и стремление автора подорвать в детях патриотическое чувство, и азбука была конфискована. Тогда Павленков решил издать новую азбуку; было написано предисловие, автор которого жестоко разносил азбуку, изданную Павленковым, и предлагал взамен этой азбуки свою. Цензура пропустила книжку, не заметив, что к предисловию был приложен текст той же запрещенной азбуки, лишь с изменением рисунков; получив разрешение цензуры. Павленков при печатании устранил предисловие (на что он имел право¹), и новая печатная азбука широко распространилась в публике, так как проделка Павленкова стала известна. Вятский губернатор Чарыков от 11 ноября 1874 г. между прочим писал в министерство внутренних дел, что Павленков составил с свящ. Блиновым, также замеченным в политической неблагонадежности, азбуку для народных школ, которая хотя и была пропущена цензурой, но впоследствии при 3 издании признана министерством народного просвещения настолько вредной, что строжайше воспрещена к употреблению в школах².

Летом 1874 г. вятская жандармерия и товарищ прокурора окружного суда, разыскивая в Вятской губернии следы «преступной пропаганды», произвели одновременно обыски у Павленкова, председателя Вятской губернской земской управы Колотова и В. О. Португалова, и хотя ничего зловредного не было найдено, но Колотов и Португалов отправлены в Казань, где и заключены в тюрьму.

19 сентября у Павленкова был произведен второй обыск, взято до 70 писем, сам он тоже 19 сентября посажен в тюрьму, из которой был освобожден лишь через год (25 августа 1875 г.).

Из рапорта, писанного губернатором министру внутренних дел почти накануне первого обыска, видно, что губернская администрация в это время была настроена по отношению к Павленкову весьма враждебно: «Павленков, — пишет губернатор, — несмотря на пятилетнюю ссылку, не только не изменился к лучше-

¹ В. Г. Короленко. История моего современника, ч. III; Шведов С. П. Вышневолоцкая тюрьма в 1880 г. («Каторга и Ссылка» 1931 г. № 8—9).

² Д. ж. в. г. 1874 г. № 11.

му, но еще более озлобился против правительства, так что не старается уже скрывать своих убеждений и высказывает их явно в присылаемых начальству на просмотр незапечатанных письмах к своим знакомым, в которых весьма едко порицает действия правительства и глумится над ними. Между тем в течение пятилетнего пребывания своего в Вятке он исподволь, незаметным образом успел подчинить своему влиянию некоторых из земских деятелей, так, например, председателя губернской земской управы Колотова¹, гласного мирового судью Красовского и других».

По освобождении из вятской тюрьмы Павленков приступает к разработке вопроса о развитии местной публицистики и приходит к мысли издавать сборники корреспонденций о Вятском крае, напечатанных в столичных газетах за известный год, а равно корреспонденций, не попавших в столичную печать по чисто местному своему характеру, и, наконец, статей и корреспонденций, написанных специально для сборника. В 1877 г. в Петербурге был напечатан первый сборник под названием «Вятская незабудка — памятная книжка Вятской губернии на 1877 г., неофициальное издание». В этом сборнике изобличались главным образом непорядки в вятских земствах и лишь отчасти были вскрыты злоупотребления правительственных чиновников, главным образом по рекрутскому набору, но и с таким сравнительно безобидным содержанием книжка произвела чрезвычайно сильное впечатление в провинции, совершенно еще не слышавшей более или менее свободного слова. Изданная в 800 экземплярах книжка разошлась в 2 месяца (причем продавалась негласно по 1 руб. за экземпляр).

В июне того же года вышло 2-е издание этого сборника, в количестве уже 1050 экз.; в сущности наполовину это был новый сборник, так как в него вошло много статей, не бывших в первом издании, и, с другой стороны, впущено несколько статей, бывших в первом издании; книжка задевала много новых лиц — и правительственных чиновников и земских деятелей, и возбудила еще более яркую ненависть к предполагаемым авторам корреспонденций и к действительному издателю книги. Многие грозили подать на издателя в суд. Впрочем, осуществил это намерение лишь один Стельмахович (председатель суда). Губернатор грозил пересылать Павленкова из одного города в другой и уже назначил ему г. Нолинск, но неожиданно в декабре 1877 г. состоялось освобождение Павленкова от ссылки, и он уехал в Петербург.

¹ Администрация потребовала, чтобы губернское земское собрание отстранило Колотова от дел; когда собрание отказалось сделать это, то в декабре 1874 г. состоялось «высочайшее повеление»: «Председателя Вятской губернской земской управы Петра Колотова, как привлеченного к дознанию о государственном преступлении, не допускать к участию в делах земства и выборах впредь до решения дела о нем» (д. к. в. т. 1874 № 11).

Между тем еще в Вятке им составлялся третий выпуск сборника под тем же заглавием на 1878 г. Пред Павленковым уже рисовалась идея — издание аналогичных сборников и по другим губерниям. Этой своей идеей он делится с нижегородским литератором и местным деятелем Гацисским и, ссылаясь на опыт «Вятской незабудки», предлагает приступить без всяких опасений к изданию своих обличительных ежегодников или, как он выражается, к «выметанию сора из своих заваленных сором изб»¹.

В феврале 1878 г. третий выпуск «Вятской незабудки» был отпечатан в количестве 2 100 экз. и представлен на разрешение в С.-Петербургский цензурный комитет. Но на этот раз на «Незабудку» обрушились административные власти. С.-Петербургский комитет (цензурный) постановил задержать «Незабудку». Это постановление было утверждено Главным управлением по делам печати и затем представлено министру внутренних дел Тимашеву. В апреле последний внес в комитет министров представление, где он писал, что «Вятская незабудка» не есть отдельное само в себе законченное произведение, но собственно орган той своеобразной редакции, которая, организовавшись в форме постоянного агентства, имеет целью собирать и слагать историю Вятской губернии, как скоро более осторожные столичные газеты отказываются быть безусловным отголоском провинциальных корреспондентов». Далее министр писал, что «Вятская незабудка» представляет собой небывалый в русской печати пример диффамации: авторы статей «Незабудки», скрывая свои собственные имена, дозволяют себе не только обвинять публично других, не только обозначать заподозриваемых ими лиц полными именами, не только глумиться над этим лицами, но и употреблять относительно их чисто бранные выражения. Так в «Незабудке» вятский губернатор Н. А. Тройницкий назван «Колюшкой дурачком», глупцом, человеком, которого можно на все подбить, сознательно покровительствующим самым выдающимся развратникам, казнокрадам. Далее в сборнике упоминаются вятский вице-губернатор, председатель окружного суда, прокурор суда, директор реального училища, председатель губернской земской управы Дернов, полицеймейстер Михайлов, смотритель тюремного замка Трофимов, лесничий, и все называются глупцами, взяточниками, ворами, мошенниками.

По мнению министра, все корреспонденции сборника исходят от политических ссыльных, которые недовольны вообще нашим государственным строем и пытаются произвести перемену этого строя революционным путем.

Цель статей очевидна — посредством печати поселить в среде жителей Вятской губернии полнейшее недоверие к правительству, избирающему своими агентами таких возмутительных ад-

¹ «Вятская Речь» 1910 г. № 19.

министраторов, судей, наставников юношества, охранителей государственных имуществ.

Далее министр указывает, что в «Вятской незабудке» проводятся чисто революционные идеи. Из нескольких отрывков, указанных министром в докладе комитету министров, мы приведем один, где автор пророчески говорил о предстоящем приходе счетчика для ревизии казнокрадов.

«А что рано или поздно найдется такой счетчик, счетчик страшный по своей неутомимой справедливости, нельзя и сомневаться. Это будет, конечно, не человек крови и железа, а человек желчи и нервов... Он взвесит все. Он подведет всему итог. Он ничего не забудет, ничего не оставит под сомнением и из всей этой страшной мозаики безобразий составит один общий цельный обвинительный акт. Человек этот уже поднимается. Он встал, он идет. Но что с вами, самоуправцы? Вы пятитесь назад, вы посылаете за полицией! Глупцы! Ведь это не такой человек, которого можно взять и отправить к испытанному веками Макару. Это коллективный человек — мир» («Вятская незабудка» 1878 г., стр. 369—370).

Заслушав доклад министра Тимашева, комитет министров в заседании 9 мая 1878 г. постановил воспретить выход в свет «Вятской незабудки». От 17 мая с.-петербургский градоначальник предписал полицеймейстеру отправить на картонную фабрику Крылова 2 080 экз. «Вятской незабудки». Полицеймейстер это исполнил: 2 075 экз. были обращены в бумажную массу. 5 экз. были препровождены в Главное управление по делам печати, из них 2 экз. были направлены в с.-петербургскую публичную библиотеку для хранения в секретном отделении ¹.

Что касается 1-го и 2-го изданий «Вятской незабудки» на 1877 г., то они, на основании п. 3 к ст. 175 устава о цензуре и печати, были воспрещены к обращению в публичных библиотеках и общественных читальнях ².

Павленков, находившийся тогда уже на свободе и проживавший в Петербурге, пытался спасти «Незабудку» от погрома и через влиятельных в административных сферах Петербурга лиц и личными хлопотами пред учреждениями. Он заявил в цензурный комитет, что «Незабудка» представлена в комитет ошибочно, что издатель ее (Курочкин) пред представлением книги в цензурный комитет хотел пересмотреть и некоторые статьи изменить — сократить, а некоторые и совсем исключить, а затем предполагал представлять в цензурный комитет по частям. Но типография не исполнила этого, хотя изъявляла согласие на выполнение желания издателя. Поэтому Павленков просил снять с кни-

¹ Судьбу «Вятской незабудки» мы излагаем по делу С.-Петербургского цензурного комитета 1877 г. № 35 и делу Главного управления по делам печати 1878 г. № 36.

² См. список произведений воспрещенных, составленный Главным управлением по делам печати на 1 января 1894 г.

ги арест и дать возможность пересмотреть книгу с тем, что в новом издании «по возможности» будут приняты во внимание и указания цензурного комитета.

Но министр внутренних дел в апреле отклонил эту просьбу.

Так погибла «Вятская незабудка», задуманная Павленковым с его единомышленниками по г. Вятке¹.

Павленков уже не предпринимал нового издания, тем более, что 8 марта 1880 г. он вновь был арестован и направлен в вышневолоцкую политическую тюрьму, а оттуда весной того же года по этапу был выслан в Западную Сибирь и в июле водворен в г. Ялуторовске Тобольской губ. Впрочем, в начале следующего (1881) года он был возвращен из ссылки² и вновь занялся издательством. Им были изданы сотни названий научно-популярного и беллетристического характера. Оборот его достигал 200 тыс. руб. Скончался в Ницце 20 января 1900 г.³.

В. Г. Короленко (1879—1880)

Развитие революционного движения в России во второй половине 1870-х годов, выразившееся в террористических выступлениях, одним из своих последствий имело ссылку В. Г. Короленко в Вятский край. Судя по тому, что в день убийства шефа жандармов Мезенцева (4 августа 1878 г.) у В. Г. Короленко был первый обыск, а после убийства харьковского губернатора князя Кропоткина (в феврале 1879 г.) второй и третий обыски, надо думать, что правительство подозревало его в прикосновенности к террору; в бумаге с.-петербургского градоначальника вятскому губернатору от 10 мая 1879 г. за № 6154 было написано, что Короленко «несомненно виновен в сообществе с главными революционными деятелями, в печатании и распространении изданий вольной типографии, но успел скрыть следы своих преступных деяний». Кроме того, III отделение императорской канцелярии приписывало ему намерение убить одного из тайных агентов полиции. Обвинение это было просто выдумкой этого агента в от-

¹ Д. деп. пол. исл. 1875 г. № 59 — Дело СПб ценз. ком. 1877 г. № 35. — Дело Главного управления по делам печати 1878 г. № 36. — Письма Ф. Ф. Павленкова к Марко Вовчок (в рукописном собрании Пушкинского дома Академии Наук). — Д. к. в. г. 1874 г. № 11. — Личное дело о Павленкове в вятских архивах мной не найдено. В дореволюционное время, как видно из описи, оно хранилось в особо секретных делах, а затем было отправлено в Академию Наук, но здесь мне не удалось разыскать его.

² 23 января 1881 г. с.-петербургский градоначальник получил уведомление от департамента полиции о том, что высланному из С.-Петербурга под надзор полиции в г. Ялуторовск отставному поручику Ф. Павленкову признано возможным дозволить возвратиться в столицу с учреждением за ним гласного надзора полиции (дело канцелярии самарского губернатора 1884 г. № 329, хранящееся в Самарском окружном архивном бюро).

³ «Вятская Речь» 1912 г., № 19.

местку за то, что братья Короленко выгнали его из своей квартиры, когда узнали, что он шпион¹.

29 мая 1879 г. жандармы доставили В. Г. Короленко в Вятку. В то время в Вятке уже задумано было издать к предстоящему столетию Вятской губернии (1880) большой сборник по Вятскому краю. Хотя для выполнения этой серьезной работы литературных сил в Вятке было чрезвычайно мало (а В. Г. Короленко в эту пору был уже литератором), однако губернатор (Тройницкий) не признал возможным привлечь его к составлению сборника, а заключил его в вятскую тюрьму и через несколько дней (2 июня) выслал в г. Глазов, считавшийся тогда одним из захолустных городов Вятского края.

В Глазове В. Г. Короленко поселился вместе со своим братом (одновременно с ним высланным) в квартире также политического ссыльного, финляндского уроженца Карла Стольберга. Хотя он не имел никаких средств к существованию, однако губернатор (Тройницкий) отказал ему в назначении казенного пособия, и В. Г. Короленко подал на него жалобу в министерство внутр. дел, а пока должен был существовать сапожным ремеслом.

В сентябре 1879 г. у В. Г. Короленко произошло столкновение с исправником по поводу того, что исправник в течение 3 недель держал у себя, под предлогом просмотра, книги, присланные по заказу В. Г. Короленко из Петербурга. В. Г. заявил губернатору официальный протест против действий исправника. В этом протесте он попутно отметил некорректное отношение и самого губернатора к политическим ссыльным. Давая заключение по этому протесту, глазовский исправник отметил влияние «самостоятельных и дерзких наклонностей Короленко на других политических ссыльных», а также домогательство его вредно влиять и на лиц, «далеких от этого пагубного строя», и просил губернатора убрать Короленко из Глазова. В ответ на протест Короленко и на донесение исправника губернатор предписал глазовскому исправнику произвести обыск в квартире В. Г. Короленко и затем сослать его в Бисеровскую волость Глазовского уезда, которая считалась тогда самым захолустным уголком Вятского края. Это знаменитые Березовские починки, до которых в то время не дошла еще телега, где население летом ездило на саях или верхом на лошади. В сопровождении полицейского агента В. Г. Короленко был привезен сюда в конце октября, а в ноябре у него произошло столкновение с урядником, который запретил политическим ссыльным, и особенно В. Г. Короленко, посещать только-что высланную в Березовские починки Э.А. Улановскую. Короленко отказался подчиниться этому новому произволу полиции. Последствия этого отказа сказались очень скоро. 3 декабря урядник составил акт о самовольной отлучке Короленко из места своего жительства за 39 верст. Судя

¹ См. «Историю моего современника».

по всей обстановке, этот акт был измышлен урядником, который тогда, по свидетельству одного политического ссыльного, нередко составлял на политических ссыльных протоколы «о поездках действительных и воображаемых». Исправник, получив этот акт, представил его губернатору с добавлением, что «отлучка ссыльного на такое расстояние может дать ему полную возможность к совершению побега». Губернатор сообщил об отлучке В. Г. Короленко в министерство внутренних дел и просил выслать В. Г. Короленко в Восточную Сибирь на основании высочайшего повеления 8 августа 1878 г. (по этому повелению высылка в Восточную Сибирь назначалась за «покушение на побег или за совершение оно»).

А министерство внутренних дел через 3 недели уже распорядилось выслать В. Г. Короленко в Восточную Сибирь «за побег из назначенного ему местожительства». Хотя вятский губернатор отлично знал, что Короленко не совершал никакого побега, тем не менее решил исполнить распоряжение министерства: 26 января 1880 г. из Вятки были посланы 2 жандарма, чтобы взять В. Г. Короленко и привезти в Вятку. 1 февраля последний был уже заключен в вятскую тюрьму, а 14 февраля с жандармами отправлен через Москву и Тверь в вышневолоцкую политическую тюрьму, куда правительство зимой собирало политических преступников, предназначенных им к ссылке в Сибирь с настулением весны.

Просидев в этой тюрьме около полугода, В. Г. в июле 1880 г. был отправлен по этапу в Восточную Сибирь, доехал до Томска, но отсюда был возвращен обратно в Европейскую Россию, так как к тому времени в министерстве выяснилось, что ни побега, ни покушения на побег В. Г. Короленко не совершал. Так в 8½ месяцев В. Г. Короленко прошел все ступени ссыльной карьеры — ссылку в губернский город, в уездный, в глухой лесной угол и, наконец, в Сибирь¹.

Все эти перипетии вятской ссылки В. Г. Короленко описал в с.-петербургской газете «Молва» за 1880 г., от 12 октября. Вятская ссылка дала В. Г. Короленко массу своеобразных впечатлений из захолустного уголка России. Отражением этих впечатлений, между прочим, является его очерк под заглавием «Ненастоящий город», написанный вскоре по окончании вятской ссылки и напечатанный в журнале «Русское Слово» за 1880 г., кн. 11. В конце жизни В. Г. описал свою ссылку в Вятский край в «Истории моего современника» (т. II, ч. 5, и т. III, ч. 1, главы 1—15). Это описание, особенно в части, касающейся лесной глуши Березовских починков, производит необычайно сильное впечатление. Здесь в лице В. Г. Короленко соединились

¹ Дела к. в. г. 1879 г. №№ 594а, 580, 584, 617, 619, 624, 544.— Подлинные документы о Вятской ссылке В. Г. Короленко изданные мной в журнале «Каторга и ссылка» 1933, № 1.

этнограф и великий художник. Некоторые главы («Трагедия лесной глуши», «Как меня победила лесная нечисть») читаются прямо с захватывающим интересом. Захолустный и заброшенный при царской власти Зюздинский край может по справедливости гордиться этим единственным в своем роде описанием.

От В. Г. Короленко, умевшего хорошо рисовать, между прочим сохранился рисунок, на котором он изобразил один из домов Березовских починков и перевозку бисеровцами кладки летом по сухому пути (на санях или на лодках)¹.

Сохранился дом, в котором жил В. Г. Короленко в Березовских починках (правда, дом перестроен). Бисеровцы еще до сих пор помнят В. Г. Короленко. С большой любовью рассказывал о нем участникам экспедиции Вятского научно-исследовательского института 1926 г. крестьянин Парфен Бисеров, имевший возможность 10-летним мальчиком наблюдать В. Г. Короленко, жившего в доме его отца (Гаври Бисерова).

В Вятке в настоящее время имя В. Г. Короленко присвоено одной из школ II ступени, в Глазове (Вотской автономной области) — публичной библиотеке, школе I ступени и одной из городских улиц.

Н. А. Добротворский (1879—1882)

Уроженец Бессарабии (род. 1860 г.) Н. А. Добротворский в возрасте 19 лет был выслан в Вятскую губернию из г. Владимира по распоряжению генерал-губернатора.

Причиной высылки его было следующее обстоятельство. 29 января 1879 г., зайдя в полицейскую часть г. Владимира, он стал угрожать заряженным револьвером приставу 2-й части и дежурному полицейскому надзирателю; его задержали, подвергли обыску, причем в записной книжке его была найдена записка о том, что он «поступил в солдаты, думая найти здесь благодарную почву, но ошибся в расчетах». В связи с результатами обыска Добротворскому было предъявлено обвинение в государственном преступлении и в покушении на убийство пристава. Хотя это обвинение было вскоре прекращено, но после этого местный епископ потребовал высылки Добротворского из Владимира, указывая на его вредное влияние на семинаристов, особенно живущих по квартирам. Об этом было написано московскому генерал-губернатору, который и определил выслать Добротворского в Вятскую губернию под негласный надзор полиции.

В сопровождении двух полицейских чинов Добротворский был привезен в Вятку. Губернатор направил его в Орлов в сопровождении также двух полицейских чинов и поручил исправнику выслать Добротворского в с. Слудку Орловского уезда, расположенное среди пермяков (народности финского племени).

¹ Журнал «Зеркало» за 1911 г., № 4.

Прожив здесь год, Добротворский на почве плохого питания заболел и был помещен в великорезскую больницу. Все попытки Добротворского перейти на жительство в г. Орлов губернатором систематически отклонялись, и лишь после общего циркуляра министра внутренних дел от декабря 1880 г. (о поселении политических ссыльных в городах, а не в селах) он был переведен в город Орлов и здесь, пользуясь публичной библиотекой, приступил к составлению этнографического очерка о пермяках. К апрелю 1882 г. очерк был написан и с разрешения Вятского губернского жандармского управления был отправлен в редакцию журнала «Вестник Европы», где и был напечатан в 3-й и 4-й книжках за 1883 г.

Это была первая и единственная статья о пермяках, основанная на наблюдениях над орловскими пермяками. Кроме этой статьи, им было помещено в «Вятских Губернских Ведомостях» несколько небольших статей, каковы: «Раскол в Пинюжанской волости Орловского уезда» (1883 г., №№ 6, 7 и 10), «Клады в Орловском уезде» (1883 г., №№ 12 и 13), «О верованиях пермяков» (1883 г., № 14).

Освобожден от ссылки 9 сентября 1882 г. В деле Добротворского чрезвычайно характерен полнейший произвол вятской администрации в обращении с ссыльными. Хотя Добротворский был выслан московским генерал-губернатором под н е г л а с н ы й надзор, однако вятский губернатор, не объявляя ему об этом, подвергает его г л а с н о м у надзору, контролирует его переписку, долго не выпускает его из Слудки и даже, когда Добротворский уже был освобожден министерством от ссылки, не выдает ему документы на руки и отправляет их по почте владимирскому губернатору ¹.

А. А. Андриевский (1880)

Преподаватель екатеринославской гимназии А. А. Андриевский (род. 1843 г.) был выслан по распоряжению одесского генерал-губернатора, повидимому, за украинофильство: в 1879 г. он вел переговоры с Ник. Левченко об устройстве тайной типографии для печатания украинских книг. Министерство внутренних дел предположило выслать его в Восточную Сибирь и уже заключило его в вышневолоцкую политическую тюрьму, но в виду болезненного состояния ссылка в Сибирь была заменена ему ссылкой в Вятскую губернию, куда он и прибыл 26 мая 1880 г.

Здесь ему удалось принять участие в литературной работе в составлении сборника «Столетие Вятской губернии». В течение 7 месяцев он успел написать для сборника три довольно боль-

¹ Д. к. в. г. 1879 г. № 640.

шие статьи: 1) «Краткий очерк истории Вятского края до открытия в нем наместничества», 2) «Дела о совершении языческих обрядов и жертвоприношений инородцами Вятской губ. (1828—1857)» и 3) «Картофельные бунты в Вятской губернии в 1834 и 1842 годах», составил хроникку событий в Вятском крае за 25 лет (1855—1880) по известиям «Вятских Губернских Ведомостей», занимающую в сборнике свыше 11 печатных листов, и, наконец, принял участие в составлении краткой летописи событий и законоположений, касающихся Вятской губернии, за первое столетие с открытия наместничества¹.

В ноябре 1880 г. Андриевский в виду болезненного состояния был переведен в одну из южных губерний с воспреещением ему жительствова в Одессе и Таврической губернии. В следующем году был освобожден из-под гласного надзора², после чего и заявил себя целым рядом исторических работ, основанных на изучении архивных материалов: им издано 10 выпусков исторических материалов под общим заглавием «Из архива Киевского губернского правления», в журнале Одесского общества истории и древностей российских опубликованы материалы по истории Запорожья, в журнале «Киевская Старина» помещен целый ряд заметок исторического характера, составлена (1887) историческая записка о златопольской гимназии и несколько брошюр для народного чтения («Первый русский книгопечатник», «В. А. Жуковский», «Крым и крымские татары», «Из бесед о любви к животным»).

В. Г. Короленко, три месяца проживший в вышневолоцкой политической тюрьме вместе с А. А. Андриевским, говорит в «Истории моего современника», что об Андриевском у него осталось «прекрасное воспоминание».

Из ссыльных поляков, проживавших в Вятке, следует особо отметить Адама Красинского (1863—1883), Оскара Авейде (1866—1886) и Эльви́ро Андриоли (1868—1871).

Красинский Адам (1863—1883)

Красинский Адам (род. 1810 г.) был профессором Римско-католической академии в С.-Петербурге, с 1858 до 1863 г. состоял епископом в г. Вильне. До ссылки им было написано несколько научных трудов, из них наиболее ранний в 1835 г. под заглавием *Statuka rymoiworcza Horougo u Lacinskiego*. В 1837 г. была издана им. *Grammatika Polsk* (Вильно), в 1856 г. *Wyprawu Lgoga na Polowcow* (СПБ). В Вятку Красинский был выслан 10 июня 1863 г. по распоряжению виленского, ковенского, гродненского и минского генерал-губернатора, причем в Вятку не было сообщено, за что он высылается. Вятская администрация от-

¹ Все эти работы Андриевского напечатаны в 1880 г. в сборнике «Столетие Вятской губернии», тт. I и II.

² Д. к. в. г. 1880 г. № 674.

неслась к нему с большим вниманием, и вятский губернатор неоднократно ходатайствовал об освобождении его от ссылки, но все эти ходатайства не имели успеха. Лишь через 17 лет (в 1880 г.) департамент полиции освободил его от надзора, но оставил в Вятке, и лишь от 26 апреля 1883 г. департамент духовных дел и иностранных исповеданий объявил ему о прощении его императором с предоставлением ему права выехать за границу или избрать место жительства внутри России, за исключением губерний Западного края. Красинский избрал город Краков, куда и выехал из Вятки 6 июля 1883 г. Скончался в начале 1892 г.¹

О. Э. Авейде (1866 — 1886)

Авейде Оскар Эдуардович, сын польского юриста, окончил юридический факультет С.-Петербургского университета в 1858 г.² Через год отправлен за казенный счет за границу и слушал лекции в Берлинском и Гейдельбергском университетах, а в Париже (в Сорбонне) изучал французскую судебную практику. Возвратясь в Варшаву через три года, занимался в судах исправительной полиции и уголовном. В конце 1862 г. Авейде вошел в партию «красных» (демократическое крыло подпольных террористических ор-ций, насившее мелкошляхетский характер.— **Ред.**) и комитетом партии был назначен членом центрального революционного комитета, в каковом звании и оставался до августа 1863 г., несмотря на то, что за это время состав революционного комитета изменялся три раза. В 1863 г. по приказу комитета, принявшего титул «Ржонда Народового», Авейде отправился в Литву для принятия мер по замене только-что разгромленной русским правительством руководящей центральной организации, но здесь 22 августа 1863 г. был открыт и арестован, после чего просидел около трех лет в Варшавской Александровской цитадели.

Следственная комиссия предложила ему изложить на бумаге со всей отчетливостью и истиной о всех лицах, участвовавших в заговоре, с объяснением политической деятельности каждого и фактов, могущих служить к их изобличению, и впоследствии о всех обстоятельствах касательно начала, развития и упадка последнего заговора и мятежа в царстве и в западных губерниях по историческому порядку. В ответ на это предложение Авейде составил записки о польском восстании 1863 г. Записки

¹ Д. к. в. г. 1863 г., № 24.— 1873 г., № 21. Ведомость о политических ссыльных Вятской губернии за 1868 г. Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона, т. XVI, стр. 513.

² Любопытно, что в 1850-х годах в С.-Петербургском университете читались уголовные законы царства Польского, история законов царства Польского, гражданский закон царства Польского, административные законы царства Польского, о чем говорит хотя бы тот же университетский диплом, выданный О. Э. Авейде и хранящийся в Вятке у М. А. Авейде.

эти в 4 томах были изданы графом Бергом в небольшом числе экземпляров, один из которых был представлен в 1866 г. Александру II.

Считая весьма важными сделанные в рукописи указания (раскрытия), главнокомандующий войсками Варшавского военного округа граф Берг признал возможным, не предавая Авейде военному суду, ограничить меру наказания ссылкой в отдаленные места империи под строгий надзор полиции. Это мнение его было утверждено Александром II, и Авейде в сентябре 1866 г. был выслан в Вятскую губернию. Губернатор направил его сначала в Кирсинский завод Слободского уезда, но затем немедленно отсюда перевел его в Турек Уржумского уезда, а в ноябре министерство внутренних дел предложило поместить его в одном из отдаленных городов Вятской губернии, где не было бы поляков. Губернатором был избран г. Глазов. В 1867 г. губернатор применил было к Авейде льготы манифеста 17 мая 1867 г. и разрешил ему вернуться на родину (в г. Суваики), но министр внутренних дел приказал задержать это освобождение. В ноябре 1867 г. Авейде просил губернатора перевести его в Вятку. С разрешения министра внутренних дел и согласно с заключением наместника царства Польского, перевод этот состоялся.

Через три года (в феврале 1870 г.) Авейде получил разрешение поступить вольнонаемным писцом в одно из учреждений г. Вятки, за исключением полицейского управления, канцелярии губернатора, губернского по крестьянским делам присутствия и земских управ, и поступил писцом в Вятскую палату гражданского суда.

В 1872 г. министерство внутренних дел согласилось применить к Авейде манифест 13/17 мая 1871 г., т. е. освободить его от надзора, но с запрещением ему въезда в столичные и западные губернии, а также в царство Польское. В 1874 г., когда всем административно сосланным полякам было разрешено вернуться на родину, Авейде просил распространить и на него это разрешение, но варшавский генерал-губернатор граф Коцебу признал необходимым повременить удовлетворением этого ходатайства. Через 6 лет Авейде (в 1880 г.) еще раз подавал заявление о разрешении вернуться на родину, но департамент полиции признал ходатайство не подлежащим удовлетворению. После этого отказа Авейде женился на вятской обывательнице Бабиковой М. А. и только в 1886 г., т. е. через 20 лет, за ним, согласно манифесту 15 мая 1883 г., было признано право на повсеместное жительство, но Авейде уже не воспользовался этим правом и остался жить в Вятке, где до конца своей жизни занимался адвокатурой в качестве присяжного поверенного ¹.

¹ Д. к. в. г. 1866 г. № 111; д. Вятского городского полицейского управления 1866 г. № 694; ведомость о осыльных Вятской губернии за 1868 г. — «Труды Вятской уч. арх. ком.» 1905 г., вып. III, стр. 130—133.

Книга О. Авейде «Записки о польском восстании» (Варшава 1866) в настоящее время составляет большую библиографическую редкость ¹.

Андреоли Эльвио (1868—1871)

Андреоли Эльвио, некласный художник, уроженец г. Вильны, учился в Академии Художеств и закончил художественное образование в Риме, Лондоне и Париже. В 1868 г. был выслан в Вятскую губернию по конфирмации командующего войсками Виленского военного округа за неблагонадежность в политическом отношении. В ссылке проживал в Вятке, где занимался живописью, имея учеников из поляков же. Произведения его в Вятском крае пользовались довольно большой известностью. Освобожден от ссылки после 1871 г. ².

Андреоли известен своими иллюстрациями к писателям как польским (Мицкевичу, Словацкому и др.), так и к некоторым русским.

¹ Минцлов С. Р., составитель обзора записок, дневников, воспоминаний, относящихся к истории России (Новгород 1911), заявлял, что в его библиотеке экземпляр книги Авейде имеется.

² Алфавитный список лиц, состоящих под надзором полиции в 1868 г. (№ 1 за 1869 г.).—Д. к. в. г. 1871 г. № 25. См. также «Советскую Энциклопедию» и «Новый Энциклопедический Словарь» т. II, стр. 232.

ГЛАВА III

Ссылка в 1897—1905 годах

Усиление революционного движения в России во второй половине 1890-х годов, сосредоточившееся по преимуществу на фабриках и заводах, выдвинуло в правительственных сферах вопрос о расширении применения политической ссылки в качестве меры воздействия на это движение. Те районы Европейской России, которые были отведены для политических ссыльных после 1882 г. (т. е. губернии Архангельская, Астраханская и Вологодская, а также северные уезды Новгородской губернии), стали недостаточны для увеличившегося количества ссыльных.

В поисках новых мест для политических ссыльных правительство опять вспомнило о Вятском крае, которым оно довольно широко пользовалось до 1882 г., и решило сделать его местом ссылки. 9 января 1897 г. состоялось «высочайшее повеление», которым Вятская губерния опять обращалась в место для политической ссылки, о чем министр внутренних дел и не замедлил уведомить вятского губернатора.

Начавшийся указанным правительственным актом новый период вятской ссылки продолжался до первой революции (1905 г.).

Указом 25 октября 1905 г. все политические ссыльные, высланные на известный срок, были освобождены от ссылки без всяких дальнейших ограничений, причем получили право избрать для места жительства любую губернию. Эти ограничения в праве свободного избрания места жительства, согласно разъяснению министерства, в ноябре того же года были сняты и с тех лиц, которые получили освобождение от ссылки еще в прежние годы¹. К началу 1906 г. из всех вятских политических ссыльных остался лишь один человек, сосланный в Вятскую губернию на неограниченное время за участие в армянском революционном движении Машров Саян. Это был уже почти 70-летний старик. Летом 1906 г. он скончался в ссылке².

¹ Циркуляры о поднадзорных, л. 38.

² Ведомость о политических ссыльных за 1905 г. (в фонде канцелярии вятского губернатора).

Статистические данные о ссыльных

За девятилетний период (1897 — 1905 годы) политической ссылке в Вятский край подверглись 427 чел., в том числе 376 мужчин и 51 женщина, другими словами—Вятский край ежегодно в среднем получал по 47 чел. ссыльных, которые и оставались здесь на несколько лет.

Впрочем, высылка эта в течение рассматриваемого периода шла неравномерно: она была более обильна в первые три года и ослабела в последующие годы. Вот конкретные цифры для каждого года.

Было выслано:

Количество высланных в Вятскую губ. в 1897 — 1905 г.

Годы	Всего	В т. ч. женщин
1897	74	5
1898	88	16
1899	98	9
1900	32	—
1901	20	4
1902	41	5
1903	51	6
1904	8	1
1905	15	5

Итого 427 51

Эти цифровые данные получены нами при ознакомлении со списками ссыльных, представляемыми ежегодно в департамент полиции, и отчасти с архивными делами. При этом в отнесении ссыльного к тому или иному году мы руководились датой правительственного распоряжения о ссылке, а не временем прибытия лица в Вятскую губернию, так как исчисление срока ссылки начиналось с первого момента, а не со второго.

С 1904 г., как видно из приведенных цифровых данных, ссылка в Вятский край стала заметно сокращаться — не потому, что революционное движение пошло на убыль, а потому, что внимание правительства сосредоточилось на затейливой им японской войне, которая сопровождалась одними неудачами, а с другой стороны, революционное движение настолько стало усиливаться, особенно после 9 января 1905 г., что ссылка оказывалась уже довольно бесполезным орудием в борьбе с этим движением.

В 1905 г., в виду введения в некоторых районах России военного положения, началась высылка в Вятский край на основе этого положения. Были высланы 13 человек из Кутаисской губернии, из г. Одессы и Одесского уезда, Николаевского градоначальства и из Привислинского края — на все время существования военного положения в тех местностях, откуда они высла-

ны; среди них высланных по политической неблагонадежности можно насчитать 13 человек. Кроме того, 2 лица, высланные по политической неблагонадежности в другие губернии, были переведены в 1905 г. в Вятскую губ. Эти 15 человек нами введены в выше помещенную таблицу¹.

¹ В книге «Вятская политическая ссылка» (Вятка 1925) помещен именной список вятских политических ссыльных за 1898—1905 гг., составляющий своего рода приложение к общему очерку «вятской ссылки» И. Мирова, помещенному в этой же книге. В списке значится 417 лиц. К сожалению, полагаться на этот список невозможно. Сопоставление его с именными списками политических ссыльных, хранящимися в архивном фонде б. канцелярии губернатора, обнаруживает в нем весьма значительные дефекты. Прежде всего оказывается, что в списке под разными номерами одни и те же лица повторяются иногда по несколько раз, а именно: Миртова (Приходькова) значится под №№ 222, 280 и 281, Березин Михаил под №№ 27, 45, 47, Леман (Смидович) №№ 199 и 332, Дубровинская (Жиселевская) №№ 107 и 170, Коумзе (Ксандрова) №№ 167 и 168, Бабалжан Илья №№ 20 и 51, Никитин А. №№ 255 и 264, Вашиков Ник. №№ 55, 58 и 59, Бакихин Яков №№ 6 и 43, Мудрыгин Александр №№ 233 и 237 и Филиппов Афананий (Шокарев) №№ 374 и 401.

Далее в списке почему-то не помещено несколько десятков политических ссыльных, значившихся в официальных губернаторских списках за эти годы, и, наконец, в список внесено довольно много лиц, не принадлежавших к числу политических ссыльных (повидимому, из уголовных ссыльных).

Ко всему этому нужно прибавить, что фамилии и иногда имена политических ссыльных напечатаны с большими ошибками. Так, например:

Напечатано

Следует

14 Агимерзянц Саркас	Агамирзян Саркиз
62 Биркау	Виркау
85 Гортечников	Горшечников
100 Г. рдинский	Годвинский
134 Захарова Клавдия	Захарова Конкордия
141, 143, 144 Зайка	Зайка
166 Киманский	Кованский
187 Коварьянс	Каварьянс
217 М тинский	Мошинский
218 Мапулайтис	Мтулайтис
244 Магирев	Мазиров
249 Мадзинский	Млодзинский
250 Музгим	Музиль
257 Нимвитский	Нимвицкий
3 4 Перский	Перский
306 Потапов	Патока
311 Паразовский	Порядовский
326 Радзиевский	Радзаевский
327 Разин Леон	Радин Леонид
362 Спруде Кристоп	Спруде Константин
344 Смолина	Смолинская
371 Туайкова	Туайнова
397 Шубьяков Альфред	Шубьяковский Адольф
108 Дорри Август	Дорри Августа
130 Зимиевко Александра	Зимюнка Александр

Продолжительность ссылки. На какой срок в рассматриваемый период выслались поднадзорные? Из 414 человек, о которых имеются определенные сведения, были высланы:

На сколько лет	Абс.	%	В т. ч. женщин
На пять лет	14	3,3	1
На четыре года	58	14,4	6
На три года	213	51,5	25
На два года	104	25,4	18
На один год	25	5,4	4
Итого	414	100	54

Всем этим лицам (414) было принуждено в общем 1 178 лет ссылки, или по 2,8 г. в среднем на каждого. Любопытно, что при назначении срока ссылки правительство не делало особого снисхождения лицам женского пола: 54 женщинам было присуждено 124 года ссылки, что в среднем на каждую дает также 2,8 г. Фактический срок ссылки был уменьшен в рассматриваемый период лишь для тех политических ссыльных, которых застал в изгнании манифест 1904 г. (по случаю рождения наследника), сокративший срок ссылки на $\frac{1}{3}$. Манифест не был применен к двум политическим ссыльным: к одному потому, что поведение его было признано неудовлетворительным, а к другому потому, что он был выслан бессрочно. Кроме того, четверо политических ссыльных (А. Н. Вертячих, Кожевников, Бубнов и Домрачев) отказались от сокращения срока по этому манифесту: последние трое мотивировали отказ тем, что применение манифеста обусловлено добрым поведением отбывающего наказание ².

Возраст ссыльных. По возрасту, в котором политические ссыльные были подвергнуты ссылке, они распределяются следующим образом. Из 391 чел., о коих имеются в этом отношении определенные сведения, были в возрасте:

Возраст (лета)	Абс.	%	В т. ч. женщин
Моложе 18	3	0,8	—
18 — 20	27	7,1	2
21 — 23	70	18,6	6
24 — 25	60	15,9	10
26 — 30	118	31,2	10
31 — 35	42	11,1	6
36 — 40	27	7,1	1
41 — 50	24	6,3	2
51 — 60	3	0,8	1
Свыше 60	4	1,1	—
Итого	378	100	38

¹ См. дело к. в. г. 1905 г. №№ 1—158.

² Д. к. в. г. 1900 г. № 173.

Таким образом, громадное большинство ссыльных в момент высылки их в Вятский край находились в возрасте 21—30 лет; среди них преобладали лица, имевшие возраст от 26 до 30 лет.

Социальный состав ссыльных. Ведомости губернатора не дают возможности составить точное представление о социальном составе ссыльных в этот—третий—период вятской ссылки, так как относительно лиц, занимавших до ссылки какие-либо должности или учившихся в высших учебных заведениях, не всегда указывалось их происхождение. Но некоторое представление составить все-таки вполне возможно.

Из 321 чел., сосланных в Вятский край в 1897—1905 гг., насчитывалось:

Сословие	Абс.	%	
Мещан	136	42,3	в т. ч. женщ. 11
Крестьян	100	31,0	" " " " 1
Казаков	4	1,2	" " " " 1
Дворян	29	9,2	" " " " 10
Детей духов. составаен	7	2,2	" " " " 4
Чин-вников	14	4,4	" " " " 5
Военных	7	2,2	" " " " 4
Купцов	4	1,2	" " " " 1
Пог. поч. граждан	20	6,3	" " " " 3
Итого	321	100	40
Кроме того, было студентов	59		в т. ч. женщ. —
Должностных лиц	39		" " " " 9
Итого	98		9
Не имеется сведений о социальном происх. или занят.	3		" " " " 2

Из приведенной первой группы цифр легко усмотреть, что в данный период ссылки количественно преобладают представители непривилегированных сословий (мещан и крестьян), составлявших до 75% общего количества ссыльных. Нетрудно догадаться, что это были рабочие различных фабрик, по преимуществу крупных. Кроме того, известное количество крестьян и в особенности мещан значилось и в группе б. студентов и должностных лиц. Словом, в данный период вятская политическая ссылка дает вполне определенное преобладание мещан и крестьян в общей массе политических ссыльных. Из приведенных же цифровых данных видно, что женщин из мещан и рабочих в вятской политической ссылке было сравнительно немного, всего 32% общего количества из ссыльных женщин за этот период.

Причины ссылки в Вятский край в ведомостях губернатора, а равно и в делах указываются в довольно общих выражениях, но мы воспользуемся ими, так как они все-таки дают некоторое представление по этому вопросу. Приводя данные, мы разобьем ссыльных на 2 группы: 1) ссыльные из мещан, крестьян и казаков, 2) ссыльные из остальных сословий (дворян,

духовенства, купечества, чиновников), а также из лиц интеллигентных профессий и учащихся в высших учебных заведениях. Получим следующую таблицу.

Причины ссылки	Кол. ссыльн. В т. ч. женщ.			
	I гр.	II гр.	I гр.	II гр.
1. Политическое преступление, полит. неблагонадежность . . .	106	122	2	27
2. Хранение или распространение революц. литературы	10	6	2	1
3. Провоз литературы из-за границы	—	1	—	—
4. Провоз эмигрантов через границу	3	—	—	—
5. Пропаганда на фабриках и заводах	20	11	2	2
6. Подстрекательство или принуждение к забастовкам на фабриках	33	3	—	—
7. Участие в беспорядках	20	7	1	1
8. Подстрекательство к неплатежу податей	13	—	—	—
9. Устройство тайной типографии; устройство вечеринок	—	2	—	—
10. Принадлежность к революционным организациям	27	21	1	5
11. Причины неизвестны (или не указаны)	5	11	3	4
Итого	237	190	11	40

Из революционных организаций в ведомостях губернатора указываются следующие: союзный совет объединенных землячеств (1897), тайный рабочий кружок (1897), союз рабочих в Сморгони (1898), пермский социалистический кружок (1902), Киевский комитет РСДРП (1902), Киевский социал-демократический кружок (1902), союз борьбы за освобождение рабочего класса (1902), комитет рабочей организации (1902), социал-демократическая партия среди тамбовских рабочих (1902), партия политического освобождения России (1902), литовская противоправительственная партия (1902—1903) и Северный союз рабочих РСДП.

Размещение политических ссыльных в пределах губернии зависело всецело от усмотрения губернатора. Об этом праве министр внутренних дел писал губернатору еще при извещении его о состоявшемся «высочайшем повелении» 9 января 1897 года. По мнению министра, губернатор должен был руководиться при этом наличностью достаточного полицейского надзора за ссыльными, возможностью предупредить вредное влияние ссыльных на местное население, в особенности на учащуюся молодежь, и предупреждать побег из места ссылки. С своей стороны, министр рекомендовал губернатору водворять ссыльных вдали от

железных дорог и средних учебных заведений. Так как в момент получения министерского отношения Вятский край еще не имел железных дорог (впрочем, уже строилась Пермь-Котласская железная дорога, по которой через 2½ года было открыто и движение), то вся Вятская губерния в этом отношении еще представляла полное удобство для размещения ссыльных; что же касается второго препятствия к водворению ссыльных — наличности средних учебных заведений, то в этом отношении менее всего удобна была Вятка, имевшая 5 средних учебных заведений. Были еще средние учебные заведения в Сарапуле и Елабуге, но эти города считались неудобными по другим соображениям (как находившиеся на пути большого пароходного движения). Что касается Вятки, то почему-то она не была все-таки исключена губернатором из ссыльной территории, хотя при первоначальном распределении ссыльных губернатор прибегал к ней не так часто и помещал в ней по преимуществу женщин. В общем картина первоначального размещения ссыльных по уездам Вятской губернии за весь рассматриваемый период такова:

Уезды	Г о д ы										Итого	В т. ч. женщин
	1897	1898	1899	1900	1901	1902	1903	1904	1905			
Вятский	3	4	4	2	6	10	10	3	3	45	14	
Глазовский	15	10	16	2	3	4	4	1	1	56	2	
Елабужский	—	—	—	1	—	—	1	—	—	2	—	
Котельнический	9	9	13	5	—	8	5	1	1	51	2	
Малмыжский	6	7	10	4	2	2	6	2	1	40	2	
Нолинский	3	13	9	4	1	4	4	—	4	42	6	
Орловский	13	13	4	4	1	2	7	—	—	44	5	
Сарапульский	2	2	—	5	2	—	—	—	—	11	1	
Слободской	12	11	13	1	3	1	5	—	1	47	8	
Уржумский	7	14	12	2	2	3	5	1	2	48	7	
Яранский	4	5	17	2	—	7	4	—	2	41	4	
Итого	74	88	98	32	20	41	51	8	15	427	51	

Из приведенной таблицы мы видим, что ссыльные губернатором чаще отправлялись в северные уезды губернии: Глазовский, Котельнический, Слободской. В пределах уездов ссыльные размещались частью в городах, частью в селах и иные в деревнях. В виду увеличения количества ссыльных теперь увеличивается число и ссыльных пунктов. В означенный период ссыльными пунктами являлись, помимо уездных городов, следующие селения:

- В Вятском с. Просницкое, Талицкий завод (в 5 вер. от Вятки).
- „ Глазовском с. Афанасьевское, Зюздинское (Христорожественское), Ежово, Юски, Укан, Святогорье, Юкаменское, Порез, Кулиги, Уни и д. Бисеровская.
- „ Котельническом с. Даровское, Вонданское, Арбаж, Круглаш, дер. Парышевская, Казаковская волость, а также починок Шубенской волости.

- В Малмыжском с. Вятские Поляны.
- „ Нолинском с. Богородское.
- „ Орловском с. Слудка, Верхошижемское, Средне-Ивкинское. Белозерское, Боровицкое.
- „ Сарапульском с. Тыловой, Большая Пурга, Воткинский зав.
- „ Слободском с. Кай, Лоино, Нагорское, Мушно, Полом, Коса.
- „ Уржумском с. Буйское, Юледур, Кичма и д. Турек.
- „ Яранском г. Царевосанчурск, слобода Кукарка и с. Сметанино.

Назначенное ссыльному место жительства не оставалось неизменным на все время его ссылки: губернатор нередко переводил ссыльного в другое место, если исправник доносил ему, что в данном месте ссыльный начинает пользоваться влиянием на население или даже на местный кружок ссыльных. Перевод иногда делался и в наказание ссыльного за тот или иной проступок. В этом последнем случае ссыльный переводился из города в какое-нибудь глухое село. Так, Держинский и Якшин из г. Нолинска были переведены в глухое село Кай за то, что Нолинская колония ссыльных оказала материальную помощь проходившей по Нолинску партии политссыльных¹. В 1900 г. за демонстрацию на похоронах ссыльной Дьяконовой из Нолинска были высланы 5 политических поднадзорных в глухие села (Ежово Глазовского у., Даровское и Вонданское Котельничского у., Белозерское и Боровицкое Орловского у.)². За первомайскую демонстрацию из Малмыжа в 1902 г. были высланы 3 чел. ссыльных также в глухие села (Слудку Орловского у., Селты Малмыжского у. и Бисеровские починки Глазовского у.)³. Одного ссыльного (Величкина) губернатор перевел из Малмыжа в Нолинск для того, чтобы устранить его от посещения Малмыжского земского собрания, на котором ожидалось разоблачения злоупотреблений администрации в продовольственной кампании голодного 1899 года⁴.

Иногда ссыльные и сами ходатайствовали о переводе их в другой город, особенно в Вятку, где они надеялись найти заработок, или где им было удобнее лечить свое расшатанное здоровье. Но просьбы эти очень часто были отклоняемы губернатором, особенно в первую половину жизни ссыльного в Вятской губернии. Лишь пред окончанием ссылки того или иного лица отношение губернатора к просьбам о переводе в Вятку делалось более благосклонным, и некоторые просьбы удовлетворялись. Так, в 1899 г. Потресову было разрешено из Орлова перейти в Вятку за полгода до окончания ссылки⁵, в 1901 г. из г. Слободского переведен в Вятку П. И. Стучка⁶.

¹ «Жизнь» 1902 г. № 6, стр. 140.

² Д. к. в. г. 1898 г. № 135.

³ Д. к. в. г. 1902 г. № 194.

⁴ «Жизнь» 1902 г. № 6, стр. 142.

⁵ Д. к. в. г. 1898 г. № 47.

⁶ Д. к. в. г. 1899 г. № 174.

К переводу ссыльных по их просьбе из Вятской губ. в другие губернии департамент полиции относился большей частью отрицательно. Так, П. И. Стучка получил отказ в переводе из Вятки в южную губернию. В данном случае департамент полиции прикрылся заключением местного слободского врача, который не признал климатические условия г. Слободского вредными для здоровья просителя¹. Иначе поступило министерство внутренних дел в 1900 г. со ссыльным Радиным, которому врачи в виду развивавшейся в нем болезни (туберкулеза) настоятельно советовали немедленно переехать в Ялту. За полгода до срока окончания ссылки Радин подал с приложением необходимого медицинского свидетельства прошение в министерство внутренних дел о разрешении ему переехать в Ялту. Ответ он получил через полгода и всего лишь за 8 дней до смерти, причем министр писал, что в виду окончания им срока ссылки министерство ничего не имеет против его переезда в Ялту². Это было просто издевательство над умирающим.

Материальное положение ссыльных

Те многочисленные ограничения в выборе занятий ссыльными, которые были внесены в положение о полицейском надзоре 1882 г. и затем дополнены последующими циркулярными распоряжениями министерства внутренних дел или губернской администрации и о которых было упомянуто выше (в главе II), продолжали оставаться в качестве руководящих правил и после 1897 г. Администрация особенно боялась разрешить занятия, вызывающие соприкосновение ссыльных с населением. Высланный в 1902 г. за социал-демократическую пропаганду среди брянских рабочих К. М. Остров подал губернатору заявление о разрешении ему занять место уездного статистика при Слободской уездной земской управе. Представляя это ходатайство в министерство, вятский губернатор со своей стороны доложил, что удовлетворение этого ходатайства он считает крайне нежелательным в виду того, что должность, которую намерен занять Остров, сопряжена с разъездами, чрез посредство которых Остров легко может воспользоваться для распространения в народе вредных идей³.

По тем же, очевидно, соображениям вятский губернатор не разрешил медицинскую практику среди населения врачу Ситникову. Последний тогда обратился в министерство внутренних дел, которое удовлетворило его просьбу. Но губернатор, передавая ему разрешение министерства, при личном разговоре снова запретил ему практику. На замечание Ситникова о том,

¹ Д. к. в. г. 1899 г. № 174.

² «Жизнь» 1902 г. № 6, стр. 143 — 144.

³ Дело вятского полицеймейстера 1902 г.

что в виду разрешения министерства губернатор не имеет права запрещать практику, губернатор ответил вопросом: «вы желаете спорить со мной о моих правах или просить меня о разрешении вам права практики»? Ситников предпочел просить о разрешении и опять получил отказ¹. В 1898 г. высланный в г. Орлов Гурвич, имевший диплом лекаря, возбудил ходатайство о разрешении ему врачебной практики. Департамент полиции отклонил это ходатайство «по преждевременности». По прошествии года Гурвич вновь возбудил ходатайство о разрешении практики; на этот раз департамент полиции передал ходатайство на усмотрение губернатора, и последний разрешил².

Для политических ссыльных, нуждавшихся в заработке, в то время большие возможности открывались в земских учреждениях Вятского края. Ведя обширные работы по сооружению разного рода зданий (больниц и пр.), ремонту дорог, они нуждались в квалифицированных работниках (техниках, чертежниках, врачах, ветеринарах). К ссыльным они относились благожелательно и охотно обращались к их услугам.

20 февраля 1900 г. проживавший в Орлове В. В. Воровский обратился к губернатору с просьбой о разрешении ему взять по вольному найму работу по черчению и проектированию для Орловской земской управы. Через два месяца губернатор ответил, что эта просьба будет рассмотрена по получении представления о том от губернской земской управы; последняя поддержала это ходатайство. Тогда губернатор представил просьбу в министерство, которое разрешило Воровскому выполнять предлагаемую губернской земской управой работу, но без права выезда из города. Та же управа 8 июня 1900 г. возбудила ходатайство пред вятским губернатором о разрешении пригласить Воровского на 3 месяца для надзора за земскими постройками в Вятке, а проживавшего в ссылке в Слободском инженера Вашкова — для составления технических смет, проектов и чертежей. Согласие было дано, но Воровский, повидимому, не воспользовался этим разрешением и продолжал жить в Орлове, где город поручил ему наблюдение за постройкой женской гимназии³. В 1899 г. Уржумская земская управа обратилась к губернатору с просьбой разрешить поднадзорному Андрееву, бывшему студенту Академии Художеств, наблюдать за постройкой здания уездной земской управы, а в 1900 г. наблюдать за постройкой мостов в городе. В том и другом случае губернатор дал разрешение. Но когда та же управа в 1901 г. просила губернатора разрешить Андрееву наблюдать за постройкой мостов в с. Сернуре или Шурме Уржумского у., то губернатор отказал, опасаясь, очевидно, сношений Андреева с местным населением вне надзора уржумской по-

¹ «Жизнь» 1902 г. № 6, стр. 141.

² Д. к. в. г. 1898 г. № 39.

³ Д. к. в. г. 1899 г. № 57.

лиции¹. Повидимому, по тем же опасениям связей с местным населением вятский губернатор в 1903 г. не допустил ссыльного горного инженера А. Н. Рябинина к временным работам в нолинском земстве по разведке полезных ископаемых².

Некоторые из ссыльных иногда доставали себе работу в статистическом отделении вятского губернского земства.

В 1900 г. вятский жандармский полковник, давая характеристику Гурьева, заведующего статистическим отделением Вятской губернской земской управы, писал между прочим, что через него «имели заработок ссыльные, не только проживающие в г. Вятке, но и в уездных городах, как-то: в Слободском, Глазове, Орлове и Котельнице»³.

Иногда ссыльным оказывали содействие в прискании занятий представители местной торгово-промышленной буржуазии. Так, в феврале 1900 г. владелец винокуренного завода в Малмыжском уезде П. И. Александров, известный своим либеральным настроением, просил вятского губернатора разрешить политическому ссыльному М. Е. Березину заниматься в его заводской конторе (в Саваялах) «по переписке деловых бумаг и отчетности по разным сельскохозяйственным мероприятиям, где необходимо,—как писал он,—более интеллигентный труд и применение математики, как, напр., при сводке отчетности по метеорологическим наблюдениям». Губернатор разрешил эти занятия с тем условием, чтобы Березин не имел сношений с рабочими⁴.

Педагогическая деятельность, как общее правило, была воспрещена ссыльным. Лишь в 1898 г. проживавшему в Нолинске Никитину было разрешено давать уроки жене председателя Нолинской земской управы⁵; в 1902 г., по просьбе жены орловского агронома Караваява, губернатор разрешает ссыльному Попову заниматься в течение 1½ месяца с ее сыном для подготовки его к поступлению в среднее учебное заведение⁶. Интересна переписка губернатора с орловским исправником по поводу политссыльной К. Приходьковой. В июле 1901 г. этот исправник составил акт о том, что Приходькова репетирует детей у мещан г. Орлова (у троих человек), и препроводил этот акт городскому судье по 29 ст. Губернатор, сделав исправнику выговор за незнание им законов, указал, что за подобное нарушение политические ссыльные, согласно ст. 32 положения о полицейском надзоре, должны привлекаться к ответственности не в

¹ Д. к. в. г. 1898 г. № 247.

² Д. к. в. г. 1902 г. № 22.

³ «1905 г. в Вятской губернии». Автор цитируемой нами статьи (Новоселов), к сожалению, не указывает, в каком архивном фонде и каком деле находится секретная характеристика Гурьева, данная жандармским полковником.

⁴ Д. к. в. г. 1899 г. № 216/224.

⁵ Д. к. в. г. 1898 г. № 135.

⁶ Д. к. в. г. 1900 г. № 174.

общем судебном порядке, а по постановлению административных властей. Городской судья присудил Приходькову к 15 р. штрафа или к 4 дням ареста, но Приходьковой была подана апелляционная жалоба в Орловский уездный съезд, о чем появилась корреспонденция в пермской газете. 5 сентября съезд отменил приговор городского судьи. Исправник обратился к мерам административного воздействия: считая слабым то наказание, которому он мог подвергнуть Приходькову (3 дня ареста), он просил губернатора наложить более строгое взыскание, и губернатор назначил Приходьковой 7 дней ареста при полиции¹. В 1903 г. ссыльный Сверчевский в Малмыже давал уроки детям агронома Садырина, что производилось, повидимому, с разрешения исправника, но когда вступил в должность новый исправник, то подверг Сверчевского за эти занятия аресту на 3 суток при полиции и, кроме того, просил губернатора перевести Сверчевского в деревню².

В общем, очень немногим из политических ссыльных удавалось найти подходящее занятие, дававшее им какой-нибудь заработок; в особенности трудно было найти интеллигентный заработок в сельских местностях, почему проживавшие здесь политические ссыльные нередко возбуждали ходатайство о переводе их в город.

Что касается выдачи политическим ссыльным казенного пособия на содержание, то в целях урегулирования ее министерство внутренних дел в рассматриваемый период издало (от 30 декабря 1898 г. за № 10776) специальный руководственный циркуляр. В этом циркуляре на средства казны разрешалось относить следующие издержки: 1) содержание лиц, отданных под надзор полиции по высочайшему повелению и в порядке п. п. 33—36 прил. I к ст. 1 (примечание 2 уст. о предупр. и пресеч. преступлений, т. XIV, изд. 1890 г.); 2) суточные (не свыше 15 к.) лицам, принадлежащим к высшим состояниям, и в размере арестантской дачи (18 р. в год) лицам низших состояний; 3) квартирные не свыше 1 р. 50 к. в месяц — лицам только привилегированных состояний; 4) заготовление одежды, обуви и плату за лечение для всех поднадзорных; 5) перевозку и содержание в пути лиц, как высылаемых под надзор, так равно и привлекаемых к дознаниям по обвинению в государственных преступлениях. Далее в циркуляре министерство предлагало губернаторам при рассмотрении ходатайств поднадзорных о выдаче содержания входить в самую тщательную и строгую оценку материального положения поднадзорных и ни в коем случае не представлять министерству ходатайства лиц: а) добровольно избравших место водворения, б) имеющих собственные средства или пользующихся достаточной помощью сторонних лиц, в) имеющих заработок, а

¹ Д. к. в. г. 1898 г. № 240.

² Д. к. в. г. 1902 г. № 82.

равно и не желающих добывать средства к жизни трудом при полной к тому возможности по состоянию здоровья и по местным условиям для приискания занятий. О назначении пособий губернаторы должны представлять в министерство по третям года, с приложением требовательных ведомостей.

Наконец в циркуляре разъяснялось, что пособия на одежду и обувь могут назначаться только тем из поднадзорных, кои пользуются пособием на содержание, и притом лишь в мере действительной потребности в вещах и не ранее установленных сроков. Если при наступлении срока вещь оказывается годной к носке, то заменяется новой не прежде, как придет в негодность. Плата за лечение производится министерством по требованию казенных и общественных лечебниц. Пособие на перевозку и содержание в пути назначается губернатором, при безотлагательной необходимости производства сих расходов¹.

В 1899 г. циркуляром от 24 апреля за № 4456 вятский губернатор требовал от исправников, чтобы они вместе с прошенными поднадзорных о пособиях представляли необходимые сведения о материальном положении их. Но так как это требование почти совсем не исполнялось (вероятно, в виду трудности добывать эти сведения), то циркуляром от 11 ноября 1903 г. вятский губернатор вновь требует от исправников доставления сведений о лицах, нуждающихся в пособиях на содержание и одежду, причем ставит им целый ряд вопросов, имеющих в виду установить нуждаемость в пособиях².

Размер пособия на содержание политических ссыльных оставался прежним: 4 р. 50 к. привилегированным и 1 р. 50 к. непривилегированным; иногда происходила лишь переписка по поводу отнесения лица к той или иной категории. Так, П. И. Стучка, значившийся в ведомостях канцелярии вятского губернатора сыном крестьянина, окончившим университет, получил пособие, как привилегированный (по образованию), но когда за таким пособием обратилась его жена, то ей ответили, что она, как жена крестьянина, не может иметь права на это пособие. Со стороны Стучки потребовались особые юридические разъяснения по вопросу о разделении ссыльных на категории³.

Все ли ссыльные были обеспечены пособием? Конечно, нет. Об этом можно судить хотя бы по следующим данным. На

¹ Циркуляры о поднадзорных в вятском архиве, лист № 13.

² Вопросы эти следующие: на какие средства существует поднадзорный в данное время; не получает ли он от кого-либо через местную почтовую контору или в месте водворения денежного вспомоществования; может ли он в месте жительства иметь заработок, на который мог бы существовать без назначения ему от казны пособия; не заключает ли в себе ходатайство поднадзорного о пособии желание приобретать средства к существованию личным трудом, при полной к тому возможности, или же назначение пособия действительно необходимо. — В ведомости об одежных вещах нужно было показывать только те вещи, в которых поднадзорный имеет действительную надобность (циркуляры о поднадзорных, л. 26).

³ Д. к. в. г. 1899 г. № 174.

1901 г. министерством внутренних дел было отпущено на Вятскую губернию на выдачу пособий политическим ссыльным 4 557 р. 20 к. Из этой суммы предположено было выдать в размере 6 р. в месяц 45 чел. и в размере арестантской дачи (т. е. 18 р. в год) — 51 чел., всего 96 ссыльным¹. Это количество составляло приблизительно половину всего числа ссыльных, находившихся в то время в Вятском крае.

Среди лиц, не получавших пособия, конечно, были такие, которые весьма нуждались. На помощь им приходили по возможности и сами ссыльные, уделяя в пользу товарищей часть своих собственных средств. Так в 1898 г. глазовский исправник в ведомостях о политических ссыльных отмечал, что ссыльный Чешихин, «повидимому, имеет достаточные средства к жизни, если помогает другим ссыльным, как, например, Маевской»². Тот же глазовский исправник в 1904 г. писал про другого ссыльного, В. С. Бубнова (б. студента С.-Петербургского технологического института), что он весь свой заработок отдавал ссыльным, а сам жил на средства отца³.

Пособие на одежду и обувь выдавалось ссыльным не в виде какой-либо определенной субсидии, а в зависимости от достаточной наличности у ссыльного одежды, как это предписывалось министерством внутренних дел. Вот, например, какие вещи были выданы ссыльному Якшину, переведенному в Кай вместе с Ф. Э. Дзержинским:

1 шапка с холщевой подкладкой	1 р. 05 к.
2 рубахи	1 „ 84 „
2 портов	1 „ 20 „
Портянки (2 арш. холста)	— „ 14 „
Сапоги	4 „ — „
Итого	8 р. 23 к. ⁴

Орловскому ссыльному Попову (кандидату С.-Петербургского университета) было выдано в 1902 г.:

Шапка на сумму	1 р. 63 к.
Рукавицы кожаные	— „ 40 „
Варежки шерстяные	— „ 20 „
2 рубахи	1 „ 68 „
2 портов	1 „ 10 „
Брюки-шаровары фабр. сукна	2 „ 20 „
Баранья шуба	6 „ — „
Армяк фабр. сукна сверх шубы	6 „ 50 „
Пояс из того же сукна	— „ 28 „
Сапоги	4 „ 50 „
Онучи суконные сермяжные	1 „ 20 „
Итого	25 р. 69 к. ⁵

¹ Д. к. в. г. 1900 г. № 156.

² Ведомость о политических ссыльных за 1898 г.

³ Ведомость о политических ссыльных за 1904 г.

⁴ Д. к. в. г. 1898 г. № 232.

⁵ Д. к. в. г. 1900 г. № 174.

Пособия на одежду и обувь губернской администрацией выдавались далеко не всем нуждающимся в них. Отказы губернской администрации побуждали иногда ссыльных апеллировать в министерство внутренних дел. В апреле 1904 г. политический ссыльный К. М. Остров подал министру внутренних дел прошение о назначении ему пособия на одежду и обувь в размере 75 р. В ответ на это прошение ему был прислан из Яранского уездного полицейского управления талон к ассигновке на сумму 5 руб. Возмущенный ничтожным размером суммы, Остров 14 августа возвратил этот талон министру внутренних дел при особом заявлении, где писал между прочим: «Так как подобный ничтожный размер ассигновки не может служить действительным пособием на вышеуказанные предметы (это само собой очевидно, ибо за 5 р. нельзя даже пары сапог приобрести), то очевидный смысл его — оскорбление и унижение нравственного достоинства ссыльного. Чтобы отклонить от себя подобное оскорбление, я считаю долгом отказаться от санкционированного г. министром внутренних дел пособия мне на одежду и обувь в размере 5 руб. и потому возвращаю при сем присланный мне талон»¹.

Были ли в рассматриваемый период в Вятской губернии какие-либо организации помощи политическим ссыльным? Да, были. Революционной группой еще не размежевавшихся социал-демократов и народников (подробнее о ней — в гл. VI) было организовано отделение политического Красного креста для помощи ссыльным и заключенным. Местная интеллигенция охотно давала деньги. Одним из источников средств являлись традиционные студенческие вечера, устроители которых отчисляли от выручки иногда солидные куши². В некоторых уездных городах существовали столовые; так, например, нолинский исправник в годовой ведомости о ссыльных писал, что поднадзорные собираются для обеда у политического ссыльного И. М. Дурнева³. По сообщениям слободского исправника, ссыльный поляк Васильевский содержал столовую для политических ссыльных⁴, но внутренняя организация столовых для полиции оставалась недоступной.

Надзор за ссыльными

Начав вновь усиленную высылку в Вятскую губернию, министерство внутренних дел не отпустило никаких средств на усиление надзора за ссыльными. 20 марта 1897 г. вятский губер-

¹ Д. к. в. г. 1904 г. № 41.

² «1905 г. в Вятской губернии», стр. 148.

³ Дурнев, бывший студент, выслан в Вятскую губ. в 1900 г. на 4 года.

⁴ Д. к. в. г. 1900 г. № 186. Васильевский, по происхождению крестьянин, был сослан в Вятскую губ. в 1899 г. на 4 г. «за государственное преступление».

натор просил министерство внутренних дел отпустить кредит на наем 12 полицейских служителей специально для надзора за ссыльными (двух для города Вятки и по одному для уездных городов).

Не получая ответа от департамента полиции, он несколько уменьшает запрос: 30 декабря 1897 г. просит средств на наем полицейских служителей лишь в двух городах, Котельниче и Яранске, в коих проживает уже по 5 ссыльных. Через 4 месяца, 31 марта 1898 г., к этим двум городам добавляет еще пять: Нолинск, Уржум, Малмыж, Слободской и Орлов, так как и в этих городах число политических ссыльных уже превысило норму, установленную правительством, т. е. было в каждом городе более 5 человек, и, наконец, через полмесяца (от 18 апреля) добавляет еще город Глазов, но ответа от департамента попрежнему не было. 7 января 1899 г. губернатор повторяет свою просьбу об открытии кредита на наем полицейских служителей для 8 указанных ранее городов. И только лишь 22 февраля 1899 г. департамент полиции открыл просимый кредит в сумме 1920 руб. и при этом сообщил, что до сих пор деньги не отпускались за полным истощением кредита.

Получив кредит, губернатор предложил уездным исправникам избрать подходящих кандидатов на должности полицейских служителей, причем разъяснял, что «лицо, назначенное для наблюдения за поднадзорными, не должно быть известно последним: вся его деятельность ограничивается наблюдением и докладами о результатах лично исправнику. Поэтому наблюдатель отнюдь не должен носить полицейской формы, не имеет права официального входа в квартиры поднадзорных, не может вступать в какие-бы то ни было официальные сношения с ними. Относительно способов наблюдения и доставления сведений ближайшие указания должны дать исправники»¹.

12 января 1900 г. губернатор просил открыть кредит на 10 полицейских служителей. По расчету (1 полицейский служитель на 5 поднадзорных) в Вятской губернии следовало бы нанять, по словам губернатора, 29 полицейских служителей, так как число поднадзорных в губернии достигло уже цифры 171, но такой усиленный надзор не вызывается необходимою; существующее же число надзирателей недостаточно, в виду малочисленности местной полиции, тем более, что в последнее время бывали случаи побега поднадзорных.

В 1903 г. правительством, как известно, были чрезвычайно усилены штаты общей полиции по всей империи; увеличено чис-

¹ Д. к. в. т. 1897 г. № 79. Нолинский исправник хотел было назначить на должность полицейского служителя дворянина И. К. Бартошевицкого, высланного в 1869 г. по польскому мятежу и освобожденного от надзора 6 ноября 1871 г. Хотя исправник писал, что Бартошевицкий человек надежный и дело надзора можно вполне поручить ему, но губернатор отклонил эту кандидатуру.

ло урядников, и, кроме того, введен институт стражников. Новым законом на Вятскую губернию было назначено по штату 310 урядников, 817 конных стражников и 738 лепих, а всего 1865 низших полицейских агентов, которые и составили так называемую полицейскую стражу¹. Хотя стражники по закону назначались для охраны благочиния, общего спокойствия и порядка, но местная администрация, естественно, стала пользоваться ими и для надзора за ссыльными.

Вятским губернским правлением для стражников на казенный счет были изготовлены особые книжки для регистрации наблюдений, где были предусмотрены 14 отделов. В отделе первом было напечатано: «Преступники и поднадзорные». Под этим последним термином значились и политические ссыльные.

Кроме того, вятская администрация в этот период решила подчинить политических ссыльных более строгим распоряжениям в отношении передвижения на местах ссылки. Была установлена черта оседлости, за которую не должны были переступать поднадзорные, проживающие в городах. Для Вятки эта черта оседлости проходила с восточной стороны по берегу р. Вятки, с южной по р. Хлыновке, с запада по ул. Гласисной (ныне Октябрьской) и с северной по р. Луковице. Таким образом, вокзал Пермь-Котласской железной дороги, построенной в 1899 г., оказывался уже вне этой черты, и, следовательно, посещение его было запрещено. В уездных городах черта оседлости проходила в расстоянии 1—3 верст от города². За переход объявленной черты провинившегося ожидала высылка из города в деревню.

Из назначенного места жительства политические ссыльные могли отлучаться лишь с разрешения губернатора (в пределах губернии) или департамента полиции (за пределы губернии). Но разрешения эти давались неохотно: из 12 ходатайств В. В. Воровского о разрешении отлучек были отклонены 4. Между прочим, департамент полиции не разрешил Воровскому поездку в С.-Петербург для свидания со старухой матерью, сославшись на то, что матери его не значилось на жительстве в С.-Петербурге. Но вскоре тому же департаменту пришлось разрешить Воровскому поездку в С.-Петербург уже на похороны матери³.

За отлучку без разрешения из назначенного местожительства политическому ссыльному грозило наказание по 63 ст. устава о наказаниях. По этой статье привлечен к ответственности Ф. Э. Дзержинский, выехавший из с. Кая за 11 верст для встречи политической ссыльной Николаевой⁴. А. И. Яшкин за поездку в Гидаево из Кая был приговорен земским начальником к штрафу в 50 коп. с заменой арестом на один день⁵. Ссыльный

¹ Третье Полное Собрание Законов, т. XXIII, № 22906.

² «Вятская политическая ссылка», Вятка 1925, стр. 18, 13.

³ Д. к. в. г. 1899 г. № 57.

⁴ Д. к. в. г. 1898 г. № 177.

⁵ Д. к. в. г. 1898 г. № 232.

Кожевников в 1901 г. за самовольную поездку из Орлова в Вятку (с целью проводить свою невесту) 20 октября был приговорен к аресту на 6 дней¹. Величкин за самовольную отлучку из с. Слудки до железнодорожной станции Юрья был присужден к штрафу в 10 руб. с заменой в случае несостоятельности заключением в тюремном замке². В Малмыже ссыльный В. А. Горбачев был предан суду за то, что без разрешения губернатора повез в Казань свою жену, укушенную бешеной собакой, но ссыльным, по свидетельству Величкина, удалось на следствии нарисовать столь яркую картину того, как самодурствует над ссыльными администрация при выдаче всякого рода разрешений, что прокурор не считал возможным поддерживать обвинение, несмотря на всю наличность совершенного преступления³.

Усиленная слежка за ссыльными, особенно во время их передвижений, настойчиво рекомендовалась в ту пору и министерством внутренних дел, чрезвычайно опасавшимся побегов ссыльных. Так, 9 октября 1901 г. министр внутренних дел «совершенно секретно» писал в циркуляре губернаторам, градоначальникам и оберполицеймейстерам: «Результаты розыскных мероприятий департамента полиции за последние годы свидетельствуют, что активной революционной деятельностью занимаются лица, скрывшиеся из мест водворения под гласный или особый надзор полиции. По большей части такие лица тайно переправляются за границу и, войдя в состав одной или нескольких из многочисленных заграничных революционных организаций, принимают на себя разного рода революционные поручения, для выполнения которых тем же тайным способом проникают в Россию и здесь вносят оживление в революционную деятельность кружков и нередко являются главнейшими организаторами подпольных типографий и вдохновителями объединенных организационных работ. Розыск таких лиц, являющихся сюда под вымышленными именами и с подложными паспортами, представляется крайне затруднительным и отнимает немало времени на выяснение их действительной самоличности»⁴.

Главную причину такого явления, по словам циркуляра, следует искать в недостаточном своевременном получении департаментом полиции сведений об исчезновении лица, состоящего под гласным или особым надзором полиции. Между обнаружением местными властями побега и сообщением о том департаменту полиции проходит обыкновенно довольно продолжительный промежуток времени, посвящаемый на розыски скрывшихся местными средствами, причем иногда этот промежуток продолжается до 9 месяцев; главным образом это относится до лиц,

¹ Д. к. в. г. 1900 г. № 143.

² Д. к. в. г. 1898 г. № 176.

³ «Жизнь» 1902 г. № 6, стр. 143.

⁴ Д. к. в. г. 1898 г. № 176.

привлеченных к дознаниям политического характера и освобожденных из-под стражи под особый надзор полиции, об исчезновении которых из места их водворения департамент полиции нередко узнает только тогда, когда по окончании производящегося о них дознания приходится объявлять о наложении на них, в силу состоявшегося высочайшего повеления, административного наказания.

«В виду изложенного, — пишет товарищ министра внутренних дел князь Святополк-Мирский, — прошу вас, м. г., подтвердить подведомственным вам чинам полиции, чтобы они особенно внимательно следили за передвижениями лиц, состоящих под гласным или особым надзором полиции по дознаниям политического характера, и о бесследном исчезновении таких лиц доводили немедленно до вашего сведения, принимая, конечно, и с своей стороны подлежащие меры к их розыску. Вас же, м. г., прошу, не позднее 3 дней после обнаружения побега, сообщать о том департаменту полиции, который с своей стороны не замедлит принять меры к розыску скрывшихся, а главным образом получит возможность иметь их всех на учете».

Под воздействием внушений сверху вятская администрация, разумеется, усиливала слежку за политическими ссыльными с целью предупредить побег их, но в своем усердии не по разуму иногда усматривала покушение на побег там, где его не было, поднимала тревогу и возбуждала большую канцелярскую переписку с полицией как Вятской, так и соседних губерний. Два характерные в этом отношении случая можно привести из истории политической ссылки за этот период.

Политический ссыльный Н. М. Величкин вскоре после перемещения его из г. Малмыжа в с. Слудку Орловского уезда летом 1902 г. вышел на прогулку возле села. Местный урядник, почему-то вообразив, что Величкин намеревается убежать, собрал до 12 крестьян и устроил форменную облаву на заподозренного. Величкина окружили и силой загнали в избу. Урядник отрицал свое участие в этом деле, но крестьяне подтвердили, что все это устроил урядник. Величкин немедленно послал жалобу губернатору с угрозой, что если не произведут расследования, то он обратится к прокурору судебной палаты. Губернатор поручил орловскому исправнику произвести следствие, но оно велось таким образом, что сама же полиция руководила приводом свидетелей, угрозами заставляла всех давать такие показания, какие хотела, и расследование действий урядника обратилось в следствие над самим же Величкиным¹.

Через несколько месяцев о том же Величкине было возбуждено второе подобное дело, еще более возмутительное, созданное двумя исправниками — малмыжским и орловским — при участии губернатора.

¹ «Жизнь» 1902 г. № 6, стр. 147.

8 сентября 1902 г. с разрешения губернатора Величкин выехал в г. Малмыж с тем, чтобы пробыть здесь 4 дня. В виду мелководия на р. Вятке он приехал в Малмыж лишь через 8 дней—16 сентября. 21 сентября он отсюда отправился опять на пароходе. Того же числа малмыжский исправник донес вятскому губернатору, что Величкин на пароходе уехал вниз по р. Вятке в Харьков. Получив такое донесение, губернатор послал запрос орловскому исправнику, вернулся ли Величкин из разрешенной ему поездки, и когда исправник 30 сентября сообщил, что еще не вернулся, то губернатор начал формальный розыск бегжавшего, послав соответствующее циркулярное извещение о бегстве губернаторам 4 соседних губерний (Пермской, Уфимской, Костромской и Вологодской), а также Московской и Тульской, в которых Величкин проживал до ссылки, а исправник в свою очередь разослал соответствующие циркулярные извещения всем уездным исправникам Вятской губ. и николюскому Вологодской губ., а также вятскому и казанскому полицеймейстерам. В то время, как началась эта тревога, пароход, на котором Величкин возвращался в Орлов, более суток сидел на мели на перекате в 20 верстах от Котельнича. Сойдя с парохода в Котельниче 1 октября, Величкин на следующий день, 2 октября, уже на лошадях поехал в Орлов и остановился в квартире политического ссыльного К. А. Попова¹.

Хотя явка Величкина к месту жительства с очевидностью свидетельствовала, что никакого побега в данном случае не было, однако полиция продолжала настаивать на созданной ею версии побега. Исправник поручил своему помощнику произвести обыск как у Величкина, так и у Попова, а Величкину, пришедшему в полицейское управление, объявил, что арестует его и отправит в Слудку с полицейским надзирателем, в виду объявленного губернатором розыска. Когда Величкин указал на то, что он находится на пути из Малмыжа в Слудку и что у исправника нет никаких данных утверждать, что им (Величкиным) сделаны отклонения от маршрута, то исправник ответил: «но у меня нет данных и за то, что такие отклонения не сделаны вами; если вы нарушили маршрут, то меня могут спросить в губернии, почему я вас не задержал, а я почему знаю, вы, может быть, еще хотите нарушить маршрут. Нет, уже лучше я вас задержу, а вы, если хотите, жалуйтесь на меня». Но жаловаться, по словам исправника, бесполезно, так как администрация все может сделать; ведь вот по закону в России пороть нельзя, а администрация воткинских стачечников выпорола. Или вот вы протестовали против своей высылки в деревню. Что же, получили вы какой ответ от губернатора? Да губернатор и не имеет привычки отвечать на такие протесты².

¹ Попов был в 1900 г. выслан в Вятскую губернию на 4 года за участие в Харьковском комитете РСДРП (д. к. в. г. 1900 г. № 174).

² «Жизнь» 1902 г. № 6, стр. 148.

Несмотря на постоянные опасения побегов и усердную слежку за ссыльными, вятской администрации не удалось предупредить побегов. В рассматриваемый период случаи побега вятских политических ссыльных были чаще, чем в предыдущий период: за 9-летний период (1897—1905) мы насчитали 22 таких случая. 1) 18 августа 1899 г. из Яранска скрылся В. М. Бальцевич. 2) Через 5 дней из Глазова бежал Радин Берк. 3) 28 августа из Кая скрылся Ф. Э. Дзержинский. Из Орлова бежали: 4) 15 октября, ветеринарный врач Н. Э. Бауман, 5) ровно через два месяца скрылась И. Г. Смидович (по мужу Леман). 6) Через 8 дней, 23 декабря, из г. Слободского скрылся Н. А. Андреев. 7) 24 мая 1900 г. из Глазова—Б. А. Быховер. 8) В мае по пути из Нолинска в с. Кайгородское скрылся ветеринарный врач Сушинский. 9) 6 октября из Котельнича—А. О. Помогальский, 10) 29 июля 1902 г. из Котельнича же—А. Э. Клабуковский. 11) 14 августа из Котельнича же М. Н. Горбачев. 12) 29 сентября оттуда же—А. Э. Рерих. 13) 30 сентября из Глазова—С. А. Кержнер; 14) 14 октября из с. Слудки Орловского уезда—Н. М. Величкин. 15) 27 ноября из Котельнича—В. К. Вольский. 16) 5 апреля 1904 г. из Котельнича скрылся А. Г. Зимионко. 17) 23 апреля 1904 г. из Яранска—А. П. Серебровский. 18) 19 марта 1905 г. из Вятки скрылся А. Г. Зимионко и на этот раз уже не был разыскан. Скрылись из Яранска мещане: 19) С. Стромберг и 20) А. Познанский. 21) Из Нолинска—мещанин Сидоренко и 22) 29 августа из Глазова—крестьянин А. А. Бойко. Некоторые из них были вновь арестованы и водворены на прежние места ссыльного жительства, как, напр., ветеринарный врач Сушинский, Н. А. Андреев, Н. М. Величкин, М. Н. Горбачев, С. А. Кержнер.

Впрочем, как ни значительно в рассматриваемый период бегство вятских политических ссыльных, оно все же уступает по своим размерам бегству соседних—вологодских—ссыльных. Из Вологодской губернии лишь за 9 месяцев 1905 г. бежало 32 политических ссыльных; в частности, из одной Вологды бежало 25 чел., из Устюга 3, из Кадникова 2, из Грязовца и Вельска по 1¹.

Но не одно только бегство ссыльных возбуждало опасения администрации. Теперь, когда в небольших уездных городах стало одновременно проживать свыше 10 политических ссыльных, обвинявшихся в прошлом в принадлежности к какой-либо революционной организации, вятская администрация еще более начала опасаться объединения их в кружки для распространения революционной пропаганды.

¹ Перечень бежавших из вятской ссылки составлен на основании годичных ведомостей вятского губернатора, представлявшихся в мин. внутр. дел. По Вологодской губ. данные приведены на основании разных отношений, присылавшихся вологодским губернатором вятскому (д. к. ш. г. 1905 г. № 5).

В борьбе с попытками ссыльных к этому объединению администрация довольно широко применяет средство, указанное еще в правилах полицейского надзора 1863 г., — это обыски. Любопытная история с обысками разыгралась в гор. Уржуме. В 1899 г. до губернатора (Клингенберга) дошло сведение о том, что в Уржумском уезде образовался кружок из политических ссыльных с привлечением посторонних лиц. Губернатор тотчас же (25 сентября) командировал в Уржум старшего чиновника особых поручений князя Гагарина с секретным поручением, о котором он считал даже неудобным писать в командировочном мандате. 28 сентября князь Гагарин прибыл в Уржум (200 верст от Вятки) около 3 часов дня и к 8½ час. вечера пригласил в квартиру исправника, станových приставов, полицейского надзирателя и помощника исправника и распределил между ними работу по производству одновременного обыска у всех ссыльных г. Уржума, а в 9½ часов вечера начались обыски, которым было подвергнуто 11 лиц. На другой день в 6 час. утра князь Гагарин послал губернатору зашифрованную телеграмму и одновременно особым рапортом донес, что при обысках в Уржуме оказались «запрещенные женеvские издания на французском языке, несколько русских сочинений без цензуры, письма, по которым видна связь с Нолинском и Орловом, у поднадзорного Брюханова найдена писанная карандашом на четверти листа бумаги статья крайне возмутительного содержания».

Губернатор по телеграфу дал распоряжение арестовать Брюханова. 3 октября уездный исправник отправляет губернатору полицейское расследование о П. П. Брюханове, «подозреваемом в прикосновенности к государственному преступлению».

4 октября губернатор по телеграфу отдает распоряжение отправить Брюханова под конвоем, но не по этапу, в распоряжение вятского исправника для дальнейшего отправления в Слободской уезд, а дознание о Брюханове по скорейшем окончании представить ему (губернатору).

Уже эта поспешность в распоряжениях губернатора показывает, что результатам обыска было придано чрезвычайное значение. Как видно из протоколов обыска, у Брюханова было отобрано 11 книг на русском языке и 5 на французском, несколько рукописей, в том числе записка о задачах революционной партии действия в России и два письма от политических ссыльных — Кудрявцева (из Нолинска) и Смидович (из Орлова) ¹.

В рукописи, представлявшей собой выписку из «Вестника Народной Воли», как объясняет сам Брюханов в своих воспоминаниях, излагалось мнение Маркса и Энгельса о том, что насущной задачей текущего момента в России должна явиться организация сил для борьбы с самодержавием.

¹ Д. к. в. г. 1899 г. № 314.

Автор письма из Нолинска, Кудрявцев, упоминал о своем довольно основательном знакомстве с Марксом. «Князем Гагариным, — пишет Брюханов в своих воспоминаниях, — было сформировано дело о существующем в пределах Вятской губ. обществе, поставившем своей целью борьбу с самодержавием».

Членами этого общества оказывались Маркс, Энгельс, Брюханов в Уржуме и Кудрявцев в Нолинске. Уржумскому исправнику было отдано распоряжение о розыске точного местонахождения Маркса и Энгельса¹.

Брюханову пришлось разъяснять и лично исправнику и затем в особом заявлении губернатору, что Маркс умер еще в 1883 г., а Энгельс в 1895 г., и, следовательно, они не могут быть членами открытого князем Гагариным противоправительственно-го общества в Вятской губернии².

Тем не менее губернатором 6 октября было предложено орловскому исправнику произвести обыск у ссыльной Инны Смилович (который и был произведен 10 октября), а нолинскому исправнику — усилить надзор за ссыльными и особенно за Кудрявцевым и в случае надобности производить у них обыски³.

В конце концов дело об образовании опасного для государства общества борьбы с самодержавием, при участии в нем Брюханова, Кудрявцева, Маркса и Энгельса, вятской администрации пришлось прекратить, а 25 октября 1899 г. губернатор даже вспомнил, что министерству внутренних дел еще в сентябре было разрешено Брюханову переехать в Симбирскую губ. (на родину), и предложил слободскому исправнику объявить Брюханову, что он может во всякое время воспользоваться этим разрешением, при условии следования туда безостановочно⁴, но Н. П. Брюханов уже не захотел воспользоваться этим разрешением и провел остаток своей ссылки в кайском захолустье, откуда незадолго до его приезда бежал Дзержинский.

Контроль переписки в описываемое время попрежнему является одним из способов надзора за ссыльными. Лишь только Вятская губерния вновь была объявлена местом политической ссылки, как министерство внутренних дел нашло необходимым преподать на места указания о том, как следует надзирать за перепиской политических ссыльных. В циркуляре от 5 июля 1897 г. министр внутренних дел (Горемыкин) писал «губернаторам, градоначальникам, оберполицеймейстерам и начальникам губернских и областных жандармских управлений: 1) при рассмотрении корреспонденции надлежит обращать внимание не только на содержание ее, но и на то, кто состоит в переписке с поднадзорными,

¹ Воспоминания Н. П. Брюханова о вятской ссылке помещены в журнале «Каторга и Ссылка» № 6 (55) за 1929 г.

² Д. к. в. г. 1899 г. № 328.

³ Д. к. в. г. 1899 г. № 394.

⁴ Д. к. в. г. 1899 г. № 314.

и если таковым является кто-либо из политических эмигрантов или лиц, разыскиваемых по обвинению в государственном преступлении, то такая корреспонденция безотносительно к ее содержанию подлежит безусловному задержанию и доставлению в департамент полиции; 2) просмотру подлежат не только телеграммы и письма, но и бандерольные отправления (книги, газеты и журналы), так как в них может быть вложена недозволенная переписка, а также посылки, которые могут заключать в себе запрещенные к обращению издания или рукописи и предметы преступного характера; 3) просмотр корреспонденции должен быть производим по возможности безотлагательно и, в случае отъезда из города лица, уполномоченного на просмотр таковой, во избежание задержки, может быть произведен помощником начальника жандармского управления или помощником уездного исправника по принадлежности; 4) при получении указания, что поднадзорный, корреспонденция коего подчинена просмотру, ведет таковую через третьих лиц (переписка коих не может быть подвергается контролю, если они не состоят под полицейским надзором), надлежит уведомлять департамент полиции и при наличии достаточных оснований производить у означенных лиц, в порядке ст. 29 Положения государственной охраны, обыски и выемки и о результатах также поставлять в известность департамент полиции; 5) о всяком случае задержания письма, бандерольного отправления или посылки надлежит объявлять поднадзорному, от имени которого или коему корреспонденция адресуется»¹.

Циркуляр этот по Вятской губернии применялся в полной мере к тем политическим ссыльным, которые администрации казались особенно подозрительными, но для этого требовалось особое распоряжение министерства внутренних дел, к которому вятский губернатор и обращался с особым представлением. Если министерство устанавливало контроль над корреспонденцией какого-либо ссыльного, то администрация вскрывала и прочитывала все письма, адресованные этому ссыльному. В рассматриваемый период по Вятской губернии такому контролю была подчинена корреспонденция Дзержинского и Якшина, а также Воровского. Причиной контроля корреспонденции Дзержинского и Якшина послужили «проявление ими крайней неблагонадежности и вредное влияние на других»². Воровский обратил на себя особое внимание местного уездного исправника тем, что он отправлял корреспонденцию за границу, в г. Краков³. В ведомости о ссыльных за 1900 г. глазовский исправник писал о необходимости установить контроль за корреспонденцией Чехихина (Ветринского),

¹ Циркуляры о поднадзорных (в Вятском историческом архиве).

² Д. к. в. г. 1898 г. № 77, приложение VII.

³ Д. к. в. г. 1899 г. № 57. Впрочем, вскоре Воровский был освобожден от контроля переписки: «с меня снят интсдикт, и я свободно получаю корреспонденцию», писал он А. Н. Потресову в конце 1899 года («Социал-демократическое движение в России», т. I, М. 1928 г., стр. 50).

указывая на то, что он имеет сношение с Петербургом через состоящую под негласным надзором Корепанову, но губернатор, повидимому, счел аргумент исправника недостаточным и не стал входить в министерство с рапортом по этому вопросу.

Вообще корреспонденция вятских ссыльных за этот период оставалась лишь под негласным наблюдением полиции¹, а так как представители вятской полиции по своей необразованности были не в курсе революционной жизни того времени и не обладали особенным чутьем, то политическим ссыльным удавалось посылать и получать корреспонденцию иногда очень сомнительного с полицейской точки зрения содержания. Так, например, А. Н. Потресов из С.-Петербурга получает все книжные новинки, в том числе и марксистские издания, а кроме того, и письменную информацию о происходящих там революционных течениях, в свою очередь держит связь с лицами, находящимися в ссылке в других местах, посылая письма и книги В. И. Ульянову (Ленину), проживавшему в енисейской ссылке, переписывается с Ю. Мартовым, сосланным в Туруханский край. Содержанием этой переписки служил не только обмен мнениями по поводу разных вопросов, обсуждавшихся в легальной социал-демократической печати, но и обсуждение вопросов об организации издания за границей ортодоксального марксистского органа (будущей «Искры») ². В. В. Воровский из орловской ссылки пересылает за границу в редакцию журнала «Жизнь» свое письмо, которое там и было вскоре напечатано ³. П. И. Стучка свои работы об аграрных отношениях в Прибалтийском крае и о политической свободе пересылает в г. Берн (в Швейцарии) для напечатания их в латышском марксистском журнале «Социал-демократ» ⁴.

Словом, в этот период вятские политические ссыльные, что называется, под носом вятской полиции производят оживленные сношения с революционным миром, и полиция была не в состоянии не только прекратить эти сношения, но даже установить их наличие, ограничиваясь лишь одной слежкой за внешней жизнью политических ссыльных.

¹ Конкордия Ивановна Захарова, высланная в Вятскую губ. с 1898 г., живя в Вятке, получала «огромную корреспонденцию», как доносил полицеймейстер губернатору, и за это была переведена в уездный город Орлов.

² Об этом свидетельствуют нам письма В. И. Ленина А. Н. Потресову из енисейской ссылки, сам А. Н. Потресов в своих примечаниях к этим письмам («Социал-демократическое движение в России», М. 1928 г.), Н. К. Крупская в статье «Искра» («Борьба классов», 1931 г., № 1) и Ю. Мартов («Записки социал-демократа», М. 1924 г., стр. 411).

³ См. письмо В. В. Воровского Потресову («Социал-демократическое движение в России», ст. 54, 355).

⁴ Энциклопедический словарь Русского библиографического института Гранат (приложение к 3—6 выпускам 41 тома: «Детали СССР и Октябрьской революции», стр. 128—129).

Несколько слов о быте политических ссыльных этого периода

Г. В. Плеханов зимой 1898 — 1899 г. писал А. Н. Потресову в вятскую ссылку: «Скучненько вам, должно быть, в ваших краях, но зато у вас, наверно, много свободного времени. Вы, конечно, теперь много читаете»¹. Эти слова, вероятно, могли быть применены к большинству из политических ссыльных этого периода. Вырванные из обычной, в этот период уже довольно бурной, жизни в университетских или фабричных центрах и сосредоточенные в захолустных городах и селах Вятской губернии, стесненные администрацией в принятии занятий, они обрекались до известной степени на обязательную праздность с ее спутниками — скукой и апатией. В декабре 1899 г. глазовский ссыльный (Г. И. Яринский) писал В. Е. Чешихину, уехавшему из Глазова по окончании трехлетней ссылки: «После вашего отъезда в жизни колонии вряд ли что особенно изменилось. То же состояние «не у дел», скуки и апатии»². Единственным утешением в этом случае для политических ссыльных служило сознание того, что ссыльное состояние продлится недолго — года 3—4, после чего опять наступит возможность учебной или практической революционной работы. Поэтому они старались использовать время своего подневольного состояния для подготовки себя к дальнейшей работе — читали литературу (главным образом имеющую отношение к революционному движению), поскольку удавалось достать ее в Вятской губ.,³ обсуждали прочитанное; иногда для этого устраивались собрания, как, например, это было в Уржуме, по воспоминаниям Г. Я. Франчески, жившего там в 1899 — 1902 гг., причем на этих собраниях обсуждались заранее распределенные между докладчиками рефераты. Франчески припоминает, что ему, например, пришлось делать доклад о теории Дарвина. Иногда темы докладов подсказывались вышедшими литературными новинками или дошедшими до ссыльных известиями о событиях революционного движения в России или за границей. В 1899 г. немало разговоров и обсуждений в вятской ссылке вызвало появление за границей книги Бернштейна «Предпосылки социализма и задачи социал-демократии».

Весной 1899 г. до вятской ссылки дошли сведения о том, что в Петербурге из-за границы появилась дама (Е. Д. Кускова), проповедующая в сущности полный отказ от марксизма и возвращение к прежней общепрогрессивной программе, а летом 1899 г. орловским ссыльным, по инициативе В. И. Ленина (проживавшего в ссылке в с. Шешунгском Енисейской губернии), ми-

¹ «Социал-демократическое движение», стр. 48.

² Копия этого письма сообщена мне дочерью покойного В. Е. Чешихина.

³ При обысках полиции нередко обнаруживались у ссыльных революционные издания — даже заграничные.

нусинскими ссыльными была прислана копия документа Кусковой, известного под именем «Credo»¹. Обсудив этот документ, орловская партия ссыльных (А. Н. Потресов, Ф. И. Гурвич, В. В. Воровский, К. И. Захарова, В. Г. и Е. П. Громан и др.) посылают за границу свой протест, в котором с непримиримостью отвергают бернштейнианство и сделанные из него автором «Credo» выводы в отношении России и призывают товарищей к сплочению во имя охраны теоретических ценностей и революционных традиций марксизма. Копия этого протеста орловскими ссыльными отправляется и в Минусинск².

Бернштейнианство обсуждается среди вятских ссыльных и в других городах. В упомянутом выше письме Чехихину автор пишет в декабре 1899 г.: «В духовной жизни было маленькое оживление. Бернштейнианство, конечно, не могло пройти бесследно и для наших марксистов, вызвав разговоры. Некоторые главы книги Бернштейна были переведены, сообщая прочитаны и даже вызвали довольно суровую критику в реферате Влад. Евг.³, где он главным образом разбирал теоретическую часть его учения. Об отступничестве Струве мы слышали, но это еще не есть упадок марксизма у нас; наоборот, это скорее говорит за его живучесть, так как всякая критика есть признак сознательного отношения к учению».

Некоторые из политических ссыльных во время невольного своего пребывания в Вятской губернии продолжали свои литературные работы. Так, А. Н. Потресов принимает участие в издании марксистского журнала «Начало» и пишет для него две статьи: 1) «О наследстве и наследниках» и 2) «Не в очередь»; та и другая статьи, впрочем, были задержаны цензурой. Они вышли в свет уже после первой революции в сборнике Потресова «Этюды о русской интеллигенции». В другом марксистском журнале, «Новое Слово», Потресов помещает статью «Артельная Эпопея». В. В. Воровский, проживая в Орлове, в конце 1899 г. пишет статью об общественном значении героев (сильных личностей) Горького, где едва ли не первый в России применяет марксистский метод в изучении литературы; в феврале 1901 года он занят вопросом о вымирании хороших людей в драмах Чехова.

П. И. Стучка, как выше было уже упомянуто, в вятской ссылке готовил для датшского марксистского журнала «Социал-демократ» статьи об аграрных отношениях в Прибалтийском крае, о политической свободе.

¹ Документ этот, а равно и формулированный В. И. Лениным протест по поводу его минусинских ссыльных напечатаны в «Полном собрании сочинений» Ленина (т. II, стр. 477—486).

² Мартюв. Записки социал-демократа, стр. 408—409.

³ Имеется в виду, очевидно, Солодилов Владимир Евгеньевич, социал-демократ, высланный в Вятскую губ. в 1898 г. на 4 года «за подстрекательство к забастовкам» и проживавший в это время в городе Глазьеве.

Много писал в ссылке В. Е. Чешихин; перечень печатных его работ за время ссылки приведен ниже — в кратких заметках об отдельных ссылных этого периода. Здесь уместно будет упомянуть, что Чешихин иногда разрешал себе в часы досуга упражнения в шуточной поэзии: так на манер Одиссеи он описал свою поездку по селениям Глазовского уезда, совершенную вместе с глазовским ветеринарным врачом Г. Ф. Шубиным. По воспоминаниям последнего, описание это начиналось таким образом:

Муза, поведай ты нам о тех достопамятных днях,
В кои Георгиос Филиппс и Евграфий Василеус
По вотской глуши, главы очертивши, скакали.
Первый был бессловесных скотов искусный целитель,
Питомец вятских лесов, Кобры селения житель.
Второй от пределов Варяжского моря прибыл
Велением строгого рока, сиречь по манию рук непреклонных
начальства:

Души двуногих скотов промышляя исцелять сей безумец...

Отношения между политическими ссылными и вятской администрацией

Уж из того, что выше говорилось о материальном положении вятских ссылных, нельзя не видеть, что в рассматриваемый период отношения между политическими ссылными и вятской полицией вплоть до ее главного начальника (губернатора) носят определенно враждебный характер. В сущности в этот предреволюционный период между той и другой стороной идет то глухая, то открытая борьба. Отдельные формы этой борьбы настолько интересны, что необходимо остановиться на них несколько подалее.

Уже в годовых ведомостях, посылавшихся ежегодно в департамент полиции, проявляется местами весьма враждебное отношение полиции к политическим ссылным. В этих ведомостях, между прочим, сообщались отзывы полиции о каждом ссылном. Приведем несколько таких отзывов. Относительно инженера-технолога Ганишина, сосланного в г. Слободской (1897 — 1899), местный исправник пишет: «Отличительной чертой характера Ганишина является нервозность, грубость и скрытая ненависть к администрации»¹. Нолинский исправник пишет: «Держинский человек вспыльчивый и раздражительный, идеалист, питает враждебность к монархии»². «Якшин с особой энергией нападает против монархического управления и против администрации. Якшин жизнью здесь тяготится и высказывал: если в будущем положение его в Нолинске ухудшилось бы, то во всяком случае он ничего не теряет. Только стоит совершить какое-либо государственное преступление, за это могут выслать его в другое место,

¹ Д. к. в. г. 1899 г. № 81, стр. 4.

² Там же, стр. 40.

быть может, даже лучше, чем Нолинск, куда-нибудь в Сибирь, где с проведением дороги живется лучше¹. «Иванов, — пишет яранский исправник в 1902 г., — отличается буйным поведением, в политическом отношении безусловно неблагонадежен; дерзок с полицией»². От 16 апреля 1904 г. вятский полицеймейстер Коробицын рапортовал губернатору, что он вызвал в полицейское управление двух поднадзорных. Острова и Порадовского. Остров явился лишь 18 апреля и на вопросы полицеймейстера, почему не пришел в назначенный день и час, отвечал, что не явился по уважительным причинам, был занят своими делами, «а когда я, — пишет полицеймейстер, — попросил его сообщить мне эти причины, то он отказался, ответив, что это его дело. На мое предложение получить положение о надзоре и дать подписку, что он будет заявлять о перемене квартиры приставам или дежурным в частях Остров отказался, что считает это лишним».

В этом же рапорте полицеймейстер пишет, что поднадзорные Львов и Пигит, вызванные им в полицейское управление, явились на 1 час позже, чем им было назначено, и на замечание полицеймейстера о запоздании ответили, что полицеймейстер вызвал их слишком рано, так как в это время они обыкновенно спят. Усматривая в подобных поступках ссыльных нежелание подчиняться законным требованиям полиции, полицеймейстер просит губернатора, для поддержания авторитета полиции в глазах всех поднадзорных, выслать Острова из Вятки в один из уездов³. В результате этого рапорта Остров был переведен в гор. Яранск.

Отношения политических ссыльных к полиции и администрации не ограничивались индивидуальными выступлениями их. Рассматриваемый период вятской ссылки дает нам много ярких примеров коллективных выступлений ссыльных не только в губернских, но и уездных городах Вятской губернии.

В Вятке в 1902 г. политический ссыльный Вертячих принимает участие в химической обструкции, устроенной местной революционной организацией в городском театре с целью недопущения постановки пьесы «Контрабандисты», причем берет на себя обязанность выключить в театре электричество⁴.

В том же году несколько политических ссыльных гор. Вятки принимают участие в демонстрации на вятской пароходной пристани при проводах политического, ссыльного Балмашева⁵,

¹ Там же, стр. 41.

² Д. к. в. г. 1902 г. № 64.

³ Там же.

⁴ «1905 год в Вятской губернии».

⁵ Д. к. в. г. 1899 № 118. Валерий Балмашев был выслан в Вятку из Саратова, где он был библиотекарем саратовского коммерческого собрания. В момент высылки он имел жену, сына Степана в возрасте 17 лет, повидимому, тогда закончившего среднее образование в Саратове, мать 60 лет и сестру 36 лет. В апреле 1898 г. он прибыл в Котельнич, назначенный ему губернатором для пребывания. 12 июня к нему приехала сюда жена и сын Степан. В сентябре 1900 г. котельничский исправник сообщил

сын которого (Степан Балмашев) был только что казнен царским правительством за убийство министра внутренних дел Сипягина.

На паровой пристани, как видно из рапорта полицеймейстера вятскому губернатору, собрались на проводы 14 человек, в том числе политические ссыльные: Спицын, П. И. Стучка, Шульц. Два студента (Зонов и Мстрохин) поднесли Балмашеву букет живых цветов. Когда пароход стал отходить от пристани, двое провожавших, Шульц и Дубов, громко крикнули: «Да здравствует, гремит фамилия Балмашева! Желаем свободы, ура!», и все провожавшие три раза крикнули: «ура!». Так как в то время убийство министра внутренних дел Сипягина (в апреле) сыном Балмашева Степаном и затем казнь молодого Балмашева были событием, можно сказать, вчерашнего дня, то понятно, что выражением в прощальном приветии Балмашеву публичное одобрение террористического акта в отношении к главе министерства внутренних дел встревожило вятскую полицию. Осведомившись из рапорта полицеймейстера о проводах Балмашева, вице-губернатор отдал распоряжение выслать Стучку в с. Богородское Нолинского у., Спицына — в с. Укан Глазовского у. и Шульца — в с. Полом Слободского у. Но губернатором (вскоре возвратившимся в Вятку) это распоряжение было отменено¹ — не потому, конечно, что губернатор счел несправедливой эту высылку, а скорее по другим соображениям: в то время по Вятской губернии в деревнях усиленно распространялась эсеровская прокламация о причинах казни министра внутренних дел Сипягина, и губернатор, вероятно, боялся высылкой троих ссыльных подлить масла в огонь, а может быть, и опасался за свою жизнь.

Наконец, следует упомянуть еще об одном публичном выступлении в гор. Вятке политического ссыльного, которое при сложившейся обстановке в глазах местного населения получило совершенно определенное политическое значение: то было нанесение А. Г. Зиминко пощечины назначенному Николаем II председателю Вятского губернского земского собрания — чиновнику Вятского губернского присутствия Н. Н. Меньшикову. Событие это произошло при такой обстановке.

Открывая экстренную сессию губернского собрания (15 марта 1905 г.), председатель в своей торжественной речи, между прочим, почему-то нашел нужным пригласить публику и находившихся в ней земских служащих к сохранению порядка: «Я прошу вас, многочисленная публика, принять к сведению мое обращение

губернатору, что к Вал. Балмашеву приезжал сын Степан, студент Казанского университета, и уехал 7 сентября.

По окончании срока высылки (10 февраля 1902 г.) Валерян Балмашев из Котельнича переехал в Вятку, где и жил до открытия навигации. Казнь сына Степана (5 мая 1902 г.), повидимому, задержала его в Вятке на более продолжительное время.

¹ Д. к. в. г. 1899 г. №№ 179, 37 и 185.

к вам и главным образом отнестись с уважением к собранию, не нарушая необходимой тишины»... и несколько далее прибавил: «но среди вас, господа, я вижу не мало людей, состоящих на службе у земства, следовательно лиц, подчиненных земской управе, а главное, самому земскому собранию, и уже, конечно, со стороны этих лиц критическое отношение к делу гласных, будет ли то выражение одобрения или порицания, совершенно неуместно. Я надеюсь, господа, что вы не поставите меня в необходимость применять власть председателя по силе ст. 191 Общ. Учреждения Губернского», — и затем оратор напомнил собранию «искренние и мудрые» слова монарха в манифесте 18 февраля 1905 г., где Николай II призывал «благочестивых людей всех сословий соединиться с ним во святом и великом подвиге одоления упорного врага внешнего, в искоренении в земле Русской крамолы и в разумном противодействии смуте внутренней».

Нужно было много терпения, чтобы выслушать эту необычную, проникнутую черносотенной политикой (как тогда говорили), речь чиновника в то время, когда после 9 января 1905 г. уже во всей стране энергично развивалось революционное движение, после того, как и в Вятке уже прокатилась волна школьных забастовок и ученических требований. В первое же заседание губернского земского собрания был заявлен протест против речи председателя со стороны земских служащих, которые в особой записке, поданной через председателя управы, заявили, что слова председателя с напоминанием земским служащим, а равно и многочисленной публике о недопустимости с их стороны критического отношения к деятельности земских гласных являются не законными, не личными и бестактными, и что земские служащие надеются, что губернское земское собрание гарантирует их от незаслуженного оскорбления со стороны председателя, выразив по крайней мере свое несогласие с ним и неодобрение его поведения.

Записка была оглашена, но председатель не допустил обсуждения ее земским собранием, тем не менее трое земских гласных успели высказать свое несогласие со словами председателя; гласные стали уходить из собрания... и заседание само собой прекратилось².

К этим двум протестам тотчас же присоединился и третий — от остальной публики. Политический ссыльный А. Г. Зимонко, встретив уходящего из зала заседания председателя, дал ему пощечину.

Результатом всего этого было то, что губернатор должен был устранить Меньшикова «по болезни» от председательствования в земском собрании и поручить ведение заседаний другому лицу.

¹ Речь председателя, протест земских служащих против нее, а равно и ход пререканий земских гласных с председателем по поводу протеста напечатаны в журналах Вятского губернского земского собрания экстренной сессии 15—19 марта 1905 г. (Вятка 1905).

Зимионко после нанесения пощечины несколько дней прожил, по словам Г. Я. Франчески, в квартире бывшего директора реального училища Никологорского, а затем скрылся из Вятки¹.

В уездных городах в этот предреволюционный период также происходят столкновения политических ссыльных с полицией, переходящие временами в форменную войну, причем ссыльные выступают против полиции нередко дружной семьей, единым фронтом. В городах Нолинске, Малмыже, Орлове и Яранске отношения между политическими ссыльными и полицией отличались особенной непримиримостью. Приведем несколько случаев, о которых говорят нам сохранившиеся архивные материалы.

В 1898 г. нолинская колония ссыльных оказала помощь вещами и деньгами проходившей по этапу партии политических ссыльных. За это «преступление» губернатором была назначена Дзержинскому и Яшкину высылка в отдаленное село Кайгородское Слободского у. Дзержинский послал губернатору запрос о причине его высылки, а Яшкин направил в правительствующий сенат жалобу на произвол вятского губернатора. Оба демонстративно отказались ехать в Кай впредь до получения известия от губернатора о причинах их выселения. Исправник приказал насильно усадить протестующих в повозку и отправить к Кай.

Ссыльные Величкин и Никитин — по товарищеской солидарности — подали протест губернатору. Величкин в своем протесте доказывал, что закон не дает губернатору права чинить произвол над ссыльными; Никитин в своем заявлении писал: «Нас устраняют из Центральной России за то, что мы, как посторонние частицы, внедряемся в механизм государственной жизни и, по мнению правительства, нарушаем правильность его действий. Нас переводят в другую обстановку, в другую среду, чтобы освободить нас от прежних общественных влияний и условий и заставить таким путем изменить наше поведение, нас подчиняют уставу ссыльных, который нас устраняет от активной общественной работы».

И дальше он рисует вызывающее поведение нижних чинов полиции в отношении политических ссыльных². Протесты эти практического значения не имели, т. е. не предотвратили перево-

¹ Зимионко был сослан в Вятку в 1903 г. из Екатеринослава, где он был привлечен к дознанию о фракции местного комитета РСДРП «Зеролина» и о тайном кружке Айбиндера. Первоначально был поселен в Котельнич, но отсюда 5 апреля 1904 г. бежал. Задержанный 31 июня 1904 г. в Мнискской губ., был возвращен в Вятскую губ. и поселен в Вятке с 11 ноября. Котельнический исправник в своем отзыве о Зимионко писал губернатору, что он очень беспокойный человек, ведет себя крайне вызывающе и способен на все: даже в прошении министру допустил дерзкие выражения (д. к. в. г. 1903 г. № 193; дело вятского полицеймейстера 1904 г. № 257; д. к. в. г. 1905 г. № 59а).

² Никитин описывает здесь следующий факт. В комнате рядом с комнатой Дзержинского и Яшкина один из служащих полицейского управления справлял именины. Бывший среди гостей секретарь полицейского управле-

да Дзержинского и Якшина¹ в с. Кай, но, без сомнения, немало огорчений они доставили губернатору, которому пришлось фигурировать в жалобах и сенату и министру внутренних дел и писать объяснения сенату по делу с политическими ссыльными.

Через два года нолинские политические ссыльные начали борьбу с полицией по поводу ее попытки установить для политических ссыльных черту оседлости. Началом этой борьбы послужило следующее событие.

4 февраля 1900 г. проживавшие в Нолинске ссыльные Александров, Сушинский, Андреев, Бабаджан, Розанов и Розенблум совершили отлучку в Чураковское имение нолинского земства (в 8 вер. от Нолинска). Полиция составила акт и передала его городскому судье. Но городской судья оправдал всех подсудимых. Тогда исправник издал объявление, где указывалось, что политические ссыльные не могут в своих прогулках выходить за ту черту, которая была указана им прежде.

В ответ на это объявление 20 политических ссыльных г. Нолинска подали вятскому губернатору прошение о разрешении свободных прогулок. В прошении Никитина, бывшего, повидимому, организатором этих петиций, говорилось, что двухлетней практикой в Нолинске установилось право ссыльных отлучаться без особого разрешения в каждом отдельном случае за черту города на более или менее продолжительное время. Право это не раз подтверждалось чинами надзора, и еще в ноябре исправник подтвердил его существенным ограничением—спросом на отлучку с ночевкой за черту города. И вот в феврале 1900 г. исправник вдруг привлекает к суду 6 человек за отлучку.

Никитин просит губернатора расширить районы прогулки, ссылаясь на то, что большая часть района, отведенного для прогулки, негодна для этой цели (кладбище, кожевенный завод, свалка нечистот, скотобойня); далее он просит разрешить гулять вне города, не испрашивая каждый раз разрешения у исправника; если все ссыльные (человек 20) будут каждый день да еще по несколько раз ходить к исправнику, то все функции его сведутся лишь к разрешению или неразрешению, а на исполнение общих обязанностей не останется времени.

Как и следовало ожидать, на все эти прошения губернатор ответил отказом.

вия в разгаре пира зашел в комнату Дзержинского и Якшина, но последние попросили его удалиться от них, т. е. попросту выгнали его из своей комнаты. Другой случай: полицейский надзиратель г. Нолинска начинает выспрашивать у пришедшей в гости к его прислуге девушки, жившей в прислугах у политического ссыльного, что делает, что говорит ее хозяин, кто у него бывает и т. д., обещает ей давать орехов, если она и впредь будет рассказывать про своего хозяина, а равно, если предложит и другим прислугам административных ссыльных рассказывать про своих хозяев (д. к. в. г. 1898 г. № 83).

¹ Д. к. в. г. 1898 г. № 292.

В августе месяце вятский губернатор попытался ввести еще новое ограничение для нолинских политических ссыльных — запретил им иметь остановки в деревнях, на фабриках и заводах, расположенных в разрешенном для прогулок районе. Ссыльные гор. Нолинска, признавая это распоряжение незаконным, решили противодействовать его осуществлению и провели это в такой форме. 10 августа 1900 г., в ответ на объявление губернатора, нолинскому исправнику была передана следующая расписка:

«1900 года августа 10 дня нижеподписавшиеся, состоящие в гор. Нолинске под гласным надзором полиции, дали настоящую подписку нолинскому уездному исправнику в том, что изложенное в предписании вятского губернатора от 2 августа за № 2252 распоряжение о том, что во время прогулок наших в установленном уездным исправником районе, объявленное нам с подпиской 28 февраля с. г., мы не должны иметь остановок в деревнях, фабриках и заводах, нам объявлено».

1. Читал Н. Розанов.
2. Читала М. Николаева, но распоряжение это считаю незаконным.
3. Читала Е. Жилина, но распоряжение считаю незаконным.
4. И. Жилин — читал, но распоряжение нахожу незаконным и подлежащим обжалованию в порядке инстанций в установленный срок.
5. А. М. Никитин — читал, но распоряжение нахожу не соответствующим закону и подлежащим обжалованию в срок.
6. Читал, но распоряжение нахожу незаконным и подлежащим обжалованию в порядке инстанций в установленный срок. Кобылинский.
7. Читал, но, находя требования, выраженные в подписке, незаконными, в законный срок обжалую, а потому исполнение их считаю для себя необязательным. Корнилов.
8. Читал, но распоряжение нахожу незаконным и подлежащим в порядке обжалованию в установленный срок. Я. О. Озоль.
9. Читал, но считаю распоряжение незаконным и подлежащим обжалованию. Розенблум.
10. Читал, но считаю незаконным. Бабаджан.
11. Читал, но считаю распоряжение незаконным и не обязательным для себя и обжалую в законный срок. Ситников.
12. Читала, но считаю незаконным и обжалую в законном порядке. С. Пазухина.
13. Читал, но считаю незаконным распоряжение г. губернатора, а потому и неподлежащим исполнению. В. Пазухин.
14. Иван Иванович Лузин.
15. Дочь капитана Ильяшева Анастасия Семеновна.
16. Кронштадтский мещанин Вас. Платонов Ефимов.

Трое последних отказались подписывать документ, о чем исправником тогда же был составлен особый протокол.

Трое ссыльных — Никитин, Корнилов и Озоль — подали министру внутренних дел жалобу на распоряжение губернатора, причем Никитин приложил к прошению и копию только-что приведенного выше документа.

Препровождая эти жалобы в министерство внутренних дел, губернатор Клингенберг объявлял, что при посещении поднадзорными деревень и заводов были случаи пропаганды ими своих преступных идей и что в предупреждение вредного влияния этой пропаганды на крестьян и рабочих он, губернатор, предписал уездным исправникам воспретить всем вообще поднадзорным посещение деревень, фабрик и заводов.

Прошение ссыльных успеха не имело: от 17 ноября за № 12289 департамент полиции предложил губернатору объявить поднадзорным Никитину, Корнилову и Озоль, что жалобы их оставлены без последствий¹.

В конце 1900 г. в г. Нолинске произошло публичное столкновение политических ссыльных с местным исправником.

21 декабря 1900 г. в нолинской больнице скончалась политическая ссыльная Е. А. Дьяконова (по мужу Жилина), бывшая корреспондентом газеты «Русское Слово». Товарищи по ссылке решили устроить торжественные похороны. На гроб были возложены венки с красными лентами и соответствующими подписями («изгнанице»). 23 декабря, когда процессия шла на кладбище, исправник (Золотухин) с отрядом городских налетел на нее с намерением сорвать с венков красные ленты. Произошла свалка, во время которой едва не уронили гроб, но исправник все-таки был оттеснен. Ссыльные послали прокурору судебной палаты протест против бесчинства исправника.

Прокурор потребовал от губернатора увольнения исправника от должности. Губернатор прежде всего расправился со ссыльными и 26 декабря отдал распоряжение выслать этапным порядком из Нолинска 5 человек: Никитина в с. Ежово Глазовского уезда, Розанова в село Даровское Котельничского уезда, Кобылинского в с. Белозерское Орловского уезда, Озоля в с. Боровицу Орловского уезда и Ефимова в с. Вонданское Котельничского у², и затем был уволен от должности постановлением губернского правления от 29 декабря исправник с причислением его к губернскому правлению³. Губернатор, кроме того, разослал (26 декабря 1900 г.) уездным исправникам и полицеймейстеру циркуляр, в котором писал, что «в одном из уездных городов хоронили политическую ссыльную, на гробе которой были два венка с

¹ Д. к. в. г. 1898 г. № 135/133.

² Д. к. в. г. 1898 г. № 135. «Жизнь» за 1902 г. № 6.

³ Д. Вятского губ. правления 1901 г. № 62. Любопытно, что исправник подал прошение об увольнении его по расстроенному здоровью, причем прошение пометил тем днем, когда произошло его столкновение со ссыльными, т. е. 23 декабря. Через 5 месяцев губернатор вновь назначил его исправником, но уже в другой уезд (Яранский).

крайне возмутительными и демонстративными надписями. Полицейский надзиратель доложил об этом уездному исправнику; последний приказал объявить об этом священнику, забыв, что священник иногда полицейских приказаний не может исполнять. Когда уездный исправник встретил эту процессию в городе и потребовал удаления венков, начались пререкания, требование выполнено не было. За то, что исправник сробел, я признал соответствующим за нерадение и бездействие власти уволить уездного исправника от занимаемой им должности»¹.

В Малмыже колония политических ссыльных устраивает демонстративное шествие по городу 1 мая (18 апр.) 1902 г. В рапорте губернатору уездный исправник так описывает это событие. «Административные ссыльные (Андреев, Величкин, Горбачев, Сверчевский, Березин, Филиппов-Шокарев, Матросов, Плугин, Томаш и Воробьев), собравшись 18 апреля со своими семьями на центральной улице, направились по ней вдоль попарно, рядами, причем у каждого из участников этого сборища, не исключая жен и детей, на груди имелся бант из лент красного цвета»². Уездный исправник, остановив шествие в самом начале, потребовал разойтись и снять банты; участники сходки ответили на это иронической улыбкой, но затем повторения приказаения ушли, «ничем не нарушив общественной тишины и спокойствия, в квартиру Андреева, где им была предложена закуска и вино, заранее приготовленное»³. Одна из участниц этого празднества, жена ссыльного В. А. Горбачева, впоследствии припоминала, что на собрании поехали, поговорили, почитали литературные новинки («Разрушенный мол» Горького, отпечатанный на гектографе)⁴. За эту маевку, являвшуюся чуть ли не первым опытом празднования первого мая на территории Вятской губернии, губернатор 20 апреля предложил правлению Малмыжского общества потребителей исключить Андреева, Горбачева и Матросова из числа членов-пайщиков, а 26 апреля сделал распоряжение о высылке из Малмыжа главных инициаторов торжества — Андреева в Березовские Починки Глазовского уезда, Березина в село Салты Малмыжского у., Величкина в с. Слудку Орловского у., Сверчевского в с. Мулино и Горбачева в с. Кай Слободского уезда. Березина исправник тотчас же отправил с урядником по назначению, т. е. в с. Селты, а относительно 4 ссыльных спрашивал губернатора, можно ли заключить их в тюрьму впредь до высылки их по этапу, каковая предполагается 30 апреля. Губернатор разрешил, но 24 апреля по телеграфу приостановил высылку впредь до нового распоряжения, а на другой день дал распоряжение не заключать под стражу оставленных 4 человек; от 30 апреля уездный член окружного суда Железнов телеграфировал губернатору: «Зная

¹ Д. к. в. г. 1898 г. № 135.

² Д. к. в. г. 1902 г. № 66.

³ Д. к. в. г. 1902 г. № 89.

⁴ «1905 год в Вятской губернии».

лично ссыльного Горбачева и ручаясь за его дальнейшее поведение, прошу в. п. оставить его в Малмыже», на что губернатор тотчас же ответил, что Горбачев оставлен до особого распоряжения. 3 мая все оставленные в Малмыже ссыльные послали губернатору запрос: на сколько же времени они оставлены? Губернатор из четверых решил выслать двоих, Андреева и Величкина, относительно которых в обычных характеристиках исправника было написано: «благонадежности сомнительной»; Сверчевский и Горбачев, значившиеся в характеристике исправника ни в чем предосудительном не замеченными, оставлены были в Малмыже. 16 мая Величкин и Андреев были высланы¹. Из нового места жительства Величкин послал губернатору протест, где называет перевод незаконным, не соответствующим положению о полицейском надзоре, которое ничего не говорит о праве губернатора переводить поднадзорных из одной местности в другую; просит отменить перевод или же перевести в Вятку и предупреждает, что отказ и дальнейшее преследование убедят его, Величкина, лишь в том, что наложенное на него наказание не имеет под собой никаких законных оснований, а основывается лишь на фактической силе губернатора над отдельной личностью живущего в подведомственной ему губернии под надзором, так как закон нигде не предоставляет права губернатору безграничного распоряжения личностью поднадзорных². Когда губернатор в ответ на это прошение поручил исправнику объяснить Величкину, что причиной его перевода является участие в демонстрации, имевшей место в Малмыже, то Величкин предъявил требование, чтобы губернатор за это новое политическое преступление возбудил преследование на общих основаниях — по постановлению и в присутствии прокурорского надзора. «Только такое следствие и даст мне возможность, — пишет Величкин, — защищаться против предъявленного мне обвинения и доказать всю его несостоятельность». Но это требование губернатором было оставлено без ответа.

Другой политический ссыльный, Андреев, удаленный за маевку из Малмыжа в Березовские починки, выразил свой протест в другой форме — заявил в правительствующий сенат на основании 1315 ст. Устава Гражданского Судопроизводства против вятского губернатора иск об убытках, вызванных этой высылкой. В нем он писал, что высылка его из Малмыжа была совершенно незаконной, так как положение о полицейском надзоре, а равно о губернских учреждениях не дают губернатору права собственной властью высылать поднадзорных из одной местности в другую: единственно, что может сделать губернатор, это подвергнуть поднадзорного аресту не свыше семи суток. Выражение министерской бумаги о высылке поднадзорных в распоряжение гу-

¹ Д. к. в. г. 1902 г. № 194.

² Д. к. в. г. 1898 г. № 176.

Бернатора дает последнему лишь право указать поднадзорному место жительства на весь срок высылки. И раз это место указано, то дальше за губернатором остается только право на основании статьи 319 общего положения о губернских учреждениях подвергать поднадзорного лишь мерам, в законе определенным. Так как вятский губернатор своим незаконным действием причинил ему, Андрееву, убытков на сумму 200 руб. — лишил его трехмесячного заработка в сумме 180 руб. (по 60 руб в месяц) и заставил израсходовать до 20 руб. на переезд из Малмыжа до Березовских починок, то Андреев просит взыскать эту сумму с губернатора. Если же правительствующий сенат сочтет эту сумму убытков недоказанной, то пусть предоставит ему, Андрееву, право доказать ее в исполнительном порядке. Подавая заявление, Андреев едва ли рассчитывал добиться какого-либо толка: для него некоторым удовлетворением было уже одно то, что он хотя бы на некоторое время посадит самоуправного губернатора на скамью подсудимых пред высшим юридическим органом.

От 24 октября 1902 г. правительствующий сенат посылает повестку вятскому губернатору с предложением в месячный срок дать объяснение. В своем рапорте в правительствующий сенат губернатор пишет, что Андреев выслан в Вятскую губернию за государственное преступление и первоначально был водворен в Уржуме, затем за публичное порицание действий уездного воинского начальника в присутствии нижних воинских чинов был перемещен в Малмыж. «В текущем году, — продолжает губернатор, — по особым причинам я был вынужден удалить из Малмыжа нескольких проживающих там под гласным полицейским надзором лиц, в том числе просителя Андреева, переведенного из жительства в г. Малмыже в починок Березовский Глазовского у. Переезд этот Андреев совершил на свой счет по собственному желанию, вместо предложенного ему следования этапным порядком».

В деле не имеется сведений о решении правительствующего сената по жалобе Андреева: несомненно, она была оставлена без последствий.

В следующем году в Малмыже, подобно Нолинску, происходит борьба политических ссыльных с попыткой полиции установить черту оседлости. В октябре 1903 г. уездный исправник потребовал от них, чтобы они совершенно не отлучались из Малмыжа за городскую черту. Ответом на это распоряжение было нижеследующее прошение от политических ссыльных гор. Малмыжа на имя вятского губернатора: «В октябре новый исправник объявил нам, что вы (на словах) поручили ему прекратить нарушение ссыльными правил об отведенной им для жительства границе.

Мы должны пояснить вам, что нарушение этих правил практиковалось до сих пор ежедневно; того же надо ожидать и впредь

ибо граница для жительства ссыльных в гор. Малмыже до такой степени узка, что нельзя продолжать прогулок без того, чтобы не очутиться уже за пределами границ.

Поэтому мы просим вас отменить объявленное нам (тоже на словах) распоряжение нового исправника и вообще не настаивать на исполнении правил, совершенно не вяжущихся с местными условиями жизни. Настойчивость надзора в подобных случаях не способна создать ничего, кроме твердого основания для никому нежелательных и тем не менее ежедневных столкновений полиции со ссыльными». Следуют подписи: А. Сверчевский, Мелентьев, Чернышев, Иосиф Радзаевский, В. Чернышев, Николай Воробьев и Николай Плугин.

20 октября 1903 года губернатор признал прошение не подлежащим удовлетворению. Но фактически распоряжение о черте оседлости, повидимому, осталось простым бумажным объявлением.

В Орлове в течение почти всего 1902 г. политическими ссыльными ведется открытая борьба с полицией. Первое публичное выступление ссыльных произошло 13 января в народной аудитории на литературно-музыкальном утре. После исполнения на сцене дуэта «Не искушай меня без нужды» (в исполнении принимала участие жена помощника исправника) 4 политических ссыльных, Попов, Кожевников, Рябков и Мельницкий, начали шикать и свистать при криках «браво» и «бис», раздававшихся в публике. Исправник потребовал от ссыльных, чтобы они вышли вон. Они отказались; ссылаясь на то, что свистками и шиканьем они выражали свое мнение подобно тому, как другие аплодисментами и криками «браво» и «бис» выражали свое мнение. Исправник распорядился вывести их силой; позванные городовые с полицейским надзирателем во главе сделали попытку стащить со стульев двух ссыльных, но были остановлены другими двумя ссыльными, заявившими о незаконности действий со стороны полиции. Вся группа ссыльных потребовала составления протокола.

Составив протокол с искажением обстоятельств дела, полиция направила его городскому судье, а ссыльные подали жалобу на действия орловской полиции прокурору Казанской судебной палаты.

Городской судья приговорил каждого из ссыльных к аресту на 10 дней за нарушение общественной тишины в зале народной аудитории, но ссыльные обжаловали приговор в уездный съезд. Препровождая копию этого приговора губернатору, исправник просил губернатора разослать гласноподнадзорных в отдаленные и малонаселенные селения (например, в Слудку, Бисеровские починок и в Кайгородскую волость). С другой стороны, и от ссыльных поступила жалоба губернатору на исправника. Один из участников демонстрации на литературно-музыкальном вечере писал, что жизнь в Орлове невыносима благодаря возникшим

здесь недоразумениям между ссыльными и полицией, и просил перевести его в другой уезд¹.

Вскоре прокурором судебной палаты была переслана на заключение губернатора и коллективная жалоба ссыльных на действия исправника. Рассмотрев эту жалобу, Вятское губернское правление, конечно, признало действия полиции правильными, о чем и сообщено было губернатором прокурору судебной палаты; тем не менее губернатор, очевидно, во избежание дальнейших скандалов в Орлове, нашел неудобным оставлять исправника в Орлове и перевел его в другой уезд, так как общественное мнение в городе, видимо, было не на стороне полиции, о чем можно было судить по тому, что уездный съезд, рассмотрев апелляционную жалобу ссыльных на приговор городского судьи, оправдал всех подсудимых².

В октябре месяце 1902 г. орловские политические ссыльные начинают форменную войну с полицией. Сигналом к этой войне послужило нанесение пощечины политическим ссыльным Величкиным местному исправнику в ответ на обвинение последним Величкина в намерении бежать из места ссылки. В рапорте губернатору исправник так описывает этот начальный момент войны: «Лишь только лошади для надзирателя для сопровождения Величкина в Слудку были на дворе полицейского управления поданы и надзиратель о том мне доложил, я приказал Величкина попросить ко мне, и, когда он подошел к столу, около которого стоял я с помощником и читал рукопись, отобранную у Величкина, то я сказал ему: «Вот, г. Величкин, у вас отобрана рукопись, полагаю возвратить ее вам, так как в ней ничего предосудительного нет» («Жизнь и творчество растений»), на что Величкин мне ответил следующими словами: «Хочу вам, г. исправник, сказать несколько слов». — «Наедине или здесь?» — «Все равно, здесь». — «Сделайте одолжение». После моего ответа Величкин начал: «Так как наши легальные жалобы на учрежденный надзор за нами не достигают цели, то мы решили действовать нелегально». С этими словами он нанес мне оскорбление действием. Будучи озадачен поступком Величкина, буквально ничем не вызванным, я положительно не помню, что ответил. Это был момент, в который я потерял сознание, — помню только, что закричал надзирателю, чтобы его вывели в другую комнату. Помощник мой, секретарь полицейского управления и другие лица, которые были в этой комнате, сказали мне потом, что я Величкина после нанесенного им мне оскорбления ударил»³.

Несколько позднее Величкин в открытом письме вятскому губернатору объяснял смысл и значение данной исправнику пощечины: «Я должен был как-нибудь ответить на то насилие, кото-

¹ Д. к. в. г. 1898 г. № 341.

² Д. к. в. г. 1902 г. № 66.

³ Д. к. в. г. 1898 г. № 174.

рое производилось надо мной, притом ответить так, чтобы не возбуждать в вас (в губернаторе) только смех и желание еще раз обнаружить свою привычку не отвечать на обращенные к вам протесты.

Вы слишком достаточно убедили меня, что никаких законных форм протеста в виде обращения к какой бы то ни было власти у нас нет. Следовательно, приходилось отвечать самому. А чем я мог при данных обстоятельствах ответить иным, кроме пощечины лицу, совершавшему надо мной насилие, как ни противен мне такой способ ответа? Но дал я ее ему, только как исполнителю надо мной ваших незаконных распоряжений (что я тогда же и заявил ему), и следовательно, в несравненно большей степени она предназначалась вам, как и вообще всей администрации с ее произволом над нами, начиная с ваших министров и кончая последним урядником, сообразно заслугам каждого из вас»¹.

Пощечина, данная Величкиным исправнику, положила начало целому ряду протестов политических ссыльных против произвола вятской администрации и полиции.

Прежде всего протестовал орловский ссыльный К. Попов, подвергнутый обыску в связи с приездом к нему Величкина. «Когда помощнику (исправнику) было замечено, — пишет Попов в своем протесте губернатору, — что никакой связи между приездом Величкина и необходимостью обыска у меня не может быть, он ответил: «Да уже по пути и у вас». Итак, обыск у меня производится просто потому, что этого захотелось полиции. Мне не доставляет ровно никакого наслаждения принимать у себя незваных гостей, поднимающих вверх дном всю мою квартиру, и если полиции нравится так часто без всяких причин рыться в моих вещах, вторгаясь в мою чисто личную жизнь, и отнимать у меня время своими любезными посещениями, то она все же должна бы понимать, что эти посещения могут возмутить самого терпеливого человека».

Протестуя против произвольных обысков «по пути», против беспричинного вмешательства полиции в его частную интимную жизнь и столь же беспричинных нарушений правильности его занятий, Попов просит губернатора принять зависящие меры к прекращению нашествий полиции на его квартиру².

Другой ссыльный, Кожевников, в своем прошении-протесте, поданном вятскому губернатору того же 4 октября, пишет: «Помощник исправника на мои слова, что по поводу ареста Величкина такие же были основания производить обыск у всех ссыльных, как у Попова, ответил, что у всех производить трудно, а ему хочется обедать. Я спросил бы вас, — спрашивает далее Кожевников у губернатора, — неужели только желание обедать является законной границей своеволия полиции, и законен ли

¹ «Жизнь» 1902 г. № 6, стр. 151.

² Д. к. в. г. 1900 г. № 174, л. 30—31.

вообще весь тот цинизм, который заключается в вышеприведенных фразах? Неужели во всякое время, без всяких причин полиция может ворваться в квартиры ссыльных, чтобы удовлетворять своей страсти копаться в частной интимной жизни нашей? И неужели вообще допустима возможность существования под постоянным ожиданием нашествия полиции, которая всегда рада доставить ссыльным ту или иную неприятность? Со своей стороны, я не думаю, чтобы закон оправдывал нелепые действия местной полиции, а потому усиленно прошу вас поставить отношения местной полиции к ссыльным в должные границы»¹.

После этого началась форменная война орловских политических ссыльных с полицией. 15 октября 1902 г. тайный агент орловской полиции Шенвальд на дороге встретил политического ссыльного Конст. Иванова и дочь дворянина Эмилию Гейбурт-Гейбович (невесту Кожевникова). Иванов, быстро сойдя с тротуара, сказал Шенвальду: «Что, Кожевникова ходил поверять?» Шенвальд ответил: «Вам дела до меня нет, и я вам не мешаю: можете идти своей дорогой, а я своей». В это время подошли политические ссыльные Власов, Постников и Вс. Кожевников; по адресу Шенвальда посыпались эпитеты: шпион, мерзавец, сукин сын. Затем Власов схватил Шенвальда за гооло, и кто-то крикнул: «Души его», а другой голос говорил: «Оставьте его, Федор Григорьевич»; Власов оставил агента, и все трое пошли к квартире Кожевникова. На следующий день полицейский надзиратель, по поручению исправника, начал производить дознание по поводу этого случая, но поднадзорные отказались отвечать, а Иванов, проходя по двору полицейского управления, сказал: «Вот еще, его убить надо, а тут производят дознание». 20 октября полицейский надзиратель (Михайлов) пришел в квартиру Кожевникова для допроса проживавшей в его квартире Эмилии Гейбурт-Гейбович. Кожевников, открыв входную дверь, стал в дверях, загородил рукой вход и оттолкнул полицейского надзирателя в грудь, а когда тот все-таки вошел, то Кожевников назвал его нахалом.

Полицейский надзиратель составил на Кожевникова акт, который был передан судебному следователю для привлечения Кожевникова к ответственности по 285 и 286 ст. Улож. о наказаниях. Судебный следователь 22 октября заключил Кожевникова под стражу впредь до внесения 200 руб. залога. В тот же день вечером к судебному следователю явился политический ссыльный Попов и потребовал указать на статью закона, по которой Кожевников заключен в тюрьму, и на слова следователя о том, что он имел основание так поступить, заметил: «Вы это делаете в угоду полиции». Судебный следователь, опасаясь, как он говорил, дальнейшего появления Попова, немедленно потребовал охраны полиции, и до 11 ч. вечера в его квартире дежу-

¹ Д. к. в. г. 1898 г. № 135, л. 56—57.

рил полицейский надзиратель, а с 11 до 3 час. утра полицейский служитель.

Находясь под стражей, Кожевников подал жалобу министру внутренних дел на незаконный арест его; здесь, между прочим, он писал, что полиция устраивает ссыльным скандалы и, пользуясь своим преимущественным положением, таскает их по судам. Прося обратить внимание на деятельность орловской полиции и на положение ссыльных, Кожевников добавляет: «если в этом направлении вы не найдете нужным ничего изменить, то прошу о переводе в другой город Вятской губернии или в другую губернию, что было бы еще лучше, как полная гарантия от придирок местного начальства»¹.

29 октября Кожевников и Гейбурт-Гейбович подали жалобу в министерство внутренних дел на полицейского надзирателя Михайлова (который ворвался в их квартиру для допроса). 31 октября ссыльный Попов подает губернатору заявление, в котором «в виду полнейшей невозможности проживания в г. Орлове вследствие крайне некорректного отношения местной полиции по отношению к политическим ссыльным» просит перевести его в Вятку².

В ноябре городской судья г. Орлова приговорил Власова и Кожевникова к аресту за нанесение оскорбления полицейскому служителю Шенвальду. Власов получил 15 дней высылки, Кожевников — 8.

В ноябре в начавшуюся в г. Орлове войну между полицией и политическими ссыльными вступают политические ссыльные, проживающие в других городах Вятской губернии, путем подачи в министерство внутренних дел протестов против действий орловской полиции. 20 ноября подала протест малмыжская колония ссыльных (Ник. Воробьев, Ник. Мелентьев, Александр Сверчевский), 23 ноября — слободская (Н. Розанов, Мих. Горденко, Митроф. Домбровский, Густав Лангельт, Ольга Ларионова и Влад. Захаревич). Тогда же или даже несколько ранее отозвалась ближайшая котельническая колония политических ссыльных (Вл. Вольский, Сергей Домрачев, Илья Шендриков, Федор Девель, Петр Колесников и Козьма Коломийцев). Нам не удалось познакомиться с содержанием этих протестов, так как департаментом полиции, куда они были посланы, они не были возвращены в Вятку. Все протесты ссыльных департаментом оставлены без последствий, как это значится в ответах департамента от 3 декабря (малмыжской колонии), 12 декабря (котельнической) и 31 декабря (слободской)³.

Обострение отношений между политическими ссыльными и орловской полицией показало губернатору, что исправника Сыр-

¹ Д. к. в. г. 1900 г. № 173.

² Там же, 1900 г. № 174.

³ Д. к. в. г. 1900 г. № 173.

цова, получившего пощечину от Величкина, неудобно оставлять не только в г. Орлове, но и в Вятской губернии, и он был перемещен в г. Малмыж Казанской губернии с 7 декабря 1900 г.¹

Узнав об этом переводе Сырцова, Величкин, находившийся уже в то время за границей, в открытом письме писал губернатору: «Смысл этого перевода, вероятно, тот, что вы хотите свалить все дело на личное столкновение между мной и им. Но вы напрасно стараетесь об этом... Сырцов был лишь точным исполнителем ваших незаконных распоряжений и верным проводником общей, царящей у нас, системы административного произвола. В своем поведении он ничем не выделялся из среды остальных административных. Пощечина, которую я ему дал, была вызвана вовсе не личным его грубым обращением со мной и предназначалась не лично ему, а лишь как представителю администрации, непосредственно совершавшему насилие надо мной: в его лице я дал пощечину всей системе административного произвола, от которого я оборонялся все время своей ссылки, и всем его представителям. Этим переводом вы никого не обманете и ничего не замажете, а только лишней раз обнаружите подпольный, трусливый, боящийся всякого света характер российского царизма, который так незаконен, что может поддерживаться только грубым насилием и произволом, и так дрябл, что, боясь, как бы люди не разглядели его незаконности, должен открещиваться от солидарности со своими же собственными верными слугами, особенно когда они бывали так откровенны, как был со мной Сырцов².

Но особенно в резких формах столкновения между полицией и политическими ссыльными происходили в этот период в гор. Яранске. Особенностью этих столкновений является то, что здесь в качестве воюющей стороны выступает на первый план жандармерия.

В своих рапортах департаменту полиции и штабу корпуса жандармов от 12 сентября 1904 г. вятский губернский жандармский полковник так описывал историю столкновений политических ссыльных с местным агентом жандармской полиции: «Со времени ареста учительницы Тураевой в августе 1903 г. в Яранске местные поднадзорные, видимо, озлобились на пунктового жандармского унтер-офицера Олюнина, относя арест Тураевой делу его наблюдения. На следующий день после ареста поднадзорный Иванов, проходя мимо Олюнина, обругал его шпионом и пообещал «свинцового гороха».

В том же году ссыльные избили наблюдающего за ними полицейского — Михаила Вылегжанина, устроив ему в Троицком переулке ловушку. «Участвовали в этом деле: Кузнецов, Серебровский, Подгорных и тот же Иванов, причем бил Иванов и,

¹ См. формулы чинов вятской полиции за 1901—1903 (в Вятском архивном бюро).

² «Жизнь» за 1902 г. № 6. Женева.

как человек очень сильный, нанес ему такие удары, что Вылегжанин долго болел головой. При этом случае был один свидетель, который, увидав нападение, испугался и с криком «караул» убежал и тем спас Вылегжанина. Дело это было поставлено на суд, но, так как единственный свидетель, тогда убежавший, запуганный угрозами Иванова, ответил, что он не заметил бивших Вылегжанина, дело было прекращено».

28 апреля уже этого года унтер-офицер Олюнин, наблюдая за поднадзорными, заметил, что на углу Бусурманской и Ильинской улиц сошлись Иванов, Банек, Кузнецов и Богданов и у фонаря стали читать какую-то бумагу. Поднадзорные, увидя проходящего унтер-офицера Олюнина, бросились к нему; последний должен был отбежать от них и, встретив на углу квартала проезжавшего на лошади полицейского надзирателя Нелюбина, передал ему, что поднадзорные погнались за ним. Нелюбин предложил жандарму сесть на лошадь, и они вместе поехали к тому месту, где был этот случай; Нелюбин заметил, что при их приближении четверо мужчин быстро разошлись в разные стороны, причем в числе их он узнал Иванова.

В сентябре 1904 г. произошло столкновение между Олюниным и политическим ссыльным Ивановым, окончившееся для Иванова довольно трагически. В ночь с 3 на 4 сентября 1904 г. Иванов на одной из улиц города встретил Олюнина, который, будучи в пьяном виде, крикнул: «А, г. Иванов, здравствуйте, мое почтение»... В ответ на эту фамильярность пьяного жандарма в отношении к политическому ссыльному Иванов, приблизившись к нему, спросил его, на каком основании он так фамильярно обходится с политическим ссыльным? «Когда я был на полшага от него (писал потом Иванов министру внутренних дел), Олюнин, пробормотав какие-то междометия в роде: «г. Иванов, я... я...», моментально выхватил пашку и ударил меня ею наотмашь по левой стороне головы и этим ударом отрубил мне левое ухо, после чего быстро удалился». Иванов был положен в больницу, где врач пришел ему ухо и сделал перевязку.

В медицинском свидетельстве, выданном местным врачом, рана признана тяжелой, причем врач указывал на возможность потери ушной раковины. 14 сентября пришитую ушную раковину действительно пришлось отнять.

По поводу этого факта политические ссыльные гор. Яранска Стржалковский, Остров, Подгорных, Банек и Богданов в ту же ночь отправили телеграммы вятскому губернатору; министру внутренних дел и прокурору окружного суда. В телеграмме на имя губернатора они писали: «Этой ночью жандарм Олюнин пьяный пристал к поднадзорному Иванову без всякого вызова, тяжело ранил. Просим распоряжения о строгом дознании. Жандарм постоянно вызывающе держится относительно нас. Просим принять меры ограждения нашей безопасности и не омрачать отрадного впечатления высочайшего манифеста».

В начавшемся расследовании этого дела Вятское губернское жандармское управление, департамент полиции и штаб корпуса жандармов приняли все меры к тому, чтобы выпутать жандарма Олюнина из беды, что и было ими достигнуто.

Главный военный суд постановил подвергнуть унтер-офицера Олюнина лишь дисциплинарной ответственности¹, а прошение политического ссыльного Иванова о допущении его участия в деле в качестве гражданского истца препроводить командующему отдельным корпусом жандармов на распоряжение; последний поручил вятскому жандармскому полковнику² подвергнуть Олюнина дисциплинарному взысканию, которое состояло в том, что Олюнин был вызван на 3 недели в гор. Вятку, где отбывал так называемый простой арест с исполнением служебных обязанностей, т. е. с 6 час. вечера до 8 утра он находился под присмотром уездного военного начальника, с 8 утра до 6 часов вечера отпускался на свободу, якобы для исполнения служебных обязанностей.

Наиболее известные вятские политические ссыльные периода 1897 — 1905 годов

Непродолжительный предреволюционный период вятской политической ссылки дал Вятскому краю довольно много ссыльных, получивших известность потом на литературном или политическом поприще. В 1896 году выслан сюда В. Е. Чешихин, с

¹ Дело Вятского губ. жанд. управления 1904 г. № 21.

² Вятский губернский жандармский полковник поручил было ротмистру Майеру отправиться в Яранск для расследования этого дела, но департамент полиции шифрованной телеграммой предложил, чтобы полковник взял расследование в свои руки. Результаты дознания жандармским полковником были отправлены в департамент полиции и в штаб корпуса жандармов. Начальник штаба приказал полковнику препроводить дознание судебному следователю для производства следствия об унтер-офицере Олюнине, а следствие, — прибавлял начальник штаба, — «может быть прекращено по согласию вашему с военно-прокурорским надзором».

Одновременно с этим жандармский полковник пытался поднять дело против Иванова по обвинению его в оскорблении унтер-офицера Олюнина действием, но городским судьей Яранска обвиняемый был оправдан, а попытка полковника опротестовать оправдательный приговор в Яранском уездном съезде не удалась, так как яранский городской судья не принял жалобы полковника, как стороннего для дела лица.

Судебным следователем Олюнину уже был отдан под ближайший надзор начальства (в предупреждение уклонения его от суда); в виду этого жандармский полковник вновь обратился в штаб корпуса жандармов с просьбой о содействии к прекращению следствия по делу Олюнина и на этот раз достиг более решительного результата: начальник штаба, соглашаясь с мнением вятского жандармского полковника о необходимости прекращения следствия, все следственное производство через военного прокурора направил на рассмотрение Главного военного суда, которым и было вынесено постановление о наложении на Олюнина лишь дисциплинарного взыскания (дело Вятского губернского жандармского управления 1904 г. № 21).

1898 г. А. Н. Потресов, Ф. И. Гурвич, Ф. Э. Дзержинский и Н. Ф. Бауман, в 1899 г. В. В. Воровский, П. И. Стучка и В. В. Всеволожский.

Чешихин В. Е. (1896—1899)

Сын довольно известного физиолога и историка Прибалтийского края Е. Вас. Чешихина, еще в пору своего студенчества был выслан из С.-Петербурга в Ригу, где и жил до конца 1896 года. Здесь он сотрудничал в рижских газетах; вероятно, в связи с газетной работой и постигла его ссыльная кара.

Всю свою трехлетнюю ссылку он провел в гор. Глазове; пробовал перепроситься в Вятку, но губернатором Клингенбергом не был переведен. В Глазове Чешихин продолжал свои литературные занятия¹. В «Вятской Газете» за 1898 г. (№№ 14, 15, 17, 19, 21, 23 и 24) напечатана статья его «Среди латышей», в №№ 28, 29, 32, 34, 40, 42, 44, 48 и 15 статья «Виссарион Григорьевич Белинский». Наконец в той же газете помещена его статья «О театре в России» (№ 27) и о М. С. Щепкине (актере из крепостных крестьян) — в №№ 29, 31 и 32. Одновременно он подготовлял к изданию и издавал в Москве другие свои литературные работы. Из отдельных изданий за период вятской ссылки можно назвать: 1) «Грановский и его время» (1-ое издание — Москва 1897 г., 2-е издание 1905 г.); 2) «В сороковых годах — историко-литературные очерки и характеристики» (М. 1899). Кроме этого, Чешихиным был издан ряд историко-литературных брошюр для народного чтения — о Кольцове (3 изд.), Никитине (2 изд.), Шевченко, Тургеневе, Гоголе, Некрасове. К столетнему юбилею А. С. Пушкина (1899 г.) им были подготовлены к печати избранные произведения А. С. Пушкина. Впоследствии в «Голосе Минувшего» Чешихин опубликовал много неизданных еще материалов о Г. И. Успенском. В 1923 г. был издан им сборник разысканий о Чернышевском.

В. Е. Чешихин сотрудничал во многих журналах и газетах, каковы: «Вестник Европы», «Русская Мысль», «Новое Слово», «Исторический Вестник», «Русская Старина», «Образование», «Артист», «Неделя», «Русская Жизнь», «Самарская Газета» (в ней он был фактическим редактором после вятской ссылки), «Нижегородский Листок», «Прибалтийский Край».

Специально с Вятским краем связаны 2 его статьи: «Воспоминания о глазовской ссылке В. Г. Короленко» (напечатана в нижегородском сборнике «Памяти В. Г. Короленко» в 1923 г.) и статья «Памяти П. А. Голубева» («Вестник Европы» 1916 г., май).

Значение В. Е. Чешихина, как литератора, писавшего главным образом под псевдонимом Ч. Ветринский, заключается в

¹ В 1899 г. Чешихин в г. Глазове принимал участие в комитете по устройству торжества в память столетия со дня рождения А. С. Пушкина.

популяризации литературных данных, а не в самостоятельной научно-методической работе¹.

Потресов А. Н. (1898—1900)

Литератор А. Н. Потресов родился в 1869 г., сын генерал-майора, был сослан в Вятскую губернию в возрасте 28 л. Николаем II 14 января 1898 г. по докладу министра юстиции на 2 года «за государственное преступление». В чем состояло это преступление, из дела не видно; из других материалов известно, что еще в 1895 г. он издал книгу Плеханова (под именем Бельтова) под заглавием «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» (СПб. 1895) и сборник статей под заглавием «Материалы для истории нашего хозяйственного развития» (СПб. 1895). Сборник этот был уничтожен цензурой. В следующем году Потресов издал книгу А. Волгина «Обоснование народничества в трудах г. Воронцова» (СПб. 1896).

Сблизившись в 1896 г. с с.-петербургским Союзом борьбы за освобождение рабочего класса, он в конце этого года был арестован, заключен в тюрьму и послѣ 13-месячного заключения выслан в Вятскую губернию.

Вятский губернатор хотел водворить его в г. Уржуме, но после того, как Потресов сослался на свою болезнь, заставляющую его прибѣгать к медицинским советам, Уржум был заменен ближайшим к Вятке г. Орловом, куда Потресов и прибыл 4 марта. Для совета с врачами Потресов с разрешения губернского начальства неоднократно приезжал в Вятку, а с августа 1899 г. здесь и остался до окончания ссылки.

Во время своей вятской ссылки Потресов усиленно занимался литературной деятельностью и вел обширную переписку. О трех статьях его, написанных для журналов «Начало» и «Новое Слово», выше было уже упомянуто. Что касается переписки, то Потресов вел ее главным образом с лицами, прикосновенными к социал-демократическим кругам: он имел, как он сам пишет в своих воспоминаниях, постоянные сообщения из Петербурга о марксистской литературной среде, а равно и о начавшемся в это время течении, известном под именем экономизма. В то же время он поддерживал письменные сношения с В. И. Лениным и Ю. О. Мартовым, находившимися в то время в ссылке в Сибири.

По воспоминаниям Потресова, в этой переписке ими наме-

¹ Дело о вятской ссылке В. Е. Чешихина в архиве не сохранилось; в описи оно значится под № 106 за 1896 г. (началось 14 ноября 1896 г., кончилось 23 октября 1899 г., на 66 листах). — Биографические и библиографические сведения о Чешихине помещены: 1) в словаре Общества любителей российской словесности, 2) в «Большой советской энциклопедии» и 3) в «Литературной энциклопедии», изд. Ком. Академии.

Некоторые биографические сведения нам сообщены дочерью покойного В. Е. Чешихина, проживающей в г. Москве, а также современником его по жизни в г. Глазове Г. Ф. Шубиным.

чалась общая линия будущей идеологической и политической кампании — в частности, было принято решение: всем трим взять на себя инициативу создания нелегального журнала и нелегальной газеты для борьбы с пороками социал-демократического движения, резко выявившимся в 1899 г.¹ Об участии его в протесте орловской партии ссыльных против «Credo» Кусковой выше было уже упомянуто.

21 декабря 1899 г. с Потресова, в виду близкого окончания срока его ссылки, была взята подписка о невъезде в обе столицы и С.-Петербургскую губернию. 20 января 1900 г. он выехал из Вятки в Тверь. Вскоре же он приехал в Псков, где и состоялось при участии В. И. Ленина и Ю. О. Мартова окончательное решение об издании за границей «Искры» и «Зари». По приезде за границу (в том же 1900 г.) Потресов сотрудничал в этих изданиях вплоть до революции 1905 г.

Статьи, напечатанные им здесь, вошли вместе со статьями, написанными в вятской ссылке, в состав его «Этюдov о русской интеллигенции».

В 1903 г. началось расхождение Потресова с В. И. Лениным, и Потресов оказался в рядах меньшевиков².

Гурвич Ф. И. (1898 — 1901)

Гурвич Федор Ильич родился в 1871 г. в Петербурге, сын провизора, по окончании Юрьевского университета (в 1896 г.) со званием лекаря, вел пропаганду в рабочих кружках с.-петербургского Союза борьбы за освобождение рабочего класса, был привлечен к дознанию по делу Союза и в 1898 г. выслан в Вятскую губернию на 3 года. Местным губернатором водворен в г. Орлове, где одновременно с ним проживали А. Н. Потресов, В. В. Воровский, К. И. Захарова, Н. Э. Бауман, В. Г. и Е. П. Громан и др. Вместе с этими ссыльными он принял участие в протесте против «Credo» Кусковой, присоединившись таким образом к протесту минусинцев, заявленному по инициативе В. И. Ленина, жившего тогда в енисейской ссылке, о чем выше уже было упомянуто. По окончании вятской ссылки Гурвич выехал за границу и принял участие в «Искре». Но здесь скоро обнаружилось его расхождение с В. И. Лениным, и Гурвич подобно А. Н. Потресову оказался в рядах меньшевиков.

Гурвич довольно много писал по вопросам социал-демократического движения (литературный и партийный псевдоним его—Дан). Перу его принадлежат: ряд статей в газете «Искра», брошюры: «Всенародное учредительное собрание», «Доклад делегации РСДРП Амстердамскому конгрессу», «Необходимое разъяснение о представительстве бунда на Амстердамском конгрес-

¹ «Социал-демократическое движение», стр. 347. В этой книжке, между прочим, опубликованы 3 письма В. И. Ленина Потресову в вятскую ссылку.

² Д. к. в. г. 1898 г. № 47/49. — Словарь Русского библиографического института Гранат. Н. К. Крупская. Воспоминания о Ленине. 1931.

се», ряд статей в журналах «Дело Жизни» и «Наша Заря» (меньшевистских изданиях) и книга «Два года скитаний», написанная после высылки его в 1922 г. за границу. Ныне состоит одним из редакторов «Социалистического Вестника»¹.

Дзержинский Ф. Э. (1898 — 1899)

Дзержинский Феликс Эдмундович родился в 1877 г., сын мелкого шляхтича. По выходе из 8 класса Виленской гимназии в 1896 г. вступил в Литовскую социал-демократическую партию. В начале 1897 г. партией был послан в Ковно (промышленный город) для агитаторской и организационной работы, но через полгода, по доносу рабочего, арестован и 12 мая 1898 г., по вменении в наказание предварительного заключения, Николаем II был выслан в Вятскую губернию на 3 года. После 2-месячного почти путешествия по этапу прибыл в Вятку и заключен в тюрьму, из которой через 19 дней губернатором был направлен в Нолинск. Здесь однако жил недолго. В наказание за строптивый характер, за влияние на некоторых лиц, бывших до того времени благонадежными, и за организацию продовольственной помощи проходящим по этапу политическим ссыльным 18 декабря 1898 г. был переведен в крайний северо-восточный угол Вятской губернии — в с. Кай.

Через 3 месяца (в марте 1899 г.) Кайское волостное правление донесло слободскому исправнику, что «Дзержинский занимается писанием многих жалоб и прошений, также и заявлений от крестьян во многие учреждения и должностным лицам», что редактируемые Дзержинским прошения и жалобы нередко получаются и в Кайском волостном правлении и волостном суде.

Узнав об этом из рапорта исправника, губернатор поручил последнему привлечь Дзержинского к ответственности, как уличенного в занятии адвокатурой, ему не разрешенной. В Кае же Дзержинский занялся пропагандою среди местного крестьянского населения. Интересны в этом отношении воспоминания кайгородского крестьянина Тарасова И. В. По его словам, Дзержинский сгруппировал вокруг себя нескольких молодых крестьян, давал им книжки для чтения, вел с ними беседы, которые иногда продолжались далеко за полночь. Результатом этой работы было то, что участники этих собраний из темных и забытых деревенских парней превратились в революционное ядро Кайского края; из них вышли руководители восстания и организаторы «Кайской республики» в 1906 г., а в 1917 г. они оказались активными участниками и руководителями революции и гражданской войны в кайском захолустьи. 28 августа 1899 г. Дзержинский на лод-

¹ Д. к. в. г. 1898 г. № 12. Ведомости о политических ссыльных Вятской губ. за 1899, 1900 и 1901 гг. Невский. Материалы для биографического словаря социал-демократов, вступивших в рабочее движение за период от 1880 до 1905 гг. вып. I, М. 1923, стр. 207—209. Н. Н. Попов. Очерк истории Всесоюзной коммунистической партии.

ке по р. Каме бежал из ссылки и успешно добрался до г. Варшавы, где ему довольно скоро удалось восстановить разгромленную социал-демократическую организацию; в феврале 1900 г. был арестован, а в октябре 1901 г. снова выслан, но уже не в Вятскую губернию, а Восточную Сибирь на 5 лет.

В июне 1902 г. бежал из Верхоленска за границу, где в 1902—4 гг. участвовал в партс'езде и конференциях. В 1905 г. участвовал в восстании в Новой Александрии. В 1906 г. уч. Стокгольмского с'езда; в декабре арестован. В 1908 г. приговорен к ссылке на поселение. В 1909 г. бежал из Канска, работал в Польше и за границей. В 1912 г. арестован и в 14 г. приговорен к 3 г. каторги, которую отбывал в Орловском центральном. В 1916 г. московским судом за партработу до каторги приговорен к 6 г. каторжных работ.

После Февральской революции на съезде РСДРП он избран членом ЦК партии, в Октябрьской революции принимал участие как член Военно-революционного комитета, а затем является организатором борьбы с контрреволюцией в качестве руководителя ВЧК (с 7 декабря 1917 г.), далее назначается народным комиссаром внутренних дел, а с 14 апреля 1921 г. и народным комиссаром путей сообщения. В 1924 г. был поставлен во главе ВСНХ СССР; скончался в 1926 г.¹

Бауман Н. Э. (1898—1899)

Бауман Ник. Эрнестович родился в 1870 г. По окончании Казанского ветеринарного института в 1897 г. привлекался к дознанию по делу с.-петербургского Союза борьбы за освобождение рабочего класса, заключен в Петропавловскую крепость, а затем, на основании высочайшего повеления 12 декабря 1898 г., выслан в Вятскую губернию на 4 года. Губернатор назначил местожительство Бауману в г. Орлове, куда он и прибыл 22 января 1899 г. В том же году 15 октября он скрылся из Орлова и бежал за границу, где принял деятельное участие в издании «Искры». В феврале 1902 г. был арестован в Воронежской губ. и отправлен в Киевский тюремный замок, но снова скрылся; в июне 1904 г. был вновь арестован и заключен в Таганскую тюрьму (в Москве), из которой выпущен после манифеста 17 октября 1905 г., но на другой день во время демонстрации убит черносотенцами.

Похороны его в Москве, по свидетельству очевидцев, были грандиозным событием, превышавшим все, что когда-нибудь

¹ Д. к. в. г. 1898 г. № 177. — Московский архив революции и внешней политики, фонд особого хранения № 34. — Воспоминания кайгородского крестьянина Тарасова И. В. «О встрече с Дзержинским («Вятская Правда» 1932 г. № 292). — «Вятская политическая ссылка», Вятка 1925 г., стр. 32—40. — Энциклопедический словарь Русского библиографического института Гранат (1 вып. 41 тома: «Деятели СССР и Октябрьской революции»).

могло нарисовать воображение: в похоронах участвовало свыше 100 тыс. человек¹.

Воровский В. В. (1898—1901)

Вацлав Вацлаво́вич Воровский, сын поляка дворянина, родился 27 октября 1871 г., в 1890 г. поступил в Московский университет, в следующем году перешел в Московское техническое училище, но не успел окончить в нем курса, так как занялся организацией в Москве первых рабочих кружков и распространением революционной литературы и воззваний. В 1897 г. 4 апреля, как член социал-демократического кружка, он был арестован и заключен в Таганскую тюрьму, а затем Николаем II 23 декабря 1898 г., по докладу министра юстиции, «за государственное преступление» выслан в Вятскую губернию. Губернатор назначил ему для жительства г. Орлов, куда Воровский прибыл 1 февраля 1899 г. В 1900 г., по ходатайству Вятской губернской земской управы, Воровскому разрешено выполнение чертежей для губернского земства; кроме того, он наблюдал за постройкой в г. Орлове здания женской гимназии; свободное от этих занятий время он отдавал литературной работе. В Орлове он написал статью, посвященную борьбе с оппортунистическими течениями (бернштейнианством и др.). Эта статья под скромным заголовком «Письмо в редакцию под № 1» была отпечатана в женевском издании — журнале «Жизнь» за 1901 г.

Из писем его к А. Н. Потресову, опубликованных в книге «Социал-демократическое движение», видно, что еще в орловской ссылке он начал работать над литературными темами; так, с 1899 г. он пишет статью по поводу героев (сильных личностей), выведенных в произведениях только-что выступившего на литературное поприще Максима Горького; в 1901 г. занят вопросом о вымирании хороших людей в драмах Чехова. Повидимому, уже в конце 1899 г. А. Н. Потресовым было сделано В. В. Воровскому предложение о литературном сотрудничестве в социал-демократических изданиях за границей, «Искре» и «Заре», в ту пору еще только намечавшихся в переписке между В. И. Лениным, Потресовым и Мартовым.

По отбытию трехгодичной ссылки он прибыл в Вятку, но через несколько дней отсюда уехал через Пермь за границу, в Германию и в 1903 г. после 2 съезда РСДП переезжает в Женеву, где принимает участие в «Искре».

После Октябрьской революции, в 1921 г., он был назначен полпредом в Рим; через 2 года скончался от пули фашиста Конради в Лозанне, куда он приехал в качестве секретаря советской делегации.

Воровский считается одним из лучших партийных литерато-

¹ Д. к. в. г. 1899 г. № 24. — Литература: «Вятская политическая ссылка», Вятка 1925, стр. 65—78. Невский. Материалы для биографического словаря социал-демократов. Москва 1923, стр. 73.

ров. По словам «Большой советской энциклопедии», после Плеханова Воровский является лучшим марксистским литературным критиком. Литературные характеристики, данные в свое время Воровским, остаются живыми и правильными и до сих пор. События эпохи империалистической войны и испытания пролетарской революции только подтвердили правильность этой характеристики и верность примененного им марксистского метода. Из его литературных произведений изданы отдельными книжками: 1) «Карл Маркс» (изд. «Прибой» 1917 г.); 2) «В мире мерзости и запустения» (изд. 1919 г.); 3) «К истории марксизма в России» (изд. 1919 г.); 4) «Литературные очерки» (1923 г.); 5) «Русская интеллигенция и русская литература» (изд. 1923 г., Харьков)¹.

Стучка П. И. (1899—1903)

Петр Иванович Стучка, кандидат прав С.-Петербургского университета, родился 14 июля 1865 г. в усадьбе Бирзек Кенкаузенской волости б. Лифляндской губернии. По окончании курса в университете он, состоя в Риге присяжным поверенным, в течение пяти лет был главным редактором латышской газеты «Диснас-Лала», являвшейся идейным центром так называемого нового течения, объединявшего радикальные и марксистски настроенные элементы латышской крестьянской интеллигенции и некоторую часть городского пролетариата; вместе со всем редакторским составом газеты он был арестован и выслан сначала в Витебск, а в 1899 г. в Вятскую губ. сроком на 5 лет.

4 августа 1899 г. он прибыл в Вятку и губернатором был назначен в г. Слободской. Еще до прибытия в Вятскую губернию 16 апреля он возбудил ходатайство о замене ему ссылки в Вятскую губернию ссылкой в одну из южных губерний. Департамент полиции затребовал из Вятки заключения по этому вопросу. Губернатор представил заключение врача г. Слободского (в котором к тому времени Стучка был водворен) в том смысле, что климатические условия г. Слободского не могут иметь вредного влияния на здоровье Стучки, и департамент полиции отклонил ходатайство Стучки. В сентябре 1901 г. губер-

¹ О вятском периоде жизни Воровского сведения взяты из д. к. в. г. за 1899 г. № 57, а также из писем В. В. Воровского к А. Н. Потресову, опубликованных в книге «Социал-демократическое движение в России» (М. 1928 г.). См. также статью И. И. Матвеева В. В. Воровский и вятская ссылка («Вятская Жизнь» 1924 г. № 2).

Сведения о Воровском изложены в исчерпывающей статье «Большой советской энциклопедии» (т. 13, стр. 138—144), а также в статье Энциклопедического словаря Русского библиографического института Гранат (1 вып. 41 тома, стр. 90—93: «Деятели СССР и Октябрьской революции»).

Далее следует указать: Ганецкий В. В. Воровский. М.—Л. 1925 г. Статья Кривцова в журнале «Под Знаменем Марксизма» 1923 № 4—5. Мещеряков. Литературная деятельность Воровского в Одессе («Печать и Революция» 1928 № 1).

натор перевел П. И. Стучку в Вятку. 20 ноября Стучка подал заявление о сокращении срока ссылки посредством зачета ему в ссылочный срок времени, проведенного им в витебской ссылке. Прощение было удовлетворено, и П. И. Стучка по окончании почти 4 лет ссылки был освобожден, причем ему не было установлено ограничений в избрании местожительства после ссылки.

Находясь в ссылке, П. И. Стучка выполнил для статистического отделения вятского губернского земства 4 статистические работы, из которых одна была напечатана в «Статистическом Ежегоднике Вятской губернии» за 1900 г. («Мобилизация земельной собственности в Вятской губернии в 1874—1899 гг.»), две в «Статистическом Ежегоднике» за 1901 и 1902 гг. («Естественное движение населения в Вятской губернии за 1892—1901 гг.», стр. 1—118, и «Мужское население в призывном возрасте по отчетам об исполнении воинской повинности», стр. 119—204) и одна статья: «Население» — в «Материалах по оценке земель Вятской губернии». Во время ссылки же им печатались в латышском марксистском журнале «Социал-демократ» (издававшемся в Берне) работы об аграрных отношениях в Прибалтийском крае, о политической свободе и др. В партии большевиков состоял с 1903 г. После Октябрьской революции П. И. Стучка был назначен народным комиссаром юстиции и членом коллегии Наркомата иностранных дел. В 1918—1919 гг. состоял представителем советского правительства в Латвии. В 1923 г. назначен председателем Верховного суда РСФСР и представителем коммунистической партии Латвии в Коминтерне. Скончался в январе 1932 г.

Из научных трудов его необходимо указать на следующие: 1) «Исследование об аграрной революции»; 2) перевод I тома «Капитала» Карла Маркса (на русском языке); 3) «Революционная роль права и государства». 1921 г.; 4) «Ученые о государстве и конституции РСФСР»; 5) «Конституция СССР в вопросах и ответах»¹.

Всеволожский В. А. (1899—1906)

Всеволожский Всеволод Алексеевич родился в 1873 г., из дворян, по окончании киевского реального училища поступил в Рижский политехнический институт. Состоял членом студенческого марксистского кружка, занимался переводами и собиранием статей социал-демократического направления; при обыске в сентябре 1897 г. у него было найдено большое количество рукописей по рабочему вопросу и социал-демократиче-

¹ Д. к. в. 1899 г. № 174/179 и 118/121. Ведомости о ссылочных Вятской губернии за 1899—1904 гг. Энциклопедический словарь Русского библиографического института Гранат. Приложение к 3—6 выпускам 41 тома «Деятели СССР и Октябрьской революции», стр. 128—129.

ская литература. В 1899 г. был выслан в Вятскую губернию на 3 года и водворен сначала в Яранске, а потом переведен в Вятку. В Вятке принимал участие в статистических работах Вятского земского бюро. В «Статистическом Ежегоднике Вятской губернии» ему принадлежат две статьи: «Цены на рабочие руки» и «Арендные цены на землю». В «Статистическом Ежегоднике» за 1901 и 1902 гг. помещена его статья «Цены на сельскохозяйственные продукты и скот в 1901 г.»¹.

Наконец, следует еще упомянуть о том, что в 1902 г. Николай II, по докладу министра юстиции от 15 мая, сделал распоряжение о высылке в Вятскую губернию на 2 года А. В. Луначарского «за противоправительственную пропаганду среди рабочих». Вятский губернатор уже назначил ему местом жительства г. Орлов. Но вскоре департамент полиции уведомил вятского губернатора, что министерство внутренних дел разрешило Луначарскому на полгода остаться в Вологодской губернии (в виде отлучки из Вятской губернии), а 26 декабря 1902 года А. В. Луначарскому Николаем II разрешено отбыть всю ссылку в Вологодской губернии. Так А. В. Луначарский и не побывал в Вятском крае до революции².

¹ Д. к. в. г. 1899 г. № 127. Невский. Материалы для биографического словаря социал-демократов, вступивших в российское рабочее движение за период времени от 1880 до 1905 г., Москва 1923.

² Д. к. в. г. 1902 г. № 118/125.

ГЛАВА IV

Вятская ссылка после революции 1905 года

Не успели еще уехать из Вятского края освобожденные революцией 1905 года политические ссыльные, как сюда начали приезжать новые политики. Первой жертвой был прислан Александр Федорович Бауман, 16-летний мальчик, высланный курляндским временным генерал-губернатором из Туккумского уезда Курляндской губ. за раздачу прокламаций солдатам. Просидев некоторое время в вятской тюрьме, он был отправлен на жительство в с. Кай, Слободского уезда, но вскоре по требованию помощника начальника губернского жандармского управления был вновь заключен в тюрьму, в которой просидел еще около 4 месяцев (с апреля по август 1906 г.). Хотя дело о раздаче им прокламаций в Курляндской губ. было прекращено, но вятский губернатор из тюрьмы вновь отправил его в ссылку и поместил в селе Лоине Слободского уезда; положение его здесь вследствие отсутствия средств содержания оказалось настолько тяжелым, что даже местный исправник просил губернатора выхлопотать Бауману возвращение на родину или перевести его из села в город или в завод¹.

В следующем 1906 году количество ссыльных в Вятском крае увеличивается. По описям архивных дел канцелярии вятского губернатора мы насчитали до 40 лиц, о высылке которых в Вятский край состоялось распоряжение. Но из этих 40 лиц немногие появились в Вятском крае. Несколько человек с разрешения департамента полиции выехали за границу или переправились в другие губернии; несколько человек, не доехав до Вятской губернии, скрылись, и, наконец, некоторых вятский губернатор не пожелал оставлять в Вятской губ. и предложил им уезжать в другое место².

¹ Д. к. в. г. 1905 г. № 194. Губернатор перевел Баумана в г. Слободской, откуда через полгода Бауману удалось бежать. Вскоре, однако, он был задержан и вновь водворен в Слободской уезд (д. к. в. г. 1907 г. № 1110).

² Д. к. в. г. 1906 г. №№ 19, 139, 140, 173, 183, 194, 223, 224, 225, 232, 236, 239, 240, 243, 285, 392, 393, 473.

В своем всеподданнейшем отчете за 1906 г. вятский губернатор включил в число ссыльных лишь 5 человек: врача Лисенко, бывш. преподавателя харьковской гимназии Падарина, А. А. Лучинина и двух крестьян Французовых, отданных под гласный надзор за подстрекательство к вступлению в Крестьянский союз, к неплатежу податей и неповиновение властям¹. В этом году в Вятском крае началось другое явление — высылка из губернии.

Вятский губернатор, предприняв усиленную чистку губернии от неблагонадежного элемента, на основании п. 14 ст. 16 положения об охране, в течение 2 лет выслал из губернии до 356 чел., в том числе довольно значительное количество земских служащих².

С 1907 г. ссылка в Вятский край принимает такие размеры, которых она не имела ни в 1860-х годах, когда правительство расправлялось с польским бунтом, ни в конце 1890-х годов, когда оно начало усиленную борьбу с развитием революционного движения в фабричных и заводских центрах.

Архивные дела канцелярии вятского губернатора дают нам следующее количество лиц, высланных из разных мест России в Вятскую губернию в одном 1907 году (по месяцам):

Январь	122
Февраль	340
Март	328
Апрель	319
Май	328
Июнь	542
Июль	408
Август	358
Сентябрь	346
Октябрь	264
Ноябрь	83
Декабрь	10
Итого	3448

Чем объясняется столь значительное количество ссыльных? Из архивных материалов видно, что очень многие лица подверглись высылке в Вятский край на основании п. 17 ст. 19 положения о местностях, состоящих на военном положении. Этот пункт, как известно, давал генерал-губернаторам или лицам, облеченным их властью, право высылать отдельных лиц во внутренние губернии империи с извещением о том министерства внутренних дел для учреждения за ними полицейского надзора на время не свыше продолжения военного положения³. Из тех же

¹ Д. к. в. г. 1907 г. № 38.

² Д. к. в. г. 1906 г. №№ 262, 267, 269 и др. См. также в Историко-революционном архиве список лиц, удаленных из Вятской губернии на основании п. 4 ст. 16 положения о государственной охране. Номера на деле нет.

³ Свод Зако., т. II, прилож. к ст. 23 Общ. губ. учр.

дел канцелярии вятского губернатора видно, что военное положение в 1907 г. в целях борьбы с революционным брожением было объявлено во многих местностях бывшей империи: в быв. Привислинском крае (10 губ.), Прибалтийском (3 губ.), в 3 кавказских губерниях и областях (Кутаисской, Тифлисской и Терской), в Одесском градоначальстве, Ростове-на-Дону с уездом, Харькове, Кременчуге, Белостоке. Так как генерал-губернаторы и облеченные их властью лица не были ничем ограничены в своем праве высылки, то само собой разумеется, что они пользовались этим правом в широких размерах.

Несколько в меньшем размере производилась высылка в Вятский край на основании ст. 34 положения о государственной охране. В этой статье говорилось, что высылка административным порядком частного лица, признаваемого вредным для государственного порядка или общественного спокойствия, производится по рассмотрении представления подлежащей (губернской) власти в особом совещании при министерстве внутренних дел и по утверждении постановления этого совещания только-что упомянутым министерством.

Если в этой статье еще указывались некоторые основания для высылки—именно признание того или иного лица вредным для государственного порядка и общественного спокойствия, то пункт 17 ст. 19 военного положения в этом отношении никакого указания не давал, вследствие чего в группе высланных по этому пункту оказывались самые разнообразные лица—и политические ссыльные в собственном смысле слова, и разного рода аферисты, спекулянты, уголовные преступники и т. д.

По телеграфным сведениям, сообщенным вятским губернатором в департамент полиции от 5 января 1908 г., в Вятской губернии к 1 января 1908 г. было высланных по п. 17 ст. 19 328 чел. и, кроме того, бежавших 440 чел.—всего 1 768 чел.; высланных по ст. 34 положения об охране числилось 659 чел. и бежавших из ссылки 295, всего 954 чел.¹ Цифра наличного количества ссыльных не исчерпывала всего количества высланных, так как многие из высланных к моменту сообщения сведений еще не прибыли в Вятскую губ. и в сведениях департаменту полиции были показаны ожидаемыми. Таким образом, из сказанного легко видеть, что далеко не все высланные в Вятскую губернию могли считаться в собственном смысле слова политическими ссыльными. О количестве последних сведения можно извлечь из списков (ссыльных), представленных уездными исправниками губернатору по установленному прежде порядку для всеподданнейшего отчета по губернии. Выборка и сводка сведений, извлеченных из списков ссыльных за 1907 г., дают следующие цифры:

¹ Д. к. в. г. 1907 г. № 771.

Уезды	Общ. кол. политич. ссыльных к 1908 г.	В т. ч. высланных на				Неизвестно
		5 л.	3 г.	2 г.	1 г.	
1. Вятский	1	—	—	—	—	1
2. Глазовский	490	2	159	320	6	3
3. Слабужский	3	—	—	2	—	1
4. Малмыжский	228	—	162	64	2	—
5. Нолинский	14	—	6	7	1	—
6. Орловский	111	—	50	59	2	—
7. Слободской	32	—	8	24	—	—
8. Уржумский	14	—	8	6	—	—
9. Яранский	1	—	—	—	—	1
Итого	894	2	393	482	11	61

Из этой таблицы видно, что число политических ссыльных в 1907 г. составляло примерно $\frac{1}{4}$ часть общего числа высланных в Вятскую губернию.

Размещение их по отдельным уездам отличается от прежнего. Теперь совсем не отдают ссыльных уезды Котельничский и Сарапульский; мало их в уездах Вятском и Яранском и очень немного в Нолинском и Уржумском. Главные массы их сосредоточены были в 4 уездах: Глазовском, Малмыжском, отчасти Орловском и Слободском. Котельничский уезд не имел ссыльных, вероятно, потому, что в виду проведения Северной железной дороги (в 1906 г.) уезд этот стал представлять значительные удобства для бегства ссыльных.

В пределах уездов ссыльные размещались теперь главным образом по сельским местностям. В Глазовском уезде наиболее значительное количество ссыльных мы видим по северным волостям: Гординской, Афанасьевской, Бисеровской и отчасти в Кестымской; по Слободскому уезду ссыльными пунктами служили села северной части уезда: Нагорское, Лоино, Кай. В Орловском уезде в начале 1908 г. ссыльные размещались в 25 сельских пунктах, наибольшее количество в селе Верходворском, Слудке и пр.

Продолжительность политической ссылки в рассматриваемый период несколько понижается. Пятилетний срок высылки является исключением (всего 2 случая), 4-летний срок — отсутствует; преобладающими являются 2-летний (482 чел., или 54% общего количества ссыльных) и 3-летний (393 чел., или 43,9%). 888 чел. получили в общем 2 164 года ссылки, что в среднем на каждого дает 2,4 г. Таким образом, средняя продолжительность ссылки, по сравнению с предыдущим периодом, понизилась, хотя и незначительно (вместо 2,8 — 2,4 года).

В числе причин ссылки в списках указываются: вредная деятельность, подстрекательство к аграрным беспорядкам, участие в аграрных беспорядках, руководство аграрным движением,

¹ Д. к. в. г. 1907 г. № 410.

принадлежность к революционным организациям, сношения с революционерами.

После 1907 г. высылка в Вятский край значительно сокращается; описи архивных дел дают нам следующее количество в с е х вновь высланных, как по ст. 34 положения о государственной охране, так и на основании п. 17 ст. 19 положения о местностях, состоящих на военном положении.

Было выслано:

Годы	Чел.
1908	847
1909	888
1910	41
1911	42
1912	37
1913	29

Итого 1884

Таким образом, за шесть лет высылалось по 314 человек в среднем за каждый год. Из этого все-таки в общем довольно значительного числа высланных к февралю 1913 г. оставалось 128 чел., в том числе: 1) 3 чел., высланных в порядке ст. 34 и п. 4 ст. 16 положения о государственной охране и подвергнутых административным взысканиям (гласному надзору полиции или воспрещению отлучки из места жительства) за участие в студенческих беспорядках; 2) 102 чел., подвергнутых в порядке ст. 34 положения о государственной охране тем же административным взысканиям за политическую неблагонадежность; 3) 23 чел., подвергнутых в порядке п. 4 ст. 16 положения о государственной охране ограничению в праве избрания места жительства (по постановлению генерал-губернаторов, где действовали особые правила об охране).

О размещении их по уездам и продолжительности их ссылки дает представление следующая таблица:

Уезды	К февралю 1913 г. в Вятской губ. было высл. (по группам)				В т. ч. высланных на					
	I	II	III	Итого	1 г.	2 г.	3 г.	4 г.	до 4 л.	Без указания срока
1. Вятский	3	3	—	6	—	3	3	—	—	—
2. Глазовский	—	27	10	37	4	4	11	7	1	10
3. Котельничский	—	—	1	1	—	—	—	—	—	1
4. Мамыжский	—	4	—	4	—	1	3	—	—	—
5. Нолинский	—	19	—	19	—	6	11	—	2	—
6. Орловский	—	9	1	10	—	1	7	1	1	—
7. Сарапульский	—	1	11	12	—	1	—	—	11	—
8. Слободской	—	25	—	25	—	21	4	—	—	—
9. Уржумский	—	14	—	14	—	7	7	—	—	—
Итого	3	102	23	128	4	44	46	8	15	11
в %	—	—	—	—	3	34	36	6	12	9

Из приведенных сведений видно, что за 6 лет (1908 — 1913) размещение ссыльных по территории губернии мало изменилось: попрежнему ссыльные сосредоточивались по преимуществу в 3 северных уездах губернии: Глазовском, Слободском и Орловском. Уезды Елабужский и Яранский совсем не имели ссыльных.

Преобладающий срок ссылки — 3 (36%) и 2 (34%) года; 4-летняя и 5-летняя ссылка все же не была изжита. 117 ссыльных получили в общем 262 года ссылки, или в среднем на человека 2,2 года.

В феврале 1913 г. по случаю празднования трехсотлетия дома Романовых были объявлены льготы политическим ссыльным: сосланные за участие в студенческих беспорядках были освобождены от ссылки (таких оказалось 3 чел.); освобождены также высланные на время не свыше 1 года, за исключением однако высланных: а) за участие в аграрных беспорядках, б) за поджоги и грабежи, в) за тайный перевод эмигрантов через границу, г) за насильственные действия против лиц, выходящих из общины на отруба, д) за эксплуатацию крестьянского населения с обходом евреями закона и е) за порочную деятельность (кроме общей политической неблагонадежности); таких оказалось 4 чел.

Лица, высланные по политической неблагонадежности на срок свыше 1 года, получили сокращение ссылки на 1 год (таких оказалось 19 чел.), и, наконец, лица, высланные в порядке п. 4 ст. 16 положения о государственной охране (по постановлению генерал-губернаторов) губернских местностей, где действуют особые правила об охране, освобождены от ссылки, если они провели в ней уже свыше 3 лет (таких оказалось 21 чел.). Таким образом, на основании этого манифеста получили освобождение или льготное сокращение ссылки 47 чел., или около 33% общего числа политических ссыльных.

В дальнейшем мы не видим уже усиления политической ссылки: с 1914 года начинается империалистическая война, а затем в виду военных неудач правительство уже ослабевает и не в состоянии бороться с поднимающейся революционной волной, которая и захлестывает его в феврале 1917 года.

С открытием военных действий Вятский край делается местом ссылки немцев, высланных сюда из разных городов империи. Обозрение этой ссылки не входит в нашу задачу.

Материальное положение ссыльных

Так как за рассматриваемый период громадное большинство ссыльных принадлежало к сословиям непривилегированным (мещанам и крестьянам), то вопрос о средствах содержания во

время ссылки для них был вопросом чрезвычайно существенным.

Те необходимые деньги, которые ссылкой удавалось взять с собой в ссылку, отбирались у них (под квитанции) еще во время следования с обещанием выдать деньги по приезде на место. Обычно эти деньги где-то застревали в пути, и ссылкой, приезжая на место водворения, оказывался без всяких денег. Политический ссылкой Б. А. Каминский в 1907 г. писал в местной газете «Вятская Речь», что у него еще в Московской центральной тюрьме отобрали взятые им в дорогу деньги с обещанием выдать их на руки в Вятке. Но здесь ему ничего не выдали и без копейки денег повезли в Нолинский уезд. И вот «прошло 50 дней со дня выдачи квитанции, а денег нет как нет». Автор публично спрашивает: «Где обретаются мои деньги и кто ими пользуется?»

«Из 13 ссылкой, проживающих вместе со мной в с. Ильинском, — продолжает он в открытом письме, — у 9 человек отобраны деньги под квитанцию, и они тоже голодают... Пред нами, ссылкой, в настоящее время стоит дилемма — или бежать без оглядки в те места, где можно найти применение своим интеллектуальным и физическим способностям, или же в ожидании получения собственных денег и казенной субсидии голодать. Говорят, что такое ужасное положение привело уже одного из ссылкой вблизи с. Кырчанского к трагическому концу. Молодой организм не вынес всех издевательств: он бросился в воду и утонул»¹.

Так как большинство ссылкой теперь было размещено по селам и деревням, то им было довольно трудно найти какую-нибудь работу, в особенности не в летнюю пору. Оставалась поэтому лишь одна надежда — на получение казенного пособия. Но в этом отношении перспективы были не блестящие: большинство ссылкой, как лица непривилегированные, могли рассчитывать лишь на получение так называемой арестантской дачи (т. е. 1 руб. 50 коп. в месяц), но и такое пособие получить было нелегко в виду сложности формальных требований, которыми была обставлена выдача пособия. Ссылкой должен был подать письменное прошение исправнику, который на основании прошения и опроса ссылкой должен был составить требовательную ведомость со сведениями о каждом ссылкой по 16 графам²

¹ «Вятский Край» 1907 г. № 140.

² Вопросы в ведомостях были такие: 1) фамилия, имя, отчество, звание по происхождению, а также по образованию, место родины, ремесло или профессия, возраст и семейное положение (холост или женат, имеет ли детей и в каком возрасте); 2) не лишен ли прав состояния; 3) место водворения; 4) если женат, то последовало ли семейство за поднадзорным в место его водворения; 5) выслан ли в определенную местность или избрал место жительства добровольно; 6) по какому распоряжению подчинен надзору полиции, с какого времени, по какой срок; 7) под каким номером

и особую расценочную ведомость одежным вещам, необходимым для каждого поднадзорного. В этой последней ведомости обозначались: название вещи, примерная сметная стоимость ее по местным ценам, срок, на который она испрашивается; в особой графе должно было отмечаться, было ли ранее разрешено пособие на одежду, когда именно, когда назначено пособие на содержание.

Так как число поднадзорных, подведомственных исправнику, в 1907 г. исчислялось сотнями, то составление и переписка столь детальных ведомостей требовали значительного времени. А затем ведомость шла в Вятку, по просмотре в канцелярии губернатора направлялась в департамент полиции, рассматривалась здесь, и только после этого на ссыльных отпускались соответствующие суммы. Результатом этого было то, что ссыльные очень долго не получали пособия и вынуждены были настойчиво осаждать исправника и губернатора просьбами или же заявлять в местной периодической печати.

В апреле месяце 7 политических ссыльных из рабочих шилсельбургского порохового завода послали вятскому губернатору полное упреков прошение о назначении харчевых и одежных денег.

«Что же вы дали для нашего продовольствия всего только 1 р. 80 коп. — пишут они. — Разве возможно продовольствоваться на эту сумму? Вы сами знаете и хорошо понимаете. В других губерниях выдают по 7 руб. 10 коп. харчевых и по 32 р. 95 к. одежных. Разве это вам не известно? Нет, вы знаете, но вы не хотите сделать так, чтобы народу было хорошо. Вы хотите, чтоб народ грабил и убивал людей по случаю голода. Но мы последний раз просим ваше превосходительство: если вы не дадите нам полного содержания харчевых и одежных, то мы будем громить и грабить казенные предметы, какие бы ни попали. И покорнейше просим ваше превосходительство: дайте ответ на наши прошения, не парьте вы их под сукном. Если вы не обратите никакого внимания, то мы лично явимся к вашему превосходительству и посмотрим вам в глаза, как вам будет прилично, что люди голодают и страдают ни за что; им на это никаких

показан в общей годовой ведомости поднадзорных, или прибыл вновь; 8) когда возбудил ходатайство о пособии; 9) имеет ли недвижимую собственность, получает ли с нее доход и не имеет ли других каких-либо источников дохода помимо личного труда; 10) способен ли к труду; имеет ли занятия временные или постоянные, получает ли за оные вознаграждение и в каком размере; если заработка не имеет, то не по зависящим ли от поднадзорного обстоятельствам или же по лености и привычке к праздности; если к труду не способен, то по каким причинам; 11) размер суточной арестантской дачи в месте водворения поднадзорного; 12) самому поднадзорному или кому-либо из числа его семьи испрашивается пособие; 13) с какого времени надлежит назначить пособие; 14) размер испрашиваемого пособия в месяц на содержание, на наем квартиры; 15) получал ли ранее пособие; 16) графа оставлялась для отметки департамента полиции.

результатов нельзя добиться — только обманывают и слагаются один на другого»¹.

Тон прошения, конечно, не понравился князю Горчакову, и он хотел было привлечь авторов его к уголовной ответственности за угрозу промочь и грабить казенные предметы, вследствие чего и переслал прошение прокурору окружного суда, но прокурор, возвратив прошение, разъяснил губернатору, что угроза, выраженная в прошении, сама по себе не составляет уголовного наказуемого действия.

Прошение, однако, имело и положительный результат. Устыженный губернатор возбудил перед министерством внутренних дел ходатайство об увеличении политическим ссыльным Вятской губернии денежного пособия на содержание. Очень скоро ходатайство это советом министров было разрешено в благоприятном смысле. На политических ссыльных Вятского края было распространено положение о пособии, действовавшее в Архангельской губернии, т. е. ссыльным низшего состояния (крестьянам, мещанам, купцам) назначено на содержание по 3 руб. в месяц (вместо 1 руб. 50 коп.); кроме того, им предоставлено право на получение квартирных в размере 1 руб. 50 коп. в месяц; лицам привилегированным было назначено по 9 руб. 70 коп. в месяц (вместо 4 руб. 50 коп.). В таком, т. е. увеличенном, размере пособие в Вятском крае начали выдавать с августа 1907 г.

В местной прессе в 1907 г. постоянно раздавались жалобы на невыдачу, или, точнее, на замедление в выдаче пособия. Так, в марте 1907 г. в газете «Вятский Край» печатается известие о том, что 150 политических ссыльных Орловского уезда послали члену Государственной Думы Алашееву телеграмму о неполучении ими казенного пособия².

Несколько позднее политические ссыльные Гординской волости Глазовского уезда в газете «жалуются» на то, что им не выдано казенное пособие³. В ту же газету в июне 12 политических ссыльных, проживавших в с. Лудяно-Экономическом Нюлинского уезда, пишут о своем безотрадном положении, одной из причин которого является голод⁴.

В июне в газете вновь появляется заметка о том, что прибывшие с Кавказа ссыльные в количестве 100 чел. голодают⁵, что несколько десятков ссыльных, прибывших из Западной России, Польши и Кавказа, пособия не получили⁶.

На почве задержки или отказа в пособии происходили иногда крупные столкновения ссыльных с полицией. Так, в апреле 1907 г. партия ссыльных, пришедшая в Орлов, не хотела идти

¹ Д. к. в. г. 1907 г. № 21.

² «Вятский Край» 1907 г. № 56.

³ Там же, № 100.

⁴ Там же, № 131.

⁵ Там же, № 144.

⁶ Там же, № 147.

дальше, пока не выдадут ей кормовые деньги; тогда становой пристав отдал распоряжение конным стражникам: «Бей прикладами». Стражники не замедлили выполнить распоряжение, «и вот, — читаем мы в газетном сообщении, — начались безобразные избиения, били по чему попало, били по лицу, по голове. Особенно досталось старику Фильцу и больному Бельвицу». Когда эти два ссыльных хотели сесть на подводу, то получили новые удары нагайками¹. Несколько позднее, в мае 1907 г., в том же городе Орлове происходит второе избиение, и опять в связи с кормовыми. Несколько политических ссыльных из Орловского уезда прибыли в г. Орлов за кормовыми и остались здесь на несколько дней. Когда они шли на квартиру в числе 7—8 человек, то были настигнуты конным стражником, который крикнул: «Врознь!». Они остановились и просили объяснить, в чем дело. Стражник с отборной руганью врезался в кучку мирно идущих молодых людей, причем среди них было несколько и девушек, и ударил некоторых нагайкой. Возмущенные таким поведением, они пошли к исправнику, на дворе которого были стражники. На вопрос, где помощник исправника, стражники разразились новой бурей ругательств, пересыпая их вполне нецензурными словечками и употребляя всевозможные оскорбительные эпитеты по адресу молодых людей. Через некоторое время пришел помощник исправника (Федоров); затопав ногами, он грубо закричал: «Вы мне надоели, убирайтесь отсюда, или я вас сейчас же вышлю».

Так, не добившись ничего, ссыльные возвратились на квартиру².

Выдача одежных денег политическим ссыльным также замедлялась.

Между тем многие ссыльные, прибывавшие из местностей сравнительно умеренного климата (из Западной России или с Кавказа) и не запасшиеся теплой одеждой, встретились в Вятском крае с холодной осенью и суровой зимой.

«Холодно, — пишут ссыльные в газете «Вятский Край», — одежных не выдают: то ждут распоряжения губернатора, то в казне ничего нет, то ссыльные из дому получают деньги и не нуждаются в пособиях — и опять отказ»³. В Уржуме 200 чел. ссыльных, назначенные к выезду по селам, не могут выехать за невыдачей одежных и кормовых. Большинство из них без теплой одежды и обуви, ходят в одних летних пиджаках, перемерзли (дело было уже в ноябре)⁴.

Воздействия на администрацию и чрез печать и чрез посредство членов Государственной Думы имели своим следстви-

¹ «Вятский Край» 1907 г. № 93.

² Там же, № 144.

³ Там же, № 217.

⁴ Там же, № 250.

ем то, что в этот период значительное число политических ссыльных было обеспечено пособием.

Из списка ссыльных, составленного исправниками за 1907 г., видно, что в Малмыжском и Уржумском уездах из ссыльных получили пособие—в первом 228, во втором 14; из 490 ссыльных Глазовского уезда получили пособие 314 (или 64%); из 32 ссыльных Слободского уезда пособие получили 18 (56%). В общем по упомянутым уездам до 75% ссыльных были обеспечены пособием на содержание¹. Что касается одежных денег, то с выдачей их обстояло не совсем благополучно и в следующем году. В 1908 г. из Орловского уезда сообщалось в газету «Вятская Речь», что некоторые ссыльные ходят в старых лаптях, другие шеголяют в одних голенищах².

В ноябре 1908 г. ссыльные, проживавшие в разных волостях Уржумского уезда, в числе 40 человек прибыли в Уржум за одежными, но отрядом стражников были выпровожены из города³. 26 октября 1908 г. в селе Большая Уча Малмыжского уезда происходил такой разговор политических ссыльных с приехавшим сюда становым приставом:

— Выдадут ли нам денег на одежду?

Пристав отвечает:

— Вам давай, не давай — все равно будете ходить оборванцами.

— Почему вы так думаете?

— Я с вами даже говорить не желаю, — сказал становой, затопал ногами и скрылся.

Описав в газете этот разговор, ссыльные ставят вопрос: «К кому же нам обращаться за разъяснением обстоятельств, касающихся нашей жизни, если не отвечает определенно исправник, не отвечает губернатор на прошения, а пристав с нами даже говорить не желает?»⁴.

Нужно заметить, что местная полиция относилась чрезвычайно враждебно ко всякого рода печатным заметкам о непорядках в выдаче пособия. В 1908 г. ссыльные Малмыжского уезда поместили в местной газете «Вятская Речь» коллективное заявление о задержке в выдаче им кормовых и одежных денег. В ответ на эту заметку местный становой пристав обрушился на одного ссыльного (Чачхнадзе) целым потоком брани, а другой ссыльный (Кудинов) местным исправником был немедленно переведен из большого села (Вятских Поляна) в небольшую деревушку Ачал Буза, причем пристав заявил ему, что не примет от него никаких просьб ни лично, ни через урядника. В виду этого ссыльный Кудинов в газете поместил свое прошение пристава — немедленно выслать ему вещи, оставленные по распо-

¹ Д. ж. в. г. 1907 г. № 1110.

² «Вятская Речь» 1908 г. № 119.

³ Там же, № 220.

⁴ Там же, № 202.

ражению пристава без всякого присмотра в с. Вятских Полянах, и не задерживать выдачу выписываемых им газет: «Русских Ведомостей» и «Вятская Речь», а своевременно отправлять их по новому адресу ¹.

Неурядица в выдаче политическим ссыльным пособия не была изжита даже к тому времени, когда число ссыльных в Вятском крае значительно сократилось. В декабре 1910 г. из с. Косы Слободского уезда ссыльные пишут в местную газету: «Не выдают одежных, несмотря на телеграммы и просьбы. В прошлом году выдавали их в начале октября, а ныне в конце ноября приходится ходить в старье, в порванных сапогах и в старых летних рубахах» ². Из Глазовского уезда ссыльные 7-го и 8-го участков 1-го стана в 1909 г. жалуются на несвоевременную, запоздалую выдачу одежных денег. Пристав выдает эти деньги лишь в конце сентября, между тем в ноябре здесь уже зима, а на рынке в это время ничего не купишь ³. Из 7-го стана Слободского уезда ссыльные делают заявление о недостаточности зимних одежных денег и летних. Из другого района того же Слободского уезда (Островновской вол.) 28 политических ссыльных в открытом письме в редакцию указывают на задержку в выдаче пособия: прибывшим с 1 числа ноября было выдано одежных по 20 руб., а прибывшим в декабре 1908 г. и январе 1909 г. пособия не выдают. Ссыльные просят расследовать это дело и упразднить существующие неурядицы ⁴.

Неурядицы эти отчасти происходили оттого, что министерство стремилось сократить сумму расходов по выдаче пособий ссыльным. Секретным циркуляром губернаторам от 4 декабря 1909 г. министр внутренних дел обращает внимание на то, что некоторые губернаторы спрашивают на 1910 г. громадные кредиты, что к декабрю 1909 г. на содержание поднадзорных израсходовано уже 1 781 504 руб., что, очевидно, пособия назначаются на местах без соблюдения преподаанных министерством указаний. Министр вновь излагает сущность правил о назначении пособий (изданных еще в 1898 г.), причем дополняет свои разъяснения указанием на некоторые условия выдачи одежды ссыльным; он говорит, что если сроки носки вещей, на покупку которых административному ссыльному было выдано пособие, оканчиваются всего лишь за несколько месяцев до его освобождения от ссылки, то не следует назначать пособия ему на приобретение новых вещей, за исключением случаев крайней необходимости. В заключение министр предлагает губернаторам иметь самое строгое наблюдение за тем, чтобы денежное пособие не выписывалось на тех лиц, которые находятся в самовольной отлучке.

¹ «Вятская Речь» 1908 г. № 202.

² Там же, 1910 г. № 68.

³ Там же, 1909 г. № 199.

⁴ «Вятская Речь» 1909 г. № 133.

Распубликовывая это предложение министерства в своем циркуляре от 19 декабря 1909 г. за № 11474, вятский губернатор отмечает, что по некоторым уездам Вятской губернии пособие казны как на содержание, так и на заведение одежды назначалось всем поднадзорным без исключения, независимо от того, нуждается или не нуждается данное лицо, и что вследствие этого расход на содержание поднадзорных по Вятской губернии сильно увеличился и даже обратил внимание министерства внутренних дел¹. Затем, повторяя министерские указания о выдаче пособий, губернатор предупреждает чинов вятской полиции, что в случае обнаружения истребования и израсходования денег на лиц, находящихся в бегах, против виновных в неправильном расходовании денег будет возбуждаться уголовное преследование.

В заключение он предлагает исправникам и полицеймейстерам в ведомостях по испрошению кредита, кроме размера испрашиваемой суммы, непременно показывать число ссыльных привилегированных и простых, а самые требования присылать заблаговременно — не позднее 5 — 7 числа каждого месяца, предшествующего выдаче. «В противном случае, — грозит губернатор, — сведения эти мной будут требоваться от начальников полиции по телеграфу за их счет»².

19 декабря 1909 г. департамент полиции просит вятского губернатора на будущее время при ходатайствах об отпуске кредита на содержание поднадзорных доставлять в департамент сведения о числе поднадзорных, нуждающихся в пособия казны, и размерах фактически необходимой на этот предмет суммы, а равно и об остатке от прежних кредитов³. Распубликовывая это отношение департамента полиции, губернатор в циркуляре от 4 января 1910 г. предлагает доставить требовательные ведомости на вновь прибывшего лишь в том случае, если данное лицо не может существовать без казенного пособия⁴.

Стремясь под давлением министерства и губернатора к сокращению расходов на ссыльных, некоторые исправники Вятской губернии не хотели выдавать пособия тем семьям административно ссыльных, которые приехали в место ссылки спустя некоторое время после водворения ссыльных. Хотя в циркуляре от 8 января 1909 г. губернатор разъяснил неправильность такого взгляда, тем не менее некоторые исправники продолжали отклонять ходатайства поднадзорных о выдаче пособий их женам, мотивируя отказ тем, что поднадзорные вызвали свои семьи за свой счет и без разрешения начальства.

¹ Последнее утверждение губернатора не соответствовало действительности: министерство в своем циркуляре не называло ни Вятской губернии ни какой другой в отдельности, а говорило вообще о губерниях.

² Циркуляры о поднадзорных, л. 66—67.

³ Циркуляры о поднадзорных, л. 69.

⁴ Циркуляры о поднадзорных, л. 70.

Секретным циркуляром от 15 октября 1909 г. вятский губернатор предписал начальникам полиции немедленно удовлетворять ходатайства поднадзорных о выдаче прибывшим их семьям казенного пособия на кормовое и квартирное довольствие, если эти семьи по местным условиям лишены возможности прокормить себя собственным трудом и не могут существовать без казенного пособия¹.

Теперь посмотрим, насколько значительны были расходы по выдаче ссыльным денежного пособия на содержание. Как видно из ежемесячных рапортов уездных исправников, на пособие поднадзорным были израсходованы в 1911 г. следующие суммы:

Месяц	Число ссыльных, коим выдано пособие	Сумма пособия в рублях	Месяц	Число ссыльных, коим выдано пособие	Сумма пособия в рублях
1. Январь	300	2420	7. Июль	233	1876
2. Февраль	273	2275	8. Август	225	1758
3. Март	269	2133	9. Сентябрь	199	1396
4. Апрель	247	2031	10. Октябрь	127	1108
5. Май	245	1988	11. Ноябрь	129	1073
6. Июнь	238	1929	12. Декабрь	129	1073
Итого					21060

Итак, в 1911 г. на выдачу пособий поднадзорным израсходовано 21 060 руб., или в среднем по 1753 руб. в месяц; на каждого ссыльного приходилось в среднем по 8 руб. в меслц. Сравнительная незначительность этой средней суммы пособия объясняется тем, что громадное большинство ссыльных (до 95%), как принадлежавших к «простым», получали пособие в размере 3 руб. на содержание и 1 руб. 50 коп. квартирных, а также и тем, что не пользовались пособиями их семьи, оставшиеся на родине. Кроме этого, ссыльным выдавали пособие на летнюю одежду, в размере около 4 руб. 40 коп. на человека, а также на заведение зимней одежды, в размере до 25 руб.² Последнее пособие исчислялось из следующего расчета: суконная шапка 1 р. 21 к., рукавицы 50 коп., варежки 25 коп., рубаха 2 руб., порты 1 р. 40 к., брюки суконные 2 р. 30 к., баранья шуба 5 руб., армяк 5 р. 50 к., пояс 30 коп., сапоги 4 р. 50 к. и онучи 20 коп.³.

Надзор за ссыльными

В рассматриваемый период для надзора за ссыльными вятская администрация располагала довольно значительным составом стражников с урядниками; при сопровождении ссыльных

¹ Циркуляры о поднадзорных. л. 61.

² Д. к. в. г. 1911 г. № 73.

³ Д. к. в. г. 1912 г. № 71.

в пределах губернии теперь допускалось надевание на них ручных кандалов¹. Однако администрация оказалась не в состоянии уследить за всеми ссыльными и предупреждать их побег с места ссылки. Напротив, побег теперь принимают, если можно так выразиться, массовый характер. По сообщением местной газеты из 2 000 ссыльных, прибывших в Вятскую губ. до 22 мая 1907 г., за последние 2 месяца ушло 50—100 человек².

Через несколько дней та же газета отмечает, что когда для партии ссыльных в 22—25 чел., прибывшей в дер. Кез (Глазовского у.), местные жители отказались дать помещение, то она, прожив 1½ суток, разбежалась: из 25 человек осталось только 2. Характерна следующая добавка к этому газетному сообщению: «и в других местах положение политических ссыльных нелучше, и местное начальство советует бежать»—и ссыльные бегут целыми табунами»³.

К 15 июля 1907 г., как видно из ведомости глазовского исправника, из 13 привилегированных ссыльных и 605 простых находились в бегах 1 привилегированный и 145 простых, а орловский исправник показал скрывшихся 22 привилегированных и 168 простых ссыльных, всего 190 человек. Через полмесяца к этому числу он прибавил еще 18 чел. (1 привилегированного и 17 простых)⁴.

От 7 августа 1907 г. вятский губернатор циркулярно предложил начальникам полиции Вятской губернии безотлагательно привлечь к суду всех поднадзорных, бывших в бегах, и списки таких поднадзорных представить в самом непродолжительном времени⁵.

Но мера это мало помогла делу, тем более, что многих поднадзорных и нельзя было привлечь к суду, так как они были в бегах.

На 1 января 1908 г. из 2 562 ссыльных Вятской губернии в бегах оказалось 775 лиц (34% общего количества ссыльных). Против массового побега ссыльных, наблюдавшегося, повидимому, и в других губерниях России, министерство внутренних дел принимает ряд мер, имевших в виду некоторое устрашение поднадзорных. Циркуляром от 31 января 1908 г. оно объявило по губерниям, что «время, проведенное поднадзорными ссыльными в бегах, не должно быть засчитываемо им в срок высылки

¹ В газете «Вятская Речь» за 1897 г. № 185 сообщалось, что когда в Малмыжский уезд прибыла на пароходе партия ссыльных в 110 чел., то на пристани она была встречена солдатами с винтовками и ручными кандалами.

В описываемом случае ссыльные не позволили надеть на них эти кандалы, но, очевидно, в то время надевание кандалов было явлением нередким.

² «Вятская Речь» 1907 г. № 109.

³ «Вятская Речь» 1907 г. № 115.

⁴ Ведомости о ссыльных в Вятской губернии за 1907 г.

⁵ Циркуляры о поднадзорных в Вятском истор. архиве, л. 47.

и гласного надзора полиции»; в тех же случаях, когда побег сопровождался особыми, усугубляющими это нарушение, обстоятельствами, или когда обнаружится, что скрывшийся под надзором вновь проявил опасную для государственного спокойствия деятельность, губернатором могут быть возбуждаемы в порядке ст. 34 положения о государственной охране ходатайства о продлении бежавшим срока ссылки или даже о переводе их под гласный надзор полиции в более отдаленные губернии¹.

6 марта 1908 г. департамент полиции просит вятского губернатора доставлять все необходимые данные о подлежащих повсеместному розыску лицах в виде составленных по особой форме розыскных ведомостей, а 7 июля того же года предложил представлять краткие сообщения о побеге поднадзорных, высланных в Вятскую губернию в порядке ст. 34 положения о государственной охране и п. 17 ст. 19 правил военного положения².

Но распоряжения эти в Вятской губернии оказывались мало действительными. В этом министерство могло убедиться из цифровых данных, сообщенных в департамент полиции вятским губернатором о количестве лиц, высланных в Вятскую губернию в порядке военного положения. По подсчетам исправников на 1 декабря 1909 г. в Вятском крае оставалось высланных из тех местностей, где еще не было снято военное положение, 125 чел.; кроме того, 96 чел. находилось в бегах, всего 221 чел. Наконец, 448 высланных даже и не явились сюда, в Вятскую губернию. На эту последнюю группу вятская администрация, что называется, махнула рукой, и вятский губернатор предложил исправникам снять со счетов не явившихся из тех местностей, где военное положение уже было снято. Таких лиц насчитывались сотни. Что же касается политических ссыльных в собственном смысле, то министерство внутренних дел все еще продолжало рассылать напоминания о более строгом надзоре за ними. Так, секретным циркуляром от 5 сентября 1909 г.³ оно воспретило губернаторам отправлять их в другие губернии по требованию судебных властей в качестве свидетелей; в тех случаях, когда о доставке поднадзорного в качестве обвиняемого просят земские начальники, уездные съезды, съезды мировых судей или уездные члены окружных судов, губернатор должен был входить в сношение с департаментом полиции, который в каждом отдельном случае должен был устанавливать, не представляется ли данное судебное дело слишком мало важным для того, чтобы могло быть допущено нарушение непрерывности отбывания административной высылки, и лишь по требованию судебных следователей, окружных судов, судебных палат и начальников жандармских управ-

¹ Циркуляры о поднадзорных, л. 52.

² Там же, л. 34.

³ Дело Истор.-револ. архива Вятской губ. (без номера) за 1909 г.

лений поднадзорные должны быть отправляемы в те места, куда они приглашаются в качестве обвиняемых к предварительному следствию или формальному дознанию, производящемуся в порядке 1035 ст. Уст. угол. суд., причем, если им угрожало наказание, сопряженное с лишением или ограничением прав или если им оставалось пробыть под гласным надзором полиции еще более 6 месяцев, то они подлежали отправке этапным порядком¹.

От 9 марта 1913 г. министерство внутренних дел вновь разъясняло губернаторам, что время, проведенное скрывшимися из-под надзора лицами (независимо от того, были ли они затем задержаны или возвратились добровольно), не должно быть засчитываемо им в срок высылки и гласного надзора полиции; назначенный срок каждый поднадзорный обязан отбывать полностью².

В целях розыска лиц, скрывшихся от надзора полиции, вятский губернатор циркуляром от 31 октября предписывает всем подведомственным исправникам «непрерывно продолжать вести при полицейских управлениях непрерывные алфавиты розыскиваемых лиц по карточной или хотя бы по дуговой системе с обязательным включением розыскиваемых лиц в эти алфавиты; немедленно по получении на месте розыска циркуляра департамента полиции»³.

Кроме того, губернатор предлагает исправникам установить особое наблюдение со стороны чинов полиции в пунктах, расположенных на обычных путях, по которым совершаются побег, а розыскные ведомости о бежавших доставлять губернатору без всякого промедления, сообщая в то же время о побеге лиц подлежащим властям по месту родины бежавших⁴.

От 11 января 1914 г. департамент полиции в интересах ускорения получения сведений о случаях бегства ссыльных решил даже нарушить установленную с давних времен в губерниях служебную субординацию и потребовал, чтобы уездные исправники представляли непосредственно в департамент полиции (т. е. минуя губернатора) розыскные ведомости о поднадзорных лицах, а губернатору сообщали лишь сведения о времени побега политического ссыльного, его имени, отчестве и фамилии⁵.

В 1913 г. из лиц, подвергнутых в порядке ст. 34 положения о государственной охране гласному надзору полиции, в Вятской губ. состояло 102 человека, а в бегах числилось 250 чел., т. е.

¹ Циркуляры о поднадзорных, л. 82.

² Там же, л. 88.

³ Там же, л. 101.

⁴ Циркуляры о поднадзорных, л. 101.

⁵ Там же, л. 118. Упомянем еще о циркуляре министра внутренних дел от 15/II 1915 г. о необходимости прекратить передвижение политических ссыльных из одной губернии в другую без разрешения департамента полиции.

число бежавших было в 2½ раза более числа наличных ссыльных¹.

Словом, вятской администрации за этот период так и не удалось изжить бегства ссыльных из мест, назначенных им для жительства.

Помимо предупреждения случаев бегства ссыльных, внимание вятской администрации и полиции направлено было к тому, чтобы не допускать влияния ссыльных на население Вятского края посредством нелегальной литературы, причем под этим словом разумелись не только различные прокламации, изготовлявшиеся в нелегальных типографиях или на гектографах, но и издания, напечатанные в свое время в легальных типографиях, но считавшиеся администрацией неблагонадежными и вредными (издания «Донской Речи», «Молота» и др.).

Для достижения этой цели местная администрация прибегала к различным средствам: с одной стороны, она старается возбудить местное население против ссыльных, натравить, что называется, его на ссыльных; с другой стороны, жестоко преследует всякого рода попытки политических ссыльных к активному влиянию на население.

С приемами натравливания населения против ссыльных знакомят нас отчасти местные газеты, выходявшие в Вятке после революции 1905 г. В 1907 г. орловский исправник Зезюкин секретно объявил местным торговцам, что ссыльные везут с собой фальшивых денег на 2 000 рублей в монетах по 50 и 15 коп.² Выдумка исправника, явно нелепая, была рассчитана, очевидно, лишь на легковерие невдумчивой публики. В самом деле, во время следования по этапу ссыльные столь часто подвергались обыскам, что им было, конечно, невозможно укрыть даже и небольшое количество денег. Более или менее вдумчивый слушатель мог бы поставить исправнику вопрос: если вы знаете, что ссыльные везут деньги, и вы даже пересчитали их (насчитав до 2 000 руб.), то почему же вы оставили эти деньги в обращении?

В том же 1907 г. в селе Зюздино-Афанасьевском Глазовского уезда, расположенном в одной из самых глухих местностей губернии, местный урядник в чайной обществу трезвости однажды объявил: «Эй, вы, слышите, если кто из этих ссыльных войдет к вам в избу да не перекрестится, палкой его по голове, гоните вон его из избы по шее и не смей им давать что-нибудь»³. В 1910 г. из нескольких пунктов Слободского уезда ссыльные заявляли о том, что подстрекатели возбуждают крестьян против ссыльных, внушая им: «бей ссыльных, за них отвечать не будете; они лишены прав, за погром ссыльных лишь похвалят крестьян, а не накажут»⁴, а проживавшие в селе Заеве и Полеме

¹ Д. к. в. г. 1913 г. № 27.

² «Вятская Речь» 1907 г. № 102.

³ Там же, 1907 г. № 122.

⁴ «Вятская Речь» 1910 г. №№ 51, 184, 274.

Слободского уезда ссыльные вынуждены были телеграфировать члену Государственной Думы Чхеидзе: «Просим заступиться, подстрекаемые крестьяне безнаказанно избивают ссыльных, администрация бездействует»¹.

За попытки влиять на местное население администрация и полиция обрушивались на политических ссыльных всем своим аппаратом. В Уржумском уезде в 1907 г. был организован союз ссыльных Уржумского уезда. Согласно уставу, выработанному на съезде ссыльных, союз имел целью объединение всех ссыльных для оказания товарищам в ссылке материальной и нравственной поддержки, а также поднятие умственного и нравственного уровня населения.

Бюро союза находилось, повидимому, в с. Черемисский Турек. Бюро успело выпустить на гектографе несколько воззваний, на 15 и 16 декабря 1907 г. устроило в Уржуме собрание членов съезда.

Узнав об организации союза, полиция произвела обыск в квартирах некоторых ссыльных (Старченко, Уранкевича и др.), причем обнаружила нелегальную литературу, устав союза и кое-какую переписку по делам союза.

Началось дознание, а затем следствие. В сентябре 1909 г. Казанская судебная палата приговорила ссыльных Старченко и Кукушкина к заключению в крепость первого на два, а второго на три года, Маукина — к ссылке в Сибирь на поселение по лишению всех прав; крестьянина Шустова, распространившего прокламации, — к заключению в крепость на два года².

В Нолинском уезде местный исправник в 1907 г. перевел политического ссыльного М. И. Польского в село Богородское за пропаганду среди крестьянской молодежи и за устройство сходки в лесу около с. Сретенского; кроме того, подверг его аресту в нолинской тюрьме на 3 дня и просил губернатора продолжить этот срок тюремного заключения до 7 дней³.

В Орловском уезде у ссыльного Павла Тюкова, поселенного в дер. Власовой, местным становой приставом был произведен обыск; найдены 5 брошюр издания «Молота» и «Донской Речи» и бумаги, исписанные карандашом. Тюков заявил, что книги ему были кем-то даны, а относительно бумаг, принадлежащих ему, давать объяснения отказался. Становой арестовал Тюкова и отправил этапом к орловскому исправнику, который услаб Тюкова на жительство на север Орловского уезда, в Слудскую волость. Кроме того, дело было передано товарищу прокурора, который, однако, в отобранных брошюрах не нашел повода к производству следствия⁴. Особенно характерный случай произошел

¹ Там же, 1910 г. № 51.

² Д. Вятского губ. жанд. управления 1908 г. № 51 и 79. — «Вятская Речь» 1909 г. № 200.

³ Д. Вятского губ. жанд. управления 1907 г. № 53, л. 552.

⁴ Д. Вятского губ. жанд. управления 1909 г. № 77.

в Слободском уезде. У ссыльного Киладзе, кавказского уроженца, поселенного в с. Нагорском, 25 октября 1910 г. был произведен обыск, причем найдено было несколько брошюр издания «Донской Речи». На другой день урядник составил акт об отобрании этих брошюр, а ссыльный был вызван в волостное правление, где допрашивавший его исправник пригрозил ему загнать его в такое место, где будут «драть» его. Затем у Киладзе были произведены еще 2 обыска, обнаружившие еще несколько печатных брошюр — издания «Посредника» (соч. Льва Толстого, Виктора Гюго и Максима Горького) и несколько тетрадок с заметками на русском и грузинском языках. После этого ссыльный был заперт на замок в волостном правлении. Отсюда его направили в с. Полом к становому приставу, который опять производил допрос; на третий день Киладзе был перевезен в гор. Слободской и посажен в клоповник при полицейском управлении. Через сутки его переслали в с. Косу, где он прожил около 2 недель; затем, по предписанию губернатора, Киладзе арестовали и отправили опять в Слободское полицейское управление, где он просидел несколько суток, причем исправник пригрозил загнать его в самую глушь Слободского уезда. Затем отправили его в вятскую тюрьму, где он полуголодный просидел 7 суток среди уголовных в небольшой камере. Отсюда он был направлен этапным порядком в гор. Глазов, а отсюда в село Бисерово Глазовского уезда, в 175 вер. от Глазова.

Изложив историю своих скитаний после полицейского обыска, ссыльный Киладзе писал: «Для чего понадобились эти мытарства, это ни мне, да, вероятно, и никому другому не известно»¹.

Само собой разумеется, что вятская администрация сурово относилась ко всякого рода демонстративным выступлениям ссыльных. В 1907 г. в гор. Нолинске происходили похороны ссыльного, на гроб был положен венок с надписью «Жертве произвола — от товарищей». Были произнесены речи, спета марсельеза и несколько революционных песен. Исправник теперь уже не решился срывать с гроба венок с надписью, как это сделал его предшественник за 7 лет перед тем, но по отношению к участникам в похоронах были приняты другие меры возмездия: за участие в похоронах и речь над гробом губернатор оштрафовал 15 политических ссыльных по 500 руб. каждого с заменой 3-месячным заключением в тюрьму².

¹ «Вятская Речь» 1911 г. № 32.

² «Вятская Речь» 1907 г. № 195. Кроме того, за пение революционных песен при похоронах бывшая учительница Е. К. Назарьевская отбыла арест при тюрьме (д. Вятского губ. жанд. управления 1907 г. № 4).

ГЛАВА V

После ссылки

Очерк вятской политической ссылки был бы не полон, если бы мы не затронули еще одного вопроса, тесно связанного с ней, — именно вопроса о последствиях ссылки лично для самих бывших ссыльных в их дальнейшей жизни.

Последствия эти бывшими политическими ссыльными начинали чувствоваться с первого же дня по окончании ссылки, в той или иной мере отражались в последующее время, иногда прекращались только со смертью их.

Освобождение от ссылки в эпоху Николая I часто отнюдь не означало, что человеку предоставлена полная свобода: бывшие ссыльные возвращались на родину в сопровождении жандармов. Так, 24-летнего поляка Тарашкевича, пробывшего в вятской ссылке с 1835 по 1842 г., т. е. 7 лет, при возвращении на родину сопровождает жандарм¹. Поляки Велиобицкий и Рожнецкий в 1839 г. отправляются в избранные ими после вятской ссылки места (первый в Полтавскую губ., второй в Казань) с особым нарочным (тоже, очевидно, полицейским)². Даже 60-летний поляк Мадалинский, проживший в вятской ссылке 11 лет, отправлен губернатором на родину (в Житомир) с жандармом, хотя «по дряхлости лет и совершенно расстроенному здоровью» он, казалось, не мог возбуждать каких-либо опасений. Получив разрешение уехать из места ссылки в декабре 1843 г., он не мог уехать в назначенное время и просил отсрочить ему отъезд до теплого весеннего времени и уехал только в июне³. При Александре II, когда число политических ссыльных в Вятском крае значительно увеличилось, проводы жандармами освобожденного от вятской ссылки уже прекратились, но бывший ссыльный и теперь все-таки не мог совершенно свободно располагать собой; у ссыльных отбирались паспорта, виды на жительство, свидетельства, аттестаты и вообще всякого рода документы и препровождались по почте губернатору той губернии, куда тот или иной бывший ссыльный предполагал ехать.

¹ Д. к. в. г. 1835 г. № 10.

² Д. к. в. г. 1838 г. № 13.

³ Д. к. в. г. 1832 г. № 2.

Такая практика была вновь подтверждена циркуляром министерства внутренних дел от 13 февраля 1882 г. Правда, вышедшее через месяц после этого положение о полицейском надзоре 12 марта 1882 г. вменяло полиции в обязанность возвращать документы ссыльных на руки при освобождении из-под надзора (ст. 39), но циркуляр министерский оказался сильнее закона; прежняя практика продолжала существовать и даже в 1889 г. была подтверждена новым циркуляром министерства (от 16 декабря) и лишь в 1905 г., за месяц до революции, была отменена.

Далее, при освобождении от ссылки бывший политический ссыльный был ограничен в праве избрания места жительства. Обычно бывшим политическим запрещался въезд в столицы и столичные губернии; поляки, освобожденные от вятской ссылки, кроме того, были лишены права возвращаться на родину (в Западный край или в царство Польское). К концу XIX века список местностей, куда бывшие политические ссыльные не могли въезжать, для некоторых, по крайней мере, лиц чрезвычайно разросся. Так, в марте 1902 г. политическим ссыльным Вятской губ. (Никитину, Рыжову, Олешкевичу, Кобылинскому, Гансецкому) было объявлено о воспрещении жительства в 2 столицах, 15 провинциальных городах (даже 2 городах сибирских), 20 губерниях полностью и 1 частично (Белостокский уезд Гродненской губ.) и 2 местечках.

Только в декабре 1904 г. министерство внутренних дел отказалось от ограничения ссыльных в праве избрания ими места жительства.

Чрезвычайно характерны соображения министерства, приведшие к отмене этой меры и сообщенные циркулярно на места губернаторам и начальникам полиции. «Воспрещение бывшему поднадзорному жительства в столицах и в С.-Петербургской губернии, — говорилось в этом циркуляре, — являлось нецелесообразным, так как при этом не обращалось внимания на то, что за время ссылки некоторые отличались безупречным поведением и успели отрешиться от своих прежних воззрений; с другой стороны, оно было и незаконно, так как, согласно устава о предупреждении и пресечении преступлений (прилож. 1 к ст. 1, примеч. 2), вопрос об административной высылке лица из данной местности должен по представлению местной власти рассматриваться в особом совещании, образованном согласно ст. 34 Положения об охране».

Кроме этого, в отношении бывших политических ссыльных министерство довольно долгое время практиковало другую незаконную меру — внесение в паспорта отметок об ограничении в праве повсеместного жительства или вообще о поднадзорности. По закону же в паспортах или видах на жительство могли отмечаться последствия только судебных приговоров, а не административных распоряжений. Отметка об административных ограничениях делала паспорт в полном смысле слова волчьим, так как слу-

жила большим препятствием к поступлению на службу. И лишь в 1899 г. (циркуляр от 25 ноября за № 13404) министерство распорядилось, чтобы на будущее время не вносилось в паспорта таких отметок¹.

Далее, бывшего политического ссыльного правительство подчиняло не г л а с н о м у надзору полиции — как общей (внешней), так и жандармской. Для того, чтобы этот негласный надзор мог быть осуществлен своевременно, полиция должна была сообщать в местное жандармское управление сведения о каждом лице, освобожденном от административной ссылки². Получив необходимые сведения о бывшем политическом ссыльном, жандармское управление устанавливало свою специальную слежку за ним.

Звание бывшего ссыльного и штемпель поднадзорности служили значительным препятствием к приисканию (после ссылки) средств существования. Так называемая государственная служба для бывших политических ссыльных была недоступна: на очень долгое время, а для многих навсегда. Сравнительно меньше препятствий администрация ставила к поступлению на земскую службу, и здесь много зависело от личного усмотрения, даже, может быть, каприза губернатора.

Полиновского вятский губернатор не пустил на земскую службу в конце 1860-х годов; Трощанский после вятской ссылки в половине 1870-х годов устроился в курском земстве. С 1880-х годов, после возникновения при губернских земствах статистических бюро (или отделений), для некоторых из ссыльных явилась возможность поступать на работу в эти бюро, но, конечно, с разрешения губернатора в каждом отдельном случае.

В тех случаях, когда бывший ссыльный не хотел обращаться к губернатору за разрешением или не надеялся на это разрешение, ему оставалось поступать только на частную службу — в конторы торговые, пароходные, железнодорожные агентства и т. д. Братья Короленко, после отбытия ссылки, начали свою службу с конторы нижегородского пароходства.

С другой стороны, не следует упускать из внимания того, что некоторые из высланных в Вятскую губернию после отбытия установленных сроков ссылки оставались в той же Вятской губернии в течение иногда довольно продолжительного времени. Поляк Витковский, например, служил врачом ординатором в Вятской губернской земской больнице; Ф. И. Донецкая была до своей смерти фельдшерницей в той же губернской больнице; из ссыльных 1897 — 1905 гг. Никитин, Всеволожский, Горбачев,

¹ Циркуляры о поднадзорных, л. 15.

² В начале XX в. вятский губернатор приказал начальникам полиции сообщать следующие сведения о каждом бывшем поднадзорном: фамилия, имя и отчество, звание и происхождение, вероисповедание, время и место рождения, место жительства, место воспитания (среднего и высшего), занятия и средства жизни.

Феофаров и др. работали в статистическом отделении Вятского губернского земства. Авейде, Якубовский, Векшин, Франчески навсегда остались в Вятской губернии.

Эти бывшие ссыльные, ознакомившись за время ссылки с общими условиями жизни в Вятском крае, имели возможность применить в нем свои знания с большими для дела результатами, в частности принять более широкое участие в революционной жизни края. Те из них, которые после отбытия ссылки не были активными участниками в революционном движении, разумеется, продолжали оказывать свое идейное сочувствие, подкрепляемое, когда это требовалось по местным условиям, материальными пожертвованиями, например, для помощи политическим ссыльным и заключенным или же просто в революционные фонды.

Ко всему этому нужно прибавить, что бывший ссыльный в своей дальнейшей жизни должен был быть всегда готов к разного рода административным сюрпризам — в виде обыска, ареста и т. д.

В поисках виновников всякого рода происшествий, имеющих «неблагонадежный характер», администрация прежде всего устремляла свое внимание на бывших политических ссыльных, которые и были первыми кандидатами на обыск и арест. В. Г. Короленко, едва только отбыл последовательно три ссылки: вятскую, пермскую и якутскую, как в первый же год своего свободного житья в Нижнем был внезапно арестован, увезен в Петербург и на целый месяц заключен в дом предварительного заключения¹. Если администрация так поступала с человеком, уже заявившим себя в печати художественными очерками и рассказами, то, конечно, еще менее она церемонилась с обыкновенными смертными.

То, что испытали бывшие вятские политические ссыльные после освобождения от ссылки, большей частью не нашло отражения в печати. По всей вероятности, мало материала об этом сохранилось и в архивах всех тех губерний, где бывшие вятские политические ссыльные поселились после ссылки. Если бы в свое время кому-нибудь пришла мысль собрать сведения по этому вопросу хотя бы о части ссыльных, то нет сомнения в том, что получилась бы печальная, порой, может быть, трагическая картина.

Это обстоятельство следует иметь в виду как при уяснении вопроса о русской политической ссылке вообще, так, в частности, и при чтении предлагаемого очерка.

¹ Пругавин. Административные мытарства в жизни В. Г. Короленко («Русские Ведомости» 1910 г. № 102).

Культурное значение вятской политической ссылки

Политическая ссылка, получившая сравнительно широкое применение в обширной Вятской губернии, несмотря на все попытки правительства и местной администрации изолировать политических ссыльных от всякого влияния на местное население, оказалась весьма значительным культурным фактором для местного края. Культурное значение ее выявилося главным образом в трех направлениях. Вятские политические ссыльные 1) сделали известный вклад в изучение сравнительно мало изученного Вятского края, 2) содействовали развитию здесь литературно-публицистической деятельности и 3) постепенно развивали среди местного населения революционное настроение и способствовали усилению революционного брожения.

Еще в 1830-х годах, в самом начале развития политической ссылки, мы уже видим некоторые попытки политических ссыльных изучать Вятский край.

А. И. Герцен, на долю которого выпало положить начало организации статистики в Вятской губернии, во время пребывания своего в Вятке пишет статистическую монографию о Вятской губернии. Правда, эта монография, представленная им в губернский статистический комитет, последним была утрачена, но часть ее была отпечатана в первых же номерах «Вятских Губернских Ведомостей», начавших выходить в свет с 1838 г.; он же несколько позднее в своем произведении «Былое и Думы» дал описание вятской жизни — главным образом административных губернских верхов.

Несколько позднее М. Е. Салтыков-Щедрин, проживший в Вятке в ссылке свыше 7 лет, посвятил Вятскому краю целый том своих «Губернских очерков», в котором описывает социальные условия быта вятского населения, раскрывает перед читателем взяточничество, казнокрадство, беззаконие и произвол вятских губернских властей.

В. Г. Короленко, несмотря на свое кратковременное пребывание в Вятской губернии (7 месяцев), оставил нам описание отдельного уголка этой губернии, куда забросила его судьба, — города Глазова и Березовских починков, в которых до того вре-

мени почти не бывал культурный человек. Его очерк «Ненасущий город» («Русское Слово» 1880 г.), открытое письмо по адресу вятской администрации (газета «Молва» № 282) и особенно «История моего современника» в части, касающейся Вятской губернии, служат единственным в своем роде источником сведений о жизни населения на этой окраине Вятской губернии 1870—1880 годов.

Н. А. Добротворский, заброшенный к коми (зырянам) б. Орловского уезда, впервые на страницах «Вестника Европы» (1884 № 3-4) познакомил читателей с этой небольшой горстью населения коми. Сделанное им описание коми б. Орловского уезда является единственным до самого последнего времени.

А. А. Андриевский, которому, благодаря благоприятному моменту, удалось получить доступ в вятские архивы, в течение своего 7-месячного пребывания в вятской ссылке выполнил целый ряд работ по истории Вятского края на основании архивных документов; кроме того, по местной газете («Губернские Ведомости») составил хронику событий в Вятском крае за 25 лет (1855—1880). Все эти работы его были отпечатаны в «Столетии Вятской губернии» (томы I и II). Кроме того, им была напечатана в «Историческом Вестнике» статья «Картофельные бунты в Вятской губернии». К историческому отделу также нужно отнести две статьи В. Е. Чешихина (Ветринского): 1) «Памяти П. А. Голубева» («Вестник Европы» 1915 г., май), где автор говорит о литературно-публицистических и статистических работах Голубева; 2) «Воспоминания о глазовской ссылке В. Г. Короленко» (в нижегородском сборнике «Памяти В. Г. Короленко» 1923 г.).

В конце XIX и начале XX в. политическими ссылными был выполнен целый ряд статистических работ для вятского земства. В «Статистическом Ежегоднике Вятской губернии», выходящем в свет в 1899—1904 годах, были напечатаны работы политических ссыльных: Н. М. Платонова: 1) «Урожай хлебов 1899 г.», 2) «Сельские общественные библиотеки в Вятской губернии» (по данным исследования 1899); В. А. Всеволожского: 1) «Цены на рабочие руки», 2) «Цены на сельскохозяйственные продукты и скот» (1899), 3) «Цены на рабочие руки», 4) «Арендные цены на землю» (1900), 5) «Цены на сельскохозяйственные продукты и скот» (1901—1902); П. И. Стучки: 1) «Мобилизация земельной собственности в Вятской губернии» (1901), 2) «Естественное движение населения Вятской губернии за 1892—1901 годы», 3) «Мужское население Вятской губернии в призывном возрасте по отчетам об исполнении воинской повинности за 1892—1901 годы»; Г. И. Яринского: 1) «Цены на сельскохозяйственные продукты и скот» (1901) и 2) «Сметные доходы и расходы вятских земств за десятилетие 1891—1905» (1903—1905); Ф. А. Липкина: «Опыт вы-

яснения экономического положения крестьян Вятской губернии в 1901 г.» и В. П. Денисова «О школьных помещениях в земских школах Вятской губ.» (1903—1905). Помимо этого, политические ссыльные приняли участие в двух больших работах статистического отделения Вятского губернского земства по установлению норм оценки: 1) земель Вятской губернии и 2) недвижимых имуществ городов Вятской губернии.

В вышедших 15 томах «Материалов по оценке земель Вятской губернии» помещена статья П. И. Стучки «Население» (т. I) и Всеволожского «Луговодство» (т. III, вып. 4).

В выпусках материалов по оценке недвижимых имуществ городов Вятской губ.» помещены две статьи того же Всеволожского: 1) «Характеристика недвижимых имуществ по оценочным признакам и установление оценочных районов» и 2) «Усадьба».

Затем в «Материалах для выработки программы текущей статистики в Вятском земстве» (ч. I, Вятка 1900) напечатан доклад В. Громана «О применении типического метода в текущей статистике». Тому же Громану совместно с Ф. И. Бересневым принадлежит «Очерк крестьянского хозяйства в Вятской губернии по данным исследования 1884—1893 гг.»¹

В «Русском Богатстве» (1902, июль) помещена статья политического ссыльного Н. Н. Соколова «Сельские общественные библиотеки Вятской губернии». В. Феодоровым в 1916 г. напечатана брошюра «Общие итоги всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 г. в Малмыжском уезде» (Малмыж).

В более значительных размерах проявилась литературно-публицистическая деятельность вятских политических ссыльных.

Вятская губерния, как известно, до конца XIX в. не имела своей литературной и политической газеты. «Вятские Губернские Ведомости», издававшиеся с 1838 г., и «Епархиальные Ведомости» (с 1863 г.) были официальными изданиями, в которых не допускалось никакой критики по отношению к правительственным распоряжениям или к деятельности административных лиц.

Затрагивать местные вопросы можно было лишь в столичных (или казанских) газетах; но и это доступно было в очень скромных размерах, так как для столичной прессы разные провинциальные вопросы представляли сравнительно ничтожный интерес. При этом даже в половине XIX в. для газетной работы в Вятской губ. почти не находилось людей — в виду отсутствия здесь местной интеллигенции, с одной стороны, и, с другой, вследствие опасения административных кар, коим подвергались корреспонденты и вообще «газетные писатели».

Эту публицистическую работу и взяли на себя политические ссыльные. В настоящее время, конечно, нет возможности устано-

¹ Напечатан в «Материалах по статистике Вятской губ.», т. XII—общая сводка по губернии.

вить, какие корреспонденции в столичных газетах того времени были написаны политическими ссыльными, так как корреспонденции обычно не подписывались, но факт участия политических ссыльных в газетной работе не подлежит никакому сомнению; и вятская губернская администрация, и министерство внутренних дел одинаково считали вятских политических ссыльных авторами корреспонденций из Вятского края. Впрочем, этого не скрывали и сами политические ссыльные.

В 1870-х годах, во время проживания в Вятке Ф. Павленкова, высланного из С.-Петербурга отчасти за издательство (издание сочинений Писарева) и с воспрещением ему этого издательства, мысль о местной публицистике особенно сильно занимала кружок ссыльных, объединявшихся около него, и вылилась в форме решения издавать особые периодические сборники корреспонденций и статей о Вятской губернии.

Появление в продаже в 1877 г. первого выпуска «Вятской Незабудки» в первом, а через несколько месяцев и во втором издании на чиновную бюрократию и отчасти на земские круги Вятской губернии произвело впечатление разорвавшейся бомбы, а у составителей «Незабудки» и у либерально настроенной части вятского общества подняло бодрость духа и усилило стремление к дальнейшей борьбе путем печати с вятскими неурядицами, произволом и злоупотреблениями администрации, или к «дальнейшему выметанию сора из избы», что отчасти сказалось на характере и тоне как корреспонденций из Вятской губернии в столичных газетах, так и нового предполагаемого выпуска «Незабудки» (на 1878 г.). Некоторые из корреспонденций оказались настолько резкими, что за печатание их министерство подвергло редакции газет особым карам: так, например, газета «Вечерняя Почта» за 2 статьи из Вятской губернии (в №№ 69 и 70 за 1877 г.) была наказана увеличением срока воспрещения розничной продажи номеров газеты; другая газета, «Русское Обозрение», за 2 вятских статьи-корреспонденции (от 30 ноября 1877 г. и 26 января 1878 г.) получила два предостережения, а новый выпуск «Вятской Незабудки», уже напечатанный, как выше было упомянуто, был уничтожен по постановлению комитета министров.

Уничтожение это положило конец дальнейшему изданию «Вятской Незабудки», но не прекратило публицистических выступлений политических ссыльных. В 1880 г. в с.-петербургской газете «Молва» (№ 282) В. Г. Короленко помещает свое открытое письмо, где публично обвиняет вятскую администрацию в подлоге; в 1881 г. в журнале «Русская Мысль» (февраль) появляется статья о полном произволе вятского губернатора Тройницкого в отношении политических ссыльных; статья исходила, очевидно, от кого-нибудь из политических ссыльных. В конце 1891 г. при участии б. политических ссыльных П. А. Голубева и М. П. Бородина в казанской газете «Биржевой Листок» печатается ряд сатирических фельетонов под заглавием «Крутогорский

Ерш», направленных главным образом против вятской администрации и особенно против только-что введенного в Вятской губернии института земских начальников. Ряд корреспонденций того же Голубева в «Русских Ведомостях» и статья в «Юридическом Вестнике» о разорении Вятской губернии губернатором Анисьиным имели своим результатом устранение этого губернатора от управления губернией. В 1895 г. П. А. Голубев организовал издание в Вятке первой литературной газеты «Вятский Край» и был негласным редактором ее. Газета с самого начала приняла либерально-обличительное направление, поскольку это представлялось возможным в условиях провинциальной подцензурной газеты. Газета просуществовала 3 года и была приостановлена администрацией. В конце 1890-х годов в гор. Нолинске проживала политическая ссыльная Е. А. Дьяконова (по мужу Тилина, которую местный исправник в своих годовых отчетных ведомостях называет корреспондентом газеты «Русское Слово». В 1902 г. в заграничном журнале «Жизнь» политический ссыльный Н. М. Величкин, только-что бежавший из вятской ссылки, помещает открытое письмо вятскому губернатору Хомутову. В этом письме он резко обличает произвол вятской администрации и полиции в отношении политических ссыльных.

После революции 1905 г., когда местной интеллигенцией во главе с Н. А. Чарушиным было организовано издание в гор. Вятке политической газеты лево-народнического направления, вятские политические ссыльные начинают принимать в ней деятельное участие то в качестве членов редакционной коллегии, то простых сотрудников¹.

После высылки из Вятки первого редактора только-что организованной газеты «Вятская Жизнь» в редактировании газеты принимают участие—последовательно один за другим—2 бывших политических ссыльных П. А. Голубев и И. А. Владиславлев.

Редактором другой газеты, «Вятский Край», заменившей собой закрытую администрацией «Вятскую Жизнь», делается отбывший политическую ссылку Г. И. Яринский, секретарем редакции только-что высланный в Вятский край А. А. Лучинин, и наконец, одним из деятельных сотрудников газеты «Вятский Край» делается другой вновь высланный б. преподаватель в г. Харько-

¹ Кроме Н. А. Чарушина, в организации издания газеты приняли участие: П. А. Голубев, М. П. Бородин, А. А. Гурьев, Д. П. Бирюков, И. А. Братчиков, А. Д. Чарушина, Э. В. Танаевская, Юшков и некоторые другие.

На издание газеты московским книгоиздателем А. П. Чарушиниковым (бывшим вятским политическим ссыльным) через Н. А. Чарушина было пожертвовано 2 000 руб. Официальным издателем газеты вначале считался Н. А. Чарушин, затем его жена А. Д. Чарушина (Н. А. Чарушин. Указатель статей и заметок, помещенных в газетах «Вятская Жизнь» и «Вятский Край» (1905—1907); рукопись Вятской публичной библиотеки им. Гердена).

ве—Падарин. Вторая газета подобно «Вятской Жизни» была ярко оппозиционного направления. В 1907 г. вятский полицеймейстер в своем рапорте губернатору князю Горчакову писал, что газета «Вятский Край» в жизнь проводит животрепещущие вопросы социал-революционной и социал-демократической платформы; помещает горячие статьи с призывом к крестьянству спланиваться и требовать выполнения различных задач, навязываемых газетой; что с таким содержанием газета приносит существенный вред общегосударственному порядку, подрывает его несравненно сильнее, чем какие-либо прокламационные листки, читаемые только в небольших кружках, так как газета пользуется огромным авторитетом среди либеральной части общества Вятской губернии¹.

Вятская администрация делает попытки бороться с оппозиционным направлением местных газет, причем с участниками газеты из политических ссыльных поступает довольно круто: против Голубева возбуждается несколько судебных дел, и он отстраняется от редакторства, Владиславлев высылается за пределы губернии, Яринскому губернатор предлагает изменить направление газеты под угрозой высылки из губернии так что Яринский вынужден был телеграфировать председателю совета министров, прося его защитить редактора от произвола администрации. В декабре 1906 г. администрация штрафует редактора Яринского 500 руб. с заменой денежного штрафа, в случае несостоятельности, трехмесячным арестом; Лучинину (секретарю редакции) предложено немедленно выехать из Вятки в захолустный Зюздинский край, а когда он отказался исполнить это распоряжение впредь до получения ответа от министра внутренних дел, которому он телеграфировал о незаконном распоряжении губернатора, то по распоряжению последнего в помещении редакции «Вятского Края» появился отряд городовых; Лучинин был взят и после часового сбора отправлен в сопровождении отряда до подгородной слободы Дымково, а отсюда в сопровождении помощника полицейского пристава и городского отправлен в Глазов. Через несколько времени в «Вятском Крае» появляется его статья: «Путешествие поневоле в Зюздинский край».

Такая же высылка в Зюздинский край грозила и сотруднику газеты, политическому ссыльному Падарину, но ему удалось получить разрешение министра внутренних дел—вместо Зюздинского края выехать за границу.

Находясь во второй ссылке, Лучинин продолжает вести борьбу с местной администрацией и полицией. Интересна в этом отношении его полемика с губернатором, князем Горчаковым, на страницах газеты «Вятский Край». В № 128 этой газеты (1907 г.) Лучинин сообщил о нападении на него в Зюздинском крае местных молодых парней, которые заявили ему, что урядник Мочалов

¹ Д. к. в. г. 1906 г. № 243, стр. 1—2.

советовал им расправляться со ссыльными в лесу или в уединенном месте своим судом, т. е. просто убивать их, делая это тайно — так, чтобы только не попадаться в этом. Губернатор в № 202 той же газеты объявил, что произведенным дознанием взводимое на урядника Мочалова обвинение не только не подтвердилось, но и самая корреспонденция оказалась ложной. По поводу этого опровержения Лучинин поместил в газете «Вятский Край» обширное письмо, в котором категорически заявил, что все, что описано им в газете, есть несомненный факт, подтверждаемый сделанным им заявлением следственным властям, что при дознании, на которое ссылается губернатор, никто к нему (Лучинину) не обращался, и что право признать его заявление ложным может принадлежать только судебной власти, а отнюдь не губернатору, и что им, Лучининым, подана просьба в правительствующий сенат о возбуждении против князя Горчакова преследования в уголовном порядке, причем указывается и цель вышеупомянутых действий этого лица ¹.

Ряд корреспонденций и открытых писем в местных газетах за годы 1907 — 1914 о положении политических ссыльных и о произволе вятской полиции с очевидностью свидетельствует, что и другие политические ссыльные за это время принимали участие в газетной борьбе против местной администрации и полиции.

Вся эта газетная и отчасти журнальная работа вятских политических ссыльных, разумеется, имела большое значение. Обличая разные непорядки и злоупотребления, зависевшие от вятской администрации, она постепенно рассеивала тот ореол, которым любила окружать себя эта администрация в отдаленном Вятском крае.

Но главное значение вятской политической ссылки заключалось в том, что она содействовала распространению среди местного населения отрицательного отношения к существующему политическому и экономическому строю и постепенно революционизировала это население.

Опасаясь «вредного» влияния политических ссыльных на скружающее население, правительство еще в инструкции 1863 г. возложило на начальника местной полиции обязанность следить за тем, с кем ссыльный имеет знакомство, не образовалось ли у него с кем-либо из местных жителей особых связей и сношений ². А циркуляром 28 мая 1863 года министр внутренних дел предложил губернаторам пресекать связи политических ссыльных с местным населением посредством или перевода ссыльных в другой город, или административного удаления местных обывателей.

Пока среди вятских политических ссыльных громадное большинство составляли поляки, вятская администрация не имела осо-

¹ «Вятский Край» 1907 г. № 211.

² Приложение III (инструкция начальнику полиции).

бенных причин опасаться вредного влияния ссыльных, так как поляки 1860-х и 1870-х годов при слабом знании русского языка не стремились сблизиться с местным и русским населением¹. Но если ссыльные поляки не имели особых связей с местным населением, то все же факт массовой ссылки их не за уголовные деяния (кражи, убийства, хулиганство), а за идею национальной свободы не мог не производить довольно сильного влияния на более культурные слои вятского населения. В 1866 г. вятский губернатор писал в министерство внутренних дел, что среди вятских обывателей насчитывается довольно много лиц, «зараженных фальшивыми умозрениями о свободе»².

Но по мере того, как после освобождения большинства поляков (после 1871 г.) Вятская губерния начинает пополняться главным образом за счет русских, удаляемых из центральных губерний за революционную пропаганду среди крестьянского и рабочего населения, постепенно усиливается связь вятских ссыльных с местным населением, стремление их войти теснее в местные интересы. И если местное чиновничество, заstraщенное полицией, опасалось знакомства со ссыльными, то в отношении земского элемента, появившегося в крае после введения земских учреждений (в 1867 г.), дело стояло несколько иначе: начинает устанавливаться связь политических ссыльных с земскими руководящими верхами, а затем и с третьим элементом. Так, уже в 1874 г. вятский губернатор (Чарыков) писал в министерство внутренних дел, что Павленков за время своего 5-летнего пребывания в Вятке исподволь, незаметным образом успел подчинить своему влиянию некоторых из земских деятелей, как, например, председателя губернской управы Колотова, гласного мирового судью Красовского и других. «Влияние таких ссыльных на мировых судей, членов земских управ, народных учителей, вообще земских деятелей,—продолжал далее губернатор,—особенно вредно потому, что лица эти имеют постоянное, почти ежедневное сношение с народом и на словах при каждом удобном случае легко могут возбуждать недовольство и постепенно подрывать в народе доверие к правительству»³.

В дальнейшем уездные исправники в своих рапортах губернатору нередко подчеркивали знакомство политических ссыльных с земскими служащими. В 1879 г. глазовский исправник писал губернатору, что Короленко, «навещая библиотеку Глазовской земской управы, приглашен был в совет управы для выписки разных периодических изданий на 1880 г., как подписчик библиотеки по чтению книг»... и «это новое явление в домогательствах Короленко, — прибавлял он, —окончательно разоблачает вред, мо-

¹ Об этом свидетельствуют старожилы г. Вятки, например, Н. А. Чарушин, М. Е. Селенкина и др.

² Д. к. в. г. 1866 г. № 694.

³ Д. к. в. г. 1874 г. № 11.

гуший влиять не только на ссыльных, но и на лиц, далеких от этого пагубного строя»¹.

Кое-где устанавливается связь политических ссыльных и с крестьянским населением. В. Г. Короленко в «Истории моего современника» отмечает отзыв о политических ссыльных со стороны местных удмуртов, пользовавшихся услугами слесарной мастерской, организованной политическими ссыльными в захолустье тогда гор. Глазове: «Неладно царь делает, — говорил в мастерской один удмурт: — зачем хороших людей выгонял? Разве ему хорошие люди не нужны? Плохой человек — ссылать надо, а хороший человек не надо ссылать. Это все есть хороший человек: ружье работает, самовары работает, ведра заливает, кумышки не пьют»².

В 1880-х годах среди вятских политических ссыльных замечаются попытки организовать пропаганду среди местного населения; в 1884 г. местной полицией было возбуждено дело об обществе для распространения пропаганды в крестьянском населении Уржумского уезда и о руководителях его: бывшем поднадзирном Акципетрове, состоящем под негласным надзором Чернове и ссыльным Малишевском³.

Но особенно сильное влияние (революционизирующее) политические ссыльные оказывали на учащуюся молодежь. Ранее всего это влияние начало сказываться в гор. Вятке, где в 1870-х годах существовало уже 5 средних учебных заведений (мужская гимназия, духовная семинария, сельскохозяйственное училище, женская гимназия и епархиальное училище). Некоторые из политических ссыльных проводят с учащимися беседы, а иногда ведут и кружковые занятия. Учившийся в вятской гимназии в 1870-х годах Чемоданов (впоследствии врач) неоднократно рассказывал, что он вместе со своими товарищами ходил для бесед к Павленкову; политический ссыльный В. Ф. Трошанский⁴ в на-

¹ Д. к. в. г. 1879 г. № 594-а.

² В. Г. Короленко. История моего современника, т. II, ч. V, гл. 2.

³ Дела этого, к сожалению, мне не удалось найти в архиве; из архивной описи видно, что оно велось почти 2 года (1884 и 1885) и заключало в себе 137 листов. Впрочем, из других материалов известно, что в Уржумском уезде народническая организация вела пропаганду по селам и деревням через разъездных агентов, разъезжавших под видом портных, приказчиков. Программа агитаторов в общем была такова: земля божия, податей за нее платить не следует; люди равны; и потому царя не надо. (Сергиевский. Черный передел и народники 1880-х гг., в журнале «Каторга и Ссылака» 1931 г. № 1).

⁴ В. Ф. Трошанский, родился в 1845 г., во время своего обучения в С.-Петербургском технологическом институте вступил в общество «Земля и Воля». В Вятке в качестве ссыльного он жил с апреля 1870 г. по июль 1874 г. После вятской ссылки служил в курском земстве, отсюда был выслан на север, откуда бежал в 1878 г., но вскоре был вновь арестован. В 1880 г. предан суду по делу Веймара и приговорен к каторжным работам на 10 лет, в 1882 г. прибыл на Кару, отсюда в 1886 г. сослан на поселение в Якутскую область. Здесь, между прочим, он собрал большой ма-

чале 1870 г. принимает участие в местных кружках учащейся молодежи. Влияние этих кружков очень скоро сказалось даже на таком закрытом учебном заведении, как местное епархиальное училище.

Классная дама этого училища А. Д. Кувшинская, бравшая у Троцанского уроки математики для подготовки в высшее учебное заведение, основала кружок из своих воспитанниц. О направлении этого кружка можно судить по тому, что руководительница, а также некоторые из участниц его (две сестры Чемодановы) в первой же половине 1870-х годов выступили на революционную работу всероссийского масштаба, а А. В. Якимова, поступив в народные учительницы в Вятской губ., за пропаганду была заключена в вятскую тюрьму, а через год отвезена в Петербург, где и судилась по большому процессу 193-х¹.

Влияние ссыльных на молодежь не укрылось от администрации. Уже в 1874 г. вятский губернатор (Чарыков) доносил министру внутренних дел, что «политические ссыльные зачумляют молодых людей своими вредными идеями, делают их учителями и проповедниками своего зловредного учения между их товарищами и подругами»².

Через 5 лет его преемник (Тройницкий) тому же министру внутренних дел писал, что политические ссыльные стремятся к сближению с учащеюся молодежью и успевают присоединять их к своим убеждениям в самое короткое время³.

Революционное влияние политических ссыльных на население Вятского края чрезвычайно усиливается после нового обращения Вятской губернии в ссыльный район, т. е. с 1897 года. Среди политических ссыльных в Вятской губернии теперь появляются лица, до ссылки участвовавшие в различных революционных организациях, в 1890-х годах довольно широко распространившихся по Европейской России. Вынесенный ими из прежней революционной работы организационный опыт послужил к созданию революционных организаций и в местах их ссылки. К концу

териал о верованиях якутов, который и был напечатан в одном из этнографических журналов. В Якутской области он и скончался, окончив жизнь самоубийством («Б. Энциклопедия», том 22, стр. 591).

¹ Н. А. Чарушин. О далеком прошлом. Кружок чайковцев. — А. В. Якимова, учившаяся в среднем учебном заведении с 1867 по 1872 г., в своей автобиографии пишет: «Вятка была местом ссылки для политических административных ссыльных, которые группировали около себя молодежь. В то время был в Вятке Троцанский (позднее член «Земли и Воли» и судился по процессу Веймара); под его влиянием в числе других находилась Анна Димитриевна (которая основала кружок в епархиальном училище)». — Автобиографии русских революционных деятелей русского социалистического движения 70—80-х годов, стр. 623, 624.

О радикальных кружках в Вятке за первую половину 1870-х годов упоминает и А. П. Прибылева-Корба в своих воспоминаниях («Народная Воля», Москва 1925 г., стр. 201).

² Д. к. в. г. 1874 г. № 11.

³ Д. к. в. г. 1879 г. № 2.

1900 г. по инициативе Н. Н. Бушена в Вятке создается подпольная организация, составившаяся из лиц, примыкавших к различным революционным течениям с преобладанием, впрочем, народников и марксистов. В этой организации приняли участие и находившиеся в Вятке политические ссыльные: Войткевич, Боровко, Л. Лосева, Всеволожский, Мухин, Фельдман, Феофаров. Организация вошла в связь с Пермью, где к этому времени возник Уральский союз социал-демократов и социалистов-революционеров, и С.-Петербургом. Ко второй половине 1903 г. в Вятке возникают новые две организации: социал-демократов (организованная политическим ссыльным Липкиным Ф. А. — он же Нежданов, Череванин)¹ и социалистов-революционеров.

Социал-демократической группой был выработан устав и образован комитет, в состав которого, кроме организатора группы Липкина, были избраны, между прочим, политический ссыльный Остров, а также Франчески, только-что отбывший политическую ссылку в Уржуме. С высылкой Острова в Яранск и с отъездом Липкина из Вятки по окончании ссылки, в состав комитета вошел В. А. Горбачев, только-что отбывший политическую ссылку в Малмыже (он был избран в председатели комитета). В 1905 г. в соц.-дем. группу вошел политический ссыльный В. А. Владимирский, высланный в Вятскую губернию на 5 лет.

Все эти организации начинают широко распространять нелегальную литературу, полученную из других мест (из Петербурга, Москвы) и даже из-за границы. В конце 1890-х годов из Петербурга присылаются листки Союза борьбы за освобождение рабочего класса. В 1900 г. проживавший в гор. Яранске политический ссыльный И. Ф. Дубровинский через Вержболовскую таможенную получил посылку с литературой, причем наиболее неприемлемые с административной точки зрения книги были заключены в обложку с безобидным названием. Так, на книге «История социализма» была обложка с заглавием «Фотографические сообщения»; сочинение Карла Маркса «18 брюмера Луи Бонапарт» оказалось заключенным в обложку с заглавием «Высшая королевская техническая школа»; стенографический отчет о конгрессе социалистов имел обложку с заглавием «Берлинский путеводитель»; запрещенное сочинение «Против Бернштейна» оказалось в «Каталоге Вейдманской книжной торговли». Посылка согласно отзыву С.-Петербургского цензурного комитета была конфискована и переслана в распоряжение департамента полиции². В феврале 1903 г.

¹ Ф. А. Липкин был выслан в Вятскую губ. в 1904 г. на 3 года. Ссылку отбывал в Глазове, откуда и переехал в Вятку (по окончании назначенного ему срока). Еще до ссылки он принимал участие в социал-демократическом журнале «Жизнь». Здесь им, между прочим, была помещена статья «К вопросу о рынках в капиталистическом производстве», о которой упоминал В. И. Ленин в своем письме к А. Н. Потресову в 1899 г. («Социал-демократическое движение в России», т. I, стр. 46).

² Д. ж. в. г. 1899 г. № 257.

в Нолинске на имя ссыльного Луки Николаева прислан был целый тюк, в котором местной полицией было обнаружено 275 экземпляров воззвания партии эсеров и брошюры: «Воззвание Пензенской группы социал-революционеров» (22 экз.), «О винной монополии» (5 экз.), «Царское правительство и рабочий класс» (19 экз.), «Воззвание к крестьянам Нижегородского комитета СДРП» 1902 г. (8 экз.), «Заявление защитников харьковских крестьян» — издание пензенской группы С. Р. (16 экз.), записки, писанные карандашом от друга дипломата (1 экз.), «О надзоре полиции» — издание партии С. Р. (101 экз.), «Солдатская памятка» (129 экз.), «Беседы о земле» — издание партии С. Р. (121 экз.), «Как держать себя на допросах» (2 экз.), «Две основные формы мануфактуры» (2 экз.), «Торговля, деньги, капитал», (1 экз.), Иван Вольный — «За царя, веру и отечество», изд. РСДРП (11 экз.), «Почему стреляли в харьковского губернатора» (3 экз.), «Ко всему русскому крестьянству» (12 экз.). Адресат (Лука Николаев) был заключен в тюрьму, а затем выслан из Нолинска в Вятку, отсюда в Малмыж и из Малмыжа в село Слудку Орловского уезда. К трем годам ссылки, назначенным ему в 1902 г., было прибавлено правительством еще три года¹.

Одновременно с этим организуется в Вятке и собственное изготовление нелегальной литературы, в котором политические ссыльные принимают деятельное участие.

Уже группа Бушена пользовалась гектографом, а в 1902 г. при участии упомянутого выше Г. Я. Франчески был изготовлен мимеограф. В 1902 г. хранение множительных приборов и изготовленных прокламаций возложено было на П. Д. Андреева, поселившегося в Вятке после окончания четырехлетней ссылки в Вятской губернии. Прокламации разбрасывались по трактам, по линии железной дороги, рассылались через почту по известным организации адресам. Особенно обильно прокламации разбрасывались в 1902 г. Между прочим, в Орловском уезде, около с. Великой Реки, в котором 21 мая ежегодно собирались богомолцы со всего Вятского края, полицией обнаружено было до 700 экз. прокламаций по поводу убийства министра внутренних дел Сипягина². В конце 1904 г. в гор. Вятке комитетом социал-демократической организации была устроена нелегальная типография, которую руководил бывший политический ссыльный, упомянутый уже выше Г. Я. Франчески³.

В борьбе с обильным распространением прокламаций вятская администрация совершенно терялась; не получая от обысков⁴ серьезных результатов, она обратилась за содействием к министру внутренних дел. От 19 июля 1902 г. вятский губернатор просил

¹ Д. к. в. г. 1902 г. № 66.

² Д. к. в. г. 1902 г. № 56.

³ «1905 г. в Вятской губернии».

⁴ После обыска 23 октября 1901 г. двое из политических ссыльных были заключены в тюрьму.

министра внутренних дел прислать из Петербурга опытных агентов под видом высланных под гласный надзор полиции. «Они при известном умении,—писал губернатор,—очень быстро могли бы проникнуть в круг лиц, на коих лежит вся организация этой преступной деятельности, ознакомиться как с самой организацией, так и с главными вожаками партии и дать ценные указания к разысканию источников материальной поддержки, без существования которых едва ли возможна и самая агитация против существующего государственного строя»¹.

Но вятской администрации и полиции не удалось прекратить распространение прокламаций. В 1904 г. вятский полицеймейстер опять доносил губернатору о массовом разбрасывании прокламаций по г. Вятке в тех местах, где обычно проходили рабочие². В начале следующего года начальнику жандармского управления была представлена целая пачка печатных листовок и гектографированных прокламаций, поднятых в различных местах города³. Происхождение этих прокламаций в том и другом случае осталось невыясненным. Лишь в сентябре 1905 г. полиции удалось открыть один из очагов изготовления прокламаций: при обыске 4 сентября 1905 г. квартиры ссыльного Величкина были обнаружены 2 гектографа и оттиснутые на них листки брошюры «О всеобщей забастовке, как средстве революционной борьбы»⁴.

Само собой разумеется, что в этот период политические ссыльные усиливают работу и среди учащейся молодежи путем организации кружков или даже простого знакомства с учащимися старших классов.

Вот почему в рапортах по начальству со стороны как жандармерии, так и внешней полиции теперь очень часто отмечается связь политических ссыльных с молодежью.

Вятский жандармский полковник Молоховец пишет в департамент полиции об активном участии ссыльного студента Н. М. Платонова в кружках вятской молодежи—из фельдшерских учениц, семинаристов и учеников реального училища⁵. Годовая ведомость вятского полицеймейстера о политических ссыльных за 1901 г. почти сплошь наполнена замечаниями о тесном знакомстве их с молодежью: «А. Н. Вертячих имеет тесное зна-

¹ Д. к. в. г. 1902 г. № 56.

² На этот раз полицией были подняты такие прокламации: «Ко всем запасным рядовым» (16 экз.), «Самодержавие на скамье подсудимых» (3 экз.), «Правдивое слово министра финансов» (2 экз.), «Война и революция» (5 экз.), «Почему царское правительство затеяло войну» (53 экз.), «К новобранцам» (3 экз.), «Война против войны» (3 экз.) (дело вятского полицеймейстера 1904 г. № 13).

³ Из печатных листовок было поднято 6 экз. «Правда о войне», 105 экз. «Какая политическая свобода нужна русскому народу», а из гектографированных прокламаций 100 экз. «К запасным» и 565 экз. «Ко всем запасным» (д. Вятского губ. жанд. управления 1905 г. № 112, л. 516—518).

⁴ Д. Вятского губ. жанд. управления, 1905 г. № 7, л. 245.

⁵ «1905 год в Вятской губернии», стр. 144.

комство с учащеюся молодежью», «В. К. Войткевич имеет короткое знакомство с учащеюся молодежью, оказывая дурное влияние», «Е. Н. Лосева имеет тесное знакомство с учащеюся молодежью, оказывая дурное влияние», «Мельницкий А. М. и Фельдман А. Н. имеют короткое знакомство с учащеюся молодежью», «В. А. Всеволожский обращает на себя особенное внимание тесным знакомством с учащеюся молодежью»¹.

Чтобы прервать это «вредное» влияние ссыльных на молодежь г. Вятки, вятский губернатор выслал из Вятки Всеволожского в Малмыж, Мельницкого в Орлов, Войткевича и Лосеву в Глазов², но рассылка по уездным городам теперь уже мало помогла делу. Так как к этому времени во многих уездных городах появились женские гимназии, то для политических ссыльных и здесь открывалась возможность влияния на учащихся, хотя и не столь широкая, как в Вятке. И они эту возможность, разумеется, пользуются. В 1902 г. орловский исправник пишет губернатору, что ссыльный Попов «вредно влияет на молодежь, окончившую курс Орловской женской гимназии... К своему нелегальному положению и, надо полагать, к идеям Попов и Кожевников возбуждают общее сочувствие среди молодежи женского пола»³. Относительно того же Кожевникова департамент полиции сообщал вятскому губернатору, что, проживая в Вятке, Яранске, Малмыже и Слободском, он стоял во главе поднадзорных и принимал деятельное участие в распространении вредных идей среди фельдшерниц и приезжающей учащейся молодежи⁴.

В 1904 г. уржумский жандармский офицер доносил в Вятское губернское жандармское управление, что в Уржуме гимназистки знакомы с политическим ссыльным Мавромати (б. студентом Электротехнического института) и этим гордятся пред своими подругами⁵.

Кружковую работу политические ссыльные переносят даже в деревню. Выше в главе III уже было говорено о работе Ф. Э. Держинского среди деревенской молодежи кайского захолустья в 1899 г. Лабко-Гарчевский, высланный в 1900 г. на 4 года, организовал кружок из молодежи в с. Богородском Нолинского уезда, где открыто пропагандировал по рабочему вопросу, как отмечал нолинский исправник в одной из годовых ведомостей о ссыльных.

¹ Здесь полицеймейстер не указывает конкретной формы этого знакомства, но лица, помнящие то время, определенно говорят, что политические ссыльные руководили кружками учащихся. По воспоминаниям С. И. Крестьянинова, учившегося в 1901—1903 годах в старших классах Вятского реального училища, их ученическим кружком руководил в 1903 г. Ф. А. Липкин. Занятия кружка происходили в конспиративной квартире, содержавшейся на ученические средства.

² Д. к. в. г. 1901 г. № 170. Двое ссыльных были посажены в тюрьму.

³ Д. к. в. г. 1900 г. № 173.

⁴ Д. к. в. г. 1899 г. № 127.

⁵ Д. Вятского губ. жанд. управления 1907 г. № 53.

В 1907 г. в том же уезде М. И. Польский устраивает крестьянские сходки около с. Сретенского. А в Уржумском уезде политическими ссыльными был организован даже союз, ставивший целью и пропаганду в деревне. Не случайно, конечно, у ссыльных в этот период при полицейских обысках были найдены издания «Молота», «Донской Речи» и другие популярные брошюры, иногда в большом количестве.

В этот период политические ссыльные руководят открытыми выступлениями учащихся. При участии политических ссыльных проведена забастовка учащихся фельдшерской школы, возникшая в 1900 г. по поводу увольнения нескольких учащихся, не сдавших зачеты, и окончившаяся полной победой забастовщиков¹. В 1902 г. вспыхнули большие беспорядки в Вятской семинарии; причинами этих беспорядков епархиальная администрация считала общение семинаристов со ссыльными студентами, распространение разных прокламаций и воззваний, порицающих порядки духовной школы². Когда после расстрела в Петербурге рабочих 9 января 1905 г. в учебных заведениях г. Вятки началось предьявление учащимися петиций, сопровождавшееся школьными забастовками, то политические ссыльные приняли в этом деятельное участие. 15 февраля вятский жандармский полковник писал губернатору, что 12 февраля в гор. Вятке в группе учеников разных учебных заведений находились бывшие поднадзорные Яринский, Тарчевский, гласно-поднадзорный Зиммионко и особо-поднадзорный Крестьянинов³, а также и некоторые лица из служащих в земстве. 23 февраля того же года вятский полицеймейстер доносит тому же губернатору, что в толпе, которая ходила по городу, постоянно замечались состоящие под гласным надзором полиции Зиммионко и Клыков, состоящий под особым надзором Ковязин и много служащих губернского земства во главе с секретарем управы Иконниковым. 2 марта губернатор пишет в департамент полиции, что «начало и пример забастовок в Вятке положено учениками местного технического училища, среди которых противоправительственная пропаганда нашла себе благоприятную почву, посредством знакомства учеников с политическими ссыльными и другими неблагонадежными элементами. Среди забастовавших учеников постоянно находились лица, отличающиеся крайним социалистическим направлением, так, например, Зиммионко, Яринский, Тарчевский, Крестьянинов, Клыков и Ковязин, принимавшие, как надо полагать, вместе с земскими служащими самое деятельное участие по устройству учащимися забастовок»⁴.

¹ «1905 год в Вятской губернии», стр. 1—14.

² Б. Титлинов. Молодежь и революция, стр. 81—82.

³ Здесь имеется в виду С. И. Крестьянинов, который в то время находился на свободе после отбытия 5-месячного тюремного заключения за распространение по городу прокламаций.

⁴ Д. к. в. г. 1905 г. № 35. О движении в сельскохозяйственном техническом училище более подробно можно прочитать в книжке С. Семакова

Хотя об участии политических ссыльных в движении, учащих губернатор говорит здесь как будто не совсем уверенно («как надо полагать»), но старожилы, помнящие то время и стоявшие в курсе местных революционных событий, как, например, Н. А. Чарушин, Г. Я. Франчески, определенно свидетельствуют, что политические ссыльные были руководителями этих забастовок; поэтому отмечаемое полицией присутствие некоторых политических ссыльных в толпе учащейся молодежи, ходившей по городу, было далеко не случайным.

Одновременно наблюдается участие политических ссыльных в начинающемся революционном брожении и среди взрослого местного населения. В конце 1904 г., когда в очередном вятском губернском земском собрании был поставлен вопрос об отношении земства к резолюции, выработанной на ноябрьском съезде земских деятелей в СПб (1904), и когда представитель чиновной бюрократии Подашевский заявил в собрании о недопустимости для земства руководиться этой резолюцией, как вышедшей за пределы земской компетенции, то среди публики, присутствовавшей на собрании, раздались шикание и свистки; на предложение председателя собрания к публике оставить зал заседания шикание и свистки усиливаются, а на повторение предложения, соединенное с угрозой удаления из собрания, в публике раздаются протесты и возгласы: «Не уйдем»¹. Участниками этого шума и протеста являются и политические ссыльные. Полицией был особенно отмечен ссыльный Зиминко². Затем, когда в августе 1905 г. по поводу неправильного увольнения Вятской уездной земской управой двух регистраторов было созвано 18 августа общее собрание всех служащих губернской и уездной земских управ и городской управы, то председательствует на собрании бывший политический ссыльный, земский статистик Никитин, присутствуют на собрании 2 политических ссыльных, с.-д. Всеволожский и Владимирский. Собрание вырабатывает ряд требований для предъявления их уездной земской управе; по окончании этого вопроса политссыльный Владимирский³ поднимает вопрос об организации политической забастовки по поводу обнародованного указа о «кущих» выборах в Государственную Думу. Вопрос этот обсуждается затем в течение 4 заседаний (19, 20, 21

«Из революционного прошлого молодежи Вятской губ. 1905—1908 г.». Вятка 1826 г., стр. 17.

¹ Журналы Вятского губернского земского собрания 38-й очередной сессии 1904 г., т. I. Вятка 1905, журнал заседания за 3 декабря.

² Д. к. в. г. 1904 г. № 257.

³ Владимирский Всеволод был выслан в 1904 г. на 5 лет в Вологодскую губ. из Перми за участие в местном социалистическом кружке. В 1905 г. ему было разрешено отбывать ссылку в г. Вятке, куда он и прибыл 12 июня 1905 г.; в сентябре того же года был выслан губернатором из Вятки в Яранск (Д. Вятского губ. жанд. управления 1905 г. № 11, л. 388). Причиной высылки было, вероятно, выступление его на собраниях земских служащих.

и 22 августа), на которых, как видно из рапорта полицеймейстера вятскому губернатору, присутствуют 6. политические ссыльные Яринский, Морозов, ссыльные Величкин, Владиславлев, Горбачев, Кержнер, Клыков¹. После 4-дневного обсуждения предложенного вопроса собрание высказывается за немедленный созыв учредительного собрания и объявляет трехдневную политическую забастовку, чтобы этим путем засвидетельствовать перед администрацией, органами местного самоуправления и обществом свою решимость бороться за осуществление вышеозначенного лозунга и возможную солидарность действий земских служащих. Выпущенная затем на гектографе брошюра «Стачка земских служащих», по агентурным сведениям, представляла собой выборку и сводку речей, произнесенных на собраниях гласно-поднадзорными (Владимирским и другими)².

После получения в Вятке манифеста 17 октября 1905 г. политические ссыльные являются деятельными участниками революционных выступлений, ознаменовавших собой первые дни новой эпохи в гор. Вятке. Первая публичная речь пред громадной толпой собравшихся у здания губернской земской управы произнесена 18 октября 6. политическим ссыльным В. А. Горбачевым, состоявшим председателем вятской социал-демократической организации; на втором митинге (19 октября) в числе ораторов выступали трое из бывших политических ссыльных: Горбачев, Никитин и Вертячих, причем Горбачев закончил свою речь словами: «Долой самодержавие, долой царя!»³.

Начатая правительством после 1905 г. борьба с революционным движением в стране дает Вятскому краю новую волну политических ссыльных; из них некоторые в местах ссылки продолжают активную революционную пропаганду. В Яранском уезде в начале 1906 г. политический ссыльный Цепелевич принимает деятельное участие в царевосанчурском революционном кружке самообразования, результатом деятельности которого были разгром квартиры станового пристава, двух земских начальников (Воротникова и Остроградского) и управляющего имением помещика Дурново (25 июня 1906 г.), распространение выборгского воззвания и массы революционных прокламаций, изготовленных на гектографе⁴.

В Малмыжском уезде, в селе Большая Уча, высланный из Полтавской губ. крестьянин Петровский на большой деревенской

¹ Д. к. в. г. 1905 г. № 59. Д. Вятск. губ. жанд. управления 1905 г. № 11, л. 338.

² «1905 год в Вятской губернии», стр. 45—46; Д. Вятск. губ. жанд. управления 1905 г. № 11, лл. 226, 338 и дальнейшие.

³ «1905 год в Вятской губернии», стр. 127 и 161.

⁴ Дело Казанской судебной палаты 1908 г., о П. И. Беневоленском и других (дело состоит из нескольких томов), — «Вятская Речь» 1908 г. № 60—61. Цепелевич за свою революционную деятельность Казанской судебной палатой был приговорен к двухлетнему заключению в крепости.

ярмарке, в присутствии громадной толпы народа, стал призывать народ к вооруженному восстанию; убеждал не давать молодых людей в военную службу, указывая на то, что в Полтавской губернии уж так и решено; советовал не платить податей, которые зорят народ; призывал к насильственному отнятию земель у помещиков; говорил, что чиновники воруют и на эти деньги покупают землю; убеждал требовать смены царя с заменой его выборным, которого можно будет контролировать во всякое время, и которому можно будет дать жалования столько, сколько согласится народ. Царь несправедлив, дал манифест о свободе, а потом взял его обратно. В заключение спросил, были ли у населения прокламации, и на полученный отрицательный ответ заявил, что прокламации скоро у него появятся и население будет читать их¹.

22 сентября 1907 г. нолинский уездный исправник в своем постановлении отмечает, что политический ссыльный дворянин М. И. Польский усиленно старается пропагандировать среди крестьянской молодежи против власти и правительства, устраивает митинги; так, 26 августа он устроил в лесу около с. Сретенского сходку, которая была прекращена полицией².

В конце 1907 г. образовавшийся в Уржумском уезде союз ссыльных тоже стал распространять по этому уезду прокламации в социалистическом духе³.

Противоправительственную пропаганду политические ссыльные производили и в других местах губернии.

Вятский губернатор, не чувствуя сил справиться с ней, сообщил о ней особым рапортом в департамент полиции, который предложил привлекать ссыльных за пропаганду к уголовной ответственности, а в более серьезных случаях возбуждать пред министром ходатайство о высылке поднадзорных в более отдаленные местности империи⁴.

Таким образом, для захолустного Вятского края, до конца XIX века не имевшего железнодорожных путей сообщения, сравнительно слабо обслуживаемого пароходным движением вследствие мелководья основной речной артерии (реки Вятки) и этим, казалось, обреченного на политическое прозябание, политические ссыльные оказались живыми рассадниками идей, вырабатывавшихся в университетских и крупных фабричных центрах, и этим сыграли в Вятском крае роль политического бродила. Обрушившись на революционные идеи в этих центрах, правительство через политических ссыльных систематически распространяло эти идеи на окраинах в роде Вятской губернии, чем и подготавливало эти окраины к будущей революции.

¹ Д. к. в. г. 1907 № 692. За эту речь малмыжский исправник заключил Петровского в тюрьму 30 августа 1907 г.; по его ходатайству Петровский был сослан в Нарымский край на 3 года.

² Д. Вятского губ. жанд. управления 1907 г. № 53, л. 552.

³ То же, 1908 г. № 51 и 75. — «Вятская Речь» 1909 г. № 200.

⁴ Циркуляры о поднадзорных, л. 48.

Интересный пример влияния политических ссыльных на местное население приводится в обвинительном акте Казанской судебной палаты по поводу восстания в Кайском крае в 1906 г. «Народ в этом захолустье,—говорится здесь,—жил попросту, удовлетворяя свои насущные потребности. Но вот, когда здесь появились школы, наехали учителя и учительницы; когда затем лет 10 назад Кайский край сделался местом административной ссылки политически неблагонадежных лиц, тогда жизнь этого края изменилась. С этими новыми лицами у крестьян установилось постоянное общение, которое с течением времени стало тесным; многие начали собираться в частных домах, вести разговоры на политические темы, читать газеты, обсуждать те или иные распоряжения правительства, вопрос о податях и пр. Крестьяне из неподвижных мужиков сделались чуткими ко всем явлениям жизни, особенно со времени манифеста 17 октября 1905 г. и выборов в Государственную Думу. В народе появились слухи, что не следует платить подати, явилось недовольство начальством и особенно проживающими в Кае чинами полиции — урядником и 2 стражниками ¹.

Нужно заметить, что вятская администрация довольно рано усмотрела революционизирующее влияние политической ссылки. Еще в 1874 г. вятский губернатор (Чарьков) писал в министерство во внутренних дел, что «правительство, рассылая политических ссыльных по разным городам империи и содержа их на свободе и на свои средства, как бы дает таким лицам возможность заражать молодых людей, которые, уличенные в неблагонадежности, таким же порядком снова ссылаются и так же в свою очередь заражают других молодых людей, и выходит, что правительство как бы само содействует распространению в народе пропаганды и сеет по всем углам России неблагонадежных и зловердных людей» ². Через 38 лет один из последних вятских губернаторов (Страховский) еще рельефнее очерчивал революционную роль вятской политической ссылки; в своем всеподданнейшем отчете за 1912 г., упомянув об отсутствии в Вятке дворянства и о полной неудовлетворительности вятского чиновничества, он пишет: «при таких условиях население Вятского края оставалось открытым для всякого постороннего влияния, откуда бы оно ни пришло. Это влияние пришло прежде всего со стороны политических ссыльных, для которых Вятская губерния служила в течение многих десятилетий местом преимущественного водворения. Входя в состав местного пестрого и нестойкого интеллигентного и чиновного общества, поступая даже иногда на службу в местные правительственные учреждения (так, например, покойный сатирик Салтыков-Щедрин, сосланный в Вятку и занимавший затем во время нахождения в ссылке долж-

¹ «Вятский Край» 1907 г. № 14.

² Д. к. в. г. 1874 г. № 11.

ность советника губернского правления¹, политические ссыльные, во многом превосходившие по уровню своей образованности местную администрацию, не могли, конечно, не подчинить своему влиянию сперва верхние слои местного общества, а затем это влияние пошло и дальше. Не будет преувеличением сказать, что вся так называемая вятская интеллигенция, начиная от духовенства и кончая учителями народных школ, воспиталась под оппозиционным влиянием политических ссыльных, из которых многие даже остались в Вятке по окончании срока ссылки, пристроившись по разным профессиям. Последующая непрекращающаяся и ныне (т. е. в 1912 г.) ссылка в Вятскую губернию неблагонадежных лиц ввела в местное население еще худшие элементы»².

Но в 1912 г. говорить о революционизирующем влиянии политической ссылки на население Вятского края было уже поздно, что и показал своим примером Вятский край через 5 лет, охотно воспринявший революцию 1917 года, начавшуюся в Петрограде.

¹ Губернатор, повидимому, не знал, что Салтыков-Щедрин был послан на службу самим министерством по приказанию Николая I.

² Д. к. в. г. 1912 г. № 80.

Приложения

1. Правила полицейского надзора за лицами, обнаружившими вредные политические стремления (утверждены императором Александром II 26 апреля 1863 года)

1. Признанных вредными по политическим стремлениям лиц отныне высылать под надзор полиции только в те местности, которые поименованы в приложенных к сего списках и в указанном в них размере.

2. Уроженцев западных губерний высылать в определенные для него в списке под лит. А местности, а прочих в те, которые помещены в списке лит. Б.

3. При высылке сих лиц каждый раз извещать подлежащего начальника губернии о том, к какому званию принадлежит выслаемый, один ли он отправляется или с семейством, и в сем случае кто оное составляет, и имеет ли он собственные средства к существованию или должен пользоваться пособием от казны. В последнем случае начальник губернии, в которую высылается лицо, предлагает казенной палате об ассигновании из уездного казначейства того города, куда предназначается выслаемый, указанного по закону пособия и доводит о сем до сведения министра финансов.

4. При арестовании назначенного к высылке лица и при предъявлении ему законного о том предписания высшего начальства принимать в то же время меры к охранению наличного при нем имущества, передавая оное тому, кто будет им для сего указан, а в случае отказа в выборе или отсутствия избранного лица приглашать выслаемого наложить печати на замки, под коими хранится движимое имущество, с сохранением права, по прибытии на место, распоряжения им посредством письменных сношений или избрания доверенных лиц по своему усмотрению. Если выслаемый имеет семейство, остающееся на месте, то имущество может быть передано оному в присутствии местной полиции и с законными предосторожностями.

5. Если выслаемый оставляет недвижимое имение и притом не имеет ближайших лиц, кому бы мог еговерить, то поступать с имением на основании законов о взятии имущества в полицейский присмотр, предоставляя владельцу по прибытии на место, назначенное для его пребывания, право распоряжаться им посредством поверенного или другим способом по своему усмотрению с тем, чтобы присмотр за имуществом был снят по первому его требованию.

6. С целью ведения правильного и бдительного надзора за выслаемыми прилагаются надлежащие инструкции как начальникам губерний, так и полицейским чиновникам, ближайшему надзору коих поручаются выслаемые.

7. Для усиления средств местных полиций для надзора за выслаемыми назначаются нижние полицейские чины, по препровождаемым при сем высочайше утвержденным штатам. Обязанности сих чинов, определяемых в места высылки, заключаются преимущественно в надзоре за безотлучным там

пробыванием присылаемых лиц. Составление с этой целью ближайших для них указаний возлагается на начальников губерний.

8. Все полицейские чины, на коих возлагается надзор за поведением высылаемых и наблюдение за их образом мыслей, подчинены в этом отношении непосредственно начальнику губернии.

9. Начальникам полиции и тем чиновникам, на которых возлагается обязанность иметь непосредственный надзор за высланным, отпускать из указанного в штате источника по 150 р. серебром в год в безотчетное их распоряжение.

10. Тех из отдаваемых под надзор полиции, которые, будучи признаны вредными по своим политическим стремлениям, за участие в противозаконных манифестациях, назначаются к высылке на родину, подчинять действию вышеизложенных правил по отношению как к учреждаемому за ними надзору и содержанию, так и обеспечению их имущества, оставленного на месте прежней их оседлости.

11. В случае высылки на родину несовершеннолетних вверять их попечению родителей или сторонних родственников по предварительному изъясненному ими согласию с обязательством сих последних независимо от полицейского надзора иметь ближайшее за исправлением их наблюдение с ответственностью за безотлучное их пребывание в указанной местности и за всякое участие в противозаконных проявлениях и действиях. Что же касается до подобных молодых людей из уроженцев западных губерний, то применять к ним означенную меру лишь в том случае, когда сами родители и другие члены семейства высылаемого по предварительным удостоверениям через местное начальство об их образе мыслей и направлении окажутся благонадежными; в противном же случае высылать таковых молодых людей не на родину, а в определенные пункты для лиц польского происхождения.

12. Так как настоящие правила содержат в себе лишь одни общие указания на способ исполнения существующего закона о высылке под надзор полиции лиц, то все содержащиеся в законах правила о ведении таковых лицам списков и представлении срочных о них, куда следует, ведомостей остаются в своей силе.

А. Список местностей, назначенных для поселения в них уроженцев западных губерний

	Число городов	Число ео-стоящ. под надзором	Число ниж-них чинов
Архангельской	2	6	4
Воронежской	5	83	18
Казанской	3	30	9
Костромской	4	57	12
Лифляндской	2	47	10
Новгородской	2	37	7
Нижегородской	4	65	12
Олонейской	4	22	9
Повенской	5	147	29
Оренбургской	6	168	30
Пермской	7	121	26
Саратовской	3	129	22
Тамбовской	1	22	4
Эстляндской	1	11	3

Итого 49 945 199

Б. Список местностей, назначенных для поселения в них уроженцев великороссийских и прочих губерний

	Расстояние в верстах			Число жителей	Крайний раз- мер состоящ. вод надзором	Число ниже- числ
	От СПб.	Москвы	Губ. гор.			
Вологодской губернии						
1. Вельск	980	701	265	1039	5	2
2. Великий Устюг	1170	903	467	839	41	8
3. Кадников	755	475	42	2237	11	3
4. Никольск	1341	1061	628	1311	6	2
5. Сольвычегодск	1268	988	555	1390	7	3
6. Тотьма	918	638	205	3226	16	4
7. Устьсысольск	1598	1316	885	3167	16	4
Вятской губернии						
8. Вятка	1468	945	—	15215	76	15
9. Глазов	1696	1183	210	2001	11	3
10. Котельнич	1480	873	97	2828	14	3
11. Малмыж	1598	925	23	2044	10	3
12. Ноланск	1621	1072	135	2899	15	3
13. Орлов	1435	922	52	3572	18	4
14. Сарапул	1900	1227	583	7414	37	6
15. Царевосанчурск	1367	694	279	826	4	2
Самарской губернии						
16. Бугульма	1774	1101	367	4526	22	4
17. Бугуруслан	1882	129	239	6035	30	5
18. Бузулук	1823	1150	158	6524	32	6
19. Новый Узень	1769	1096	682	6106	30	5
Симбирской губернии						
20. Алатырь	1290	617	208	9075	45	8
21. Буинск	1529	856	75	2949	14	3
22. Кореушь	1359	685	95	3817	19	4
23. Курмыш	1433	705	356	1523	7	—
Итого				98276	487	103

II. Инструкция начальнику губернии в отношении политических ссыльных (утверждена министром внутренних дел в 1863 г.).

1. Во исполнение высочайше утвержденных правил об отдаваемых под надзор полиции лицах начальник той губернии, в пределах которой указаны для жительства сих лиц местности, обязан составить классификации оных, разделив населенные и определенные для того пункты на 2 разряда, соответственно населенности, климатическим условиям, топографическому положению и материальным удобствам жизни. Поведение и нравственность высланных должны служить для губернатора основанием к назначению для них пребывания в том или другом разряде.

2. Начальник губернии, по получении предписания высшего начальства о назначенном к высылке во вверенную ему губернию под надзор по-

лиции или при доставлении его вместе с предписанием, немедленно делает распоряжение о водворении его в указанную местность и в то же время извещает тамошнюю полицию как о том, один ли он прибудет на то место или с семейством, и в сем случае, кто именно его составляет, так и о том, к какому принадлежит он званию и какие имеет для существования средства.

3. Если бы в предписании о высылке в губернию лица не было с точностью указано ни пункта его пребывания, ни означенных в предыдущем § сведений, то начальник губернии входит, с кем следует, в сношение о доставлении оных, а между тем назначает местожительство из числа определенных для сего городов по своему усмотрению, наблюдая только, чтобы количество высланных не превышало в ней размера, указанного в положении.

4. Согласно § 1 сей инструкции начальнику губернии предоставляется право, по собственному усмотрению и по представлению подлежащих полицейских начальств, переводить состоящих под их надзором лиц из одного разряда местностей в другой. О тех из них, которые высланы по распоряжению высшего начальства, с указанием для пребывания их в определенной местности, начальник губернии в подобных случаях входит с представлением к министру внутренних дел.

5. Если бы представился случай, по которому начальник губернии признавал необходимым перевести состоящего под надзором в другую губернию, или получил о том заслуживающее уважения прошение от самого высланного, то обязан войти с представлением о сем к министру внутренних дел.

6. В случае получения от полиции донесения о неблагонадежности состоящего под надзором или о покушениях его к отъезду начальник губернии, если в основательности таковых сведений не представляется сомнений, принимает соответственные меры как к обузданию указанным в законе способом обвиняемых, так и к пресечению средств к побегу.

7. Имея личное наблюдение за строгим подлежащими лицами исполнением правил, для полицейского надзора установленных, начальник губернии обращает особенное внимание на действия по сему предмету подчиненных полиций. На сей конец при личных обозрениях или ревизиях сих учреждений он предлагает начальникам полиции такие вопросы о сих лицах, ответы на которые могли бы служить ясным указанием на степень внимательности полиции к поручаемым ей обязанностям, и в случае замеченной небрежности он, внушая ей всю важность этой части ее долга, не оставляет виновных без законной ответственности.

8. Предоставленное начальникам губернии циркуляром министерства внутренних дел № 123 право ходатайствовать об освобождении из-под надзора полиции или о возвращении на родину высланных лиц остается в своей силе.

9. Начальник губернии, имея высшее наблюдение за исполнением в отношении надзора установленных правил, обращает постоянно внимание, чтобы надзор этот, удовлетворяя вполне общественной безопасности, не был без нужды стеснителен или обременителен для высланных.

10. На сей конец, делая кому следует соответственное сему наставление, начальник губернии не оставляет без внимания жалоб и просьб состоящих под надзором лиц, но по степени их уважительности, устраняя причины неудовольствия, подвергает виновных в превращении власти или притеснительных действиях законной ответственности.

III. Инструкция начальнику полиции.

1. Начальник полиции, надзору коего вверяется присланное по распоряжению правительства на жительство в его ведомстве лицо, получает о том извещение от ближайшего своего начальства с изложением следующих сведений: а) к какому званию принадлежит высланный, б) один ли он прибудет или с семейством, и в сем последнем случае, кто оное составляет, и

в) имеет ли высылаемый собственные средства существования или должен получать пособие от правительства и в каком размере.

2. По получении сих сведений начальник полиции распоряжается приисканием для ожидаемых лиц по возможности удобного помещения, соответствующего их званию и средствам, дабы по прибытии их облегчить им первую потребность жизни указанием на свободное помещение (ст. 558 Св. Зак., т. XV, ч. 2).

3. Вообще начальник полиции, строго исполняя правила настоящей инструкции, должен стараться постоянно облегчать по возможности те затруднения, которые встречаются для лица, поселяющегося в чужой и незнакомой ему местности. Наблюдая внимательно, на основании изложенных ниже сего правил, за его поведением, начальник полиции в то же время старается строгим исполнением своего долга и вместе заботливостью о вверенном надзору его лице внушить к себе не только его уважение, но и доверие (ст. 416, т. II о губ. учр.).

4. Наблюдая за образом жизни, поведением и занятием лица, подчиненного надзору, начальник полиции должен знать: с кем он имеет знакомство, кого посещает, не образовались ли с кем-либо из местных жителей и с кем именно особые у него связи и сношения.

5. Начальнику полиции должно быть известно, какое влияние имеет местное общество на порученного надзору, и наоборот, какое впечатление производит сей последний на местных жителей, и если будет замечено, что он распространяет те идеи, за которые подвергнут надзору, или же какое другое вредное общественному порядку учение, то немедленно доносит о том непосредственно начальнику губернии.

6. Наблюдая за образом жизни и отношениями подчиненных надзору лиц, начальник полиции обращает особенное внимание на сношение их с приезжими в ту местность или с приезжающими посторонними людьми в особенности, если сии последние не имеют ни близкого там знакомства, ни каких-либо собственных дел. В таком случае, удостоверясь посредством паспортов или других определенных законом документов в их личности, он под рукой осведомляется об истинной причине их приезда и, буде она окажется подозрительной, доносит о том начальнику губернии.

7. Почтовая переписка, оставаясь неприкосновенной, должна обращать на себя внимание начальника полиции по отношению к лицам, с которыми производится, и к местностям, куда направляется. На сей конец почтовые конторы обязаны по требованию полиции словесно или письменно сообщать, к кому и куда высылаются письма от отданного под надзор лица, если это им известно, и во всяком случае должны извещать о том, из каких местностей получают адресованные на его имя письма.

8. Так как количество высылаемых в данную местность лиц не может превышать определенного для того числа и как для сей цели назначены в соответствующем размере особые полицейские служители, то на начальника полиции возлагается ответственность за безотлучное пребывание порученных его надзору лиц.

9. Наконец он может, не подвергая такое лицо аресту, обязать его подпиской о невыезде и, кроме того, возложить на полицейских служителей особое наблюдение за безотлучным его пребыванием. С сей целью он снабжает сих последних особыми наставлениями, вменяя им в главную обязанность немедленно доносить, если заметят какие-либо приготовления состоящего под надзором к отъезду, поэтому наблюдение отнюдь не должно быть явным и ни в каком случае стеснительным или оскорбительным для подчиненного надзору полиции.

10. Начальник полиции по получении донесения от полицейского служителя или по дошедшим до него сведениям другим путем о намерении состоящего под надзором выехать из места, назначенного правительством для его пребывания, удостоверится лично в справедливости их сведений и принимает по указанию надобности законные меры к пресечению средств для исполнения сего намерения, донося о сем в то же время начальнику губернии.

Примечание. Меры для пресечения способов к побегу могут состоять в усилении наблюдения посредством нижних полицейских служителей, в оглашении между лицами, занимающимися извозом, о запрещении такому-то выезда из города, во внушении покушающимся к побегу той ответственности (арест, предание суду), которой он подвергается за сие по закону (ст. 560, т. XV, ч. 2).

11. В срочных ведомостях, доставляемых начальнику губернии по установленной форме, полиция не должна ограничиваться обычной аттестацией поведения хорошего и тому подобное, так как учреждаемый сего инструкцией надзор относится к лицам, политические стремления которых хотя оказываются несомненно для государства вредными, но частное поведение которых нисколько не опорочено, то буйные или развратные поступки могут составлять между ними только исключение, поэтому начальник полиции в аттестации своей обязан указывать и то влияние, которое принятая мера производит на порученного его надзору к его исправлению, и тот образ мыслей, который в нем заключается (ст. 416, 2614, п. 5, 2640, т. II, Общ. губ. учр.).

12. Независимо от сего на начальника полиции возлагается обязанность в графе о поведении помещать сведения как о личных и письменных сношениях отданного под надзор лица, так и о том мнении, какое составится о нем в обществе.

IV. Представление министра внутренних дел Тимашева в комитет министров от 22 апреля 1878 г. за № 2245 о воспрещении выпуска в свет «Вятской Незабудки» (памятная книжка Вятской губ. на 1878 г.).

Изложение дела. В феврале месяце с. г. С.-Петербургским цензурным комитетом была оставлена напечатанная без предварительной цензуры в число 2 100 экз. книга под заглавием: «Вятская Незабудка. Памятная книжка Вятской губ. на 1878 г. (неофициальное издание)» без имени издателя и автора, ценою 75 к. за экземпляр. Поводом к такому распоряжению послужило то, что «Вятская Незабудка», не заключающая в себе никаких сведений, собственных памятным вообще книжкам, составляет сборник исключительно обличительных статей и пасквильных рассказов о правительственных и общественных учреждениях Вятской губ. и местных должностных лицах, начиная с волостных и тюремных сторожей до губернатора и архиерея.

Все эти лица обозначены полными именами не только в самом тексте книги, но и в специальном алфавите, помещенном во главе издания на стр. V—VI.

Общий характер книги весьма категорически обозначен ее безымянным автором в открытом его письме (вместо предисловия) к друзьям провинциальной печати.

Приравнивая свою книгу к последнему сочинению Виктора Гюго «История одного преступления», автор объясняет, что его книга «есть тоже история, но не одного, а многих преступлений — явных и тайных, осязательных и неуловимых, уголовных и нравственных, преступлений против общества и отдельных лиц» (стр. VII). Еще более заслуживает внимания цель этого издания, столь же откровенно выраженная безымянным автором на последних страницах того же открытого письма.

Имея в виду, что некоторые из полученных из Вятской губ. корреспонденций не были приняты редакциями столичных газет, или хотя и приняты, но напечатаны затем в менее резкой форме, безымянный автор желает изданием своей «Незабудки» обойти эти препятствия, т. е. открыть означенным корреспонденциям беспрепятственный доступ к печати (стр. XXII—XXVI). Для этого он обращается с разными наставлениями к тем лицам, которые могли бы и желали бы сообщить необходимые для «Незабудки» сведения, причем советует им во избежание прежних неудобств не адресовать ему писем из Вятской губернии, но пересылать ему свои незабудочные

сообщения через знакомых, живущих в других губерниях, с тем, чтобы те уже непосредственно адресовали в Петербург свои заказные письма, в редакцию «Вятской Незабудки», адрес которой известен почтамту (стр. XXVI).

Наконец в примечании к открытому письму безыменного автора к друзьям провинциальной печати сказано:

«Желающим издавать губернские незабудки просят покорнейше обращаться по сообщенному нами выше адресу. Мы можем им дать не только полезное практическое указание, но даже, в случае надобности, в той или другой форме оказать прямое содействие» (курсив в подлиннике, стр. XXV).

Отсюда видно, что «Вятская Незабудка на 1878 г.» не есть отдельное литературное произведение, в себе самом законченное сочинение, но собственно орган той своеобразной редакции, которая, организовавшись в форме постоянного агентства, имеет целью собирать и слагать историю Вятских губерний, как скоро более осторожные столичные газеты отказываются быть безусловным отголоском провинциальных корреспондентов.

Такой обстановке этого издания вполне соответствует и его содержание, весьма обемистое, несмотря на то, что книга издана 12^о.

Возбуждая поголовное обвинение против местного служебного персонала, на основании сведений и фактов, ничем не подтвержденных, «Вятская Незабудка» представляет притом и небывалый в русской печати пример диффамации. Авторы статей, помещенных в «Незабудке», скрывая свои собственные имена, дозволяют себе не только обвинять публично других, не только обозначать заподозреваемых ими лиц полными именами, не только глумиться над этими лицами, но и употреблять относительно их даже чисто бранные выражения. Так, например, к вятскому губернатору, Н. А. Тройницкому, относятся почти прямо эпитеты «глупец», «Жолюшка-простачок», о нем говорится, что его можно на все подбить, что он похоронительствует самым выдающимся развратникам и казнокрадам (стр. 103, 250—257, 337, 349, 361 и 436). Вице-губернатор, Ф. Н. Домелунксен, председатель окружного суда Ренненкампф, прокурор суда Синявин, директор реального училища Позняков, председатель губернской земской управы Дернов, поллицеймейстер Михайлов, смотритель тюремного замка Трофимов, лесничий и др. изображены бесовскими, а иногда и названы глупцами, взяточниками, ворами, мошенниками и т. п. (101, 171, 256, 309, 310, 348, 351, 360, 376, 395, 448, 487).

Обстоятельство это имеет в применении к Вятской губ. тем большее значение, что туда ссылаются на житие многие из политических преступников, и что самое содержание корреспонденций, из которых составлена «Вятская Незабудка», носит в сильной степени отпечаток столь распространенной в этом кругу политической тенденциозности. Возбуждение сильнейшего недоверия к правительству, избирающему будто бы своими агентами самых возмутительных администраторов, судей, наставников юношества и хранителей государственных имуществ, составляет неизбежное, для неравнодушных читателей, впечатление после чтения этой книги. Но это впечатление идет далее, так как на стр. 308, 314, 362, 363, 364, 369 и 370 этой книги проводятся чисто революционные идеи.

Законом Высочайше утвержденное 7 июня 1872 г. мнение государственного совета о дополнении и изменении некоторых из действующих узаконений о печати. Ст. 1: «Если распространение освобожденной от предварительной цензуры книги или номера современного издания, выходящего без цензуры реже одного раза в неделю, министром внутренних дел признано будет особенно вредным, то он может, сделав распоряжение о предварительном задержании такого произведения, представить о воспрепятствии выпуска оно в свет на окончательное разрешение комитета министров. По постановлении заключений по делам сего рода комитет министров принимает в руководство ст. 111 и 126 своего учреждения» (Св. Зак., т. I, кн. 2).

Ст. 2. Некоторые статьи «Вятской Незабудки на 1878 г.», напечатанные в газете «Русское Обозрение» (№ 19 за 1877 г., №№ 3—4 за 1878 г.), послужили поводом к принятию административных карательных мер: а имен-

но: за статью «Молодое старится, старое растет», озаглавленную ныне «Из мрака к свету», объявлено 30 ноября 1877 г. первое предостережение; за статью «Новое вино в старых мехах», вошедшую ныне в статью под заглавием «По способу Александра Македонского», объявлено 25 августа 1878 г. второе предостережение. Статьи, напечатанные в газете «Вечерняя Почта» №№ 69, 70 за 1877 г. под заглавием «Провинциальные каламбуры» и «Не бывать бы счастью, да несчастье помогло», за которые был продолжен срок приостановки розничной продажи номеров газеты, перепечатаны в «Незабудке» с изменением заглавий на «Вятские охранители» и «Пришел, увидел, победил», причем под первую статью оставлена подпись «Сырнев-Залесский», составленная из фамилий ст. помощника правителя канцелярии вятского губернатора и редактора «Губернских Ведомостей», а под вторую — «Шубин», фамилия правителя канцелярии. Остальные статьи, печатавшиеся в повременных изданиях, не возбуждали против себя преследований, как потому что редакции помещали их в значительно смягченной форме, так и потому, что, появившись в виде отдельных корреспонденций, а не в форме особого сборника, они не производили того впечатления, которое имел в виду издатель «Незабудки на 1878 г.».

З а к л ю ч е н и е. Принимая во внимание указанный выше вредный характер «Вятской Незабудки на 1878 г.», министр внутренних дел находит, что книга эта относится к числу указанных в 1 пункте закона 7 июня 1872 г. и подлежит посему запрещению, о чем и имеет честь представить на благоусмотрение комитета гг. министров.

Подписал: министр внутренних дел генерал-адъютант Тимашев и скрепил правитель дел В. Адикаевский.

Верно: и. д. помощника правителя дел В. Тимофеев. (Из дела канцелярии Главного управления по делам печати за 1878 г. № 36).

V. Открытое письмо В. Г. Короленко из Перми по адресу вятской администрации от 12 октября 1880 г.

Возвратившись из очень дальних странствий в лоно культурной общественной жизни, я, кажется, более, чем кто-либо, способен почувствовать и оценить перемены, которые застал в этой жизни. И хотя, как увидите ниже, я, быть может, имею некоторое законное право отнестись скептически к глубине и прочности этих перемен, тем не менее пока факт остается фактом, и это дает мне надежду на разрешение некоторых вопросов, с которыми я до сих пор тщетно стучался во многие двери. На мою долю выпало сомнительное счастье вынести на собственной шее замечательно полный и совершенно законченный цикл административных мероприятий, и я думаю, что моя краткая одиссея представляет как бы в фокусе совершенно цельную картинку из этой интересной области, начиная с высылки без объяснения причин из столицы и кончая после нескольких ступеней ссыльной карьеры (ссылка в уездный город, затем в глухой лесной угол) назначением в Сибирь, в самые отдаленные места, именно в Якутскую область. Интереснейшей и не лишеной трагизма чертой этой одиссеи является то обстоятельство, что ни разу, спускаясь со ступеньки на ступеньку, я не знал, чем вызвана эта перемена в моей судьбе.

Дело началось с двух обысков, во время которых «ничего предосудительного не найдено». Затем арест всех мужчин нашей довольно многочисленной семьи, затем я с братом очутился в Вятской губернии, где обратился с первым вопросом: «за что?».

Попали мы в город Глазов, где я жил около пяти месяцев, причем наше тихое существование не прерывалось ни одним из ряда выходящим столкновением с начальством, в отношении к которому я ни разу не отступил ни на шаг, ни на йоту от чисто легальных форм. Раз мне пришлось апеллировать к министру на одно из решений в отношении ко мне г. губернатора, и мое заявление было уважено. В другой раз я в установленном порядке жаловался на замедления в переписке моей со стороны исправника. Все это в совершенно законном порядке и форме, и

лично с т. исправником мы не обменялись ни одним резким словом. Так дело шло ровно и тихо, пока мою квартиру опять не посетили г. исправник «с понятиями — «с целью (буквальное выражение) разыскать подозрительные рукописи и запрещенные книги». Таковых не найдено, тем не менее мне объявлено, что я высылаюсь в Березовские Починки, и мне осталось только вновь предложить вопрос: «за что?»».

Березовские Починки, как место ссылки, заслуживают того, чтобы на них остановиться подробнее. Едва ли вы найдете их на самых подробных географических картах. Расположены они в верховьях р. Камы, в том месте, где эта река течет еще на север и где она пересекается границей Слободского уезда и Глазовского, — в 30 верстах от уезда Чердынского, родины Пилы и Сысойки. В Вятской губернии это место известно чуть не всем и каждому понаслышке, как последняя ступень ссылки. Да и в самом деле, кажется, трудно еще найти уголок, который показался бы страшным тому, кто побывал в этих Починках. Это не село, не деревня даже, это просто несколько отдельных дворов, рассеянных на расстоянии 15—20 верст, среди лесной и болотистой местности. В одном месте торчит одинокая избушка, занесенная снегом (я был там зимой), в другом две, версты за 2, за 3 еще одна или 2 и т. д. Сосредоточием этого поселения служат 4 двора, которые починовцы величают «деревней». «Мы край света живем», говорят о себе починовцы. Летом в Починках пробраться можно только верхом — телег с колесами починовцы не употребляют. Если с вами есть кладь (хлам, по выражению починовцев), то этот хлам перевезут вам в лодке или в санях летом по суше. Население — те же подлиповцы. Давно уже, еще при дедах, выселилось несколько семей в эти места, огражденные лесами да тоями от внешнего мира, и поэтому они остались при известном уровне потребностей, ниже среднего. Мне, например, отвели для жительства курную избу, так как нельзя было найти подходящей «белой». Знаете, что значит курная изба? Это изба без трубы; дым, когда затопят, «пыхает» прямо в избу и наполняет ее от потолка до пола. Чтобы была возможность дышать, открывают волоковое оконце, но этого мало. Еще открывается дверь, и тогда морозный воздух выбивает дым на уровень головы, и он стоит вверх, колышется густой, резко отграниченной пленкой. Если подняться во весь рост — голова в дыму. Таким образом устанавливается своего рода равновесие: голове жарко, зато ноги стынут от 30—40° мороза. Это продолжается около $\frac{1}{4}$ часа, после чего двери захрываются и в потеплевшую избу впускают скотину. Лошади, коровы, овцы чередуются друг с другом, оставляя на полу очень заметные следы своего пребывания. Когда в Починки является новый человек, его сначала немного дичатся. Ребята и подростки жмутся по углам, пугливо наблюдая за вашими движениями. Но вот кто-нибудь из них посмелее бросается к вам, и начинается подробный осмотр, от которого вам придется отбиваться чуть не силой. Вдобавок ранее в Починки высылались уголовные сыльные, которые не умели сжиться, совершали кражи, поджоги и т. д. Поэтому с первого же шага всякого сыльного встречают недружелюбно, чуть не враждебно. Меж тем вятская администрация считает возможным сылать туда даже молодых девушек. В Пудуже из-за одной прогулки за город произошло столкновение между полицией и сыльными, которое разыгралось чуть ли не вооруженным сопротивлением, по отзывам полиции (оружие — грибы и ягоды в руках девушек, да и это оружие не было пушено в ход). Суд, разобрав это «дело», присудил участнику месячному тюремному заключению, а административный порядок препроводил их в Вятскую губернию, откуда одну, г-жу У-ую¹, привезли в Починки во время моего пребывания, а г-жу О. К-ую¹ отправили в деревню в Котельничском уезде. В починках мы с г-жей У-ой дали подписку о невыезде из деревни. Но вот в один прекрасный день урядник заявляет нам, что мы не имеем права посещать друг друга в пределах Починка, вообще

¹ Здесь имеются в виду Э. А. Улановская и Ольга Квасницкая. — П. А.

имеем право ходить только по земле хозяина, у которого живем. Это распоряжение урядник передавал от лица станового и исправника.

Но как бы то там ни было, в Починках мы жили ровно и тихо, в полном согласии с населением, вдали от начальства, и даже я лично находил в своем положении много хороших сторон, из которых важнее прочего была приятная уверенность, что, повидимому, для меня нельзя отыскать никакого другого сюрприза. Увы! человеку свойственно ошибаться. Сюрприз нашлся.

В одну не особенно прекрасную зимнюю ночь ко мне неожиданно явился с испокон века невиданные в Починках жандармы. Мне пришлось собрать свои пожитки, инструменты (в Починках я занимался ремеслом) и тронуться в путь. Куда?

Меня привезли в Вятку и посадили в острог, где я просидел 15 дней. Губернатора в то время не было. Меня встретил новый полицеймейстер, заменивший прежнего, который из-за каких-то «неприятностей» принужден был оставить должность. В противоположность с прежним, человеком невежественным и грубым, «новый» был холодно-вежлив, деликатен и тонко дипломатичен. На первых же порах он счел за чем-то нужным намекнуть мне, что я получаю «повышение» и перевожусь в губернский город. О, злая ирония! Тут, конечно, мне не пришлось даже предлагать обычного вопроса: «за что?» ибо ответ сам собою разумеется: «за долготерпение». Между тем, пока я колебался между различными недоразумениями и сомнениями, г. полицеймейстер, хотя секретным образом, но очень предупредительным образом занялся упаковкой моих вещей для дальнего путешествия. И вот, в 15-й день моего заключения мне заявляют: «Пожалуйте, собирайтесь». «Куда?» Вежливый поклон и выражение дипломатического сфинкса. Я понял, что, стало быть, это «не мое дело» и вопрос о том, куда меня ведут, до меня не относится.

— Но позвольте, — я ведь просил позволения уложить мои вещи, привести их в порядок.

— Уложены и запечатаны.

Стало быть, и это покончено без меня. Конечно, думается мне, я имел бы некоторое право присутствовать при том, как роют и перерывают мои собственные вещи, — но... очевидно, я заблуждаюсь. И вот, я в Вышневолоцкой тюрьме, а оттуда одна дорога — в Сибирь. Наконец, успокаиваюсь. — Кажется, ничего больше ожидать невозможно. Конец сюрпризам. Я предлагаю еще один раз вопрос: «за что?» и уже окончательно успокаиваюсь, не получив ответа.

Однако, вятская администрация превзошла сама себя.

В ее распоряжении оказался сюрприз, который разразился совершенно неожиданно, долго спустя после того, как я расстался с нею.

Считаю нужным отметить еще один факт. В Вышний Волочек накануне пасхи явился к нам член верховной комиссии князь Имеретинский. Он беседовал с каждым из нас, в том числе и со мной. На вопрос князя, за что я высылаюсь, я ответил тем же вопросом. Признаюсь, решение этого вопроса было верхом моих ожиданий. Я полагаю, что никто не может ответить на него фактами, которых бы я не попытался опровергнуть, если бы знал их. Раз они остаются «в секрете», как быть? Я мог только забыть, что так как я ни перед кем не исповедывался в своих убеждениях, то удивляюсь, на чем основано заключение о необходимости моего переселения в столь отдаленные страны. Я был уверен, что не «слово» и не «дело» послужило к этому поводом. Оставалось, значит, «помышление», — уловленное, очевидно, «чтением в сердцах». Но я опять ошибался. Причиной моей высылки оказалась факт, со всеми свойствами осязательного конкретного факта. Уже в пути пришлось мне узнать, что я сылаюсь «за побег», и притом с упоминанием об указе от 8 августа 1878 года (сноска: факт несомненный, основанный на данных статейного списка). Стало быть, с перспективой Якутской области.

И вдобавок узнал я об этом случайно, знать мне тогда еще вовсе не полагалось, и сылаться на это я не мог. Не кажется ли вам, что едва ли

жизнь может придумать что-либо трагикомичнее положения, в котором я очутился. Представьте — ведь я никакого побега не совершал.

Да и не думал. Из Глазова я выехал по распоряжению г. исправника; распоряжение это объявлено при понятых, с меня взяты соответственные подписки, ехал я на казенный счет. Из Починков взят жандармами из собственной квартиры, которая указана местным волостным начальством, взят тоже при этом начальстве и понятых. Даже за самовольную отлучку (за которую приговаривали других ссыльных к месячному штрафу) ни разу не судился. Когда же я бежал с места ссылки? Это вопрос...

Тут уже конечно итти далее было некуда, и в моей судьбе должен был произойти перелом. И он произошел действительно: в Томской пересыльной тюрьме мне и еще нескольким лицам объявили, что мы возвращаемся в Европу: пятеро на условиях полного освобождения, другие пятеро (и я в том числе) в распоряжение губернаторов Европейской России.

Теперь я в Перми.

В заключение я пользуюсь случаем, чтобы спросить у вятской администрации, когда же, в какой день и час совершил я побег, за который чуть было не попал в Якутскую область. И если не попал, то уже в этом, конечно, не она виновата, а... случайность. А ведь это, шутка сказать, не близко...

(Из с.-петербургской газеты «Молва» от 12 октября 1880 г. № 282).

VI. Секретное отношение вятского губернатора министру внутренних дел от 18 декабря 1898 г.

Состоящие под гласным надзором полиции в Вятской губернии белозерский мещанин Александр Иванович Яшкин и уроженец Виленской губернии Феликс Эдмундов Дзержинский с прибытием во вверенную мне губернию своим поведением проявляют крайнюю неблагонадежность в политическом отношении и уже успели приобрести влияние на некоторых лиц, бывших доныне вполне благонадежными. Из разговоров их можно заключить, что они не прекратили сношений и со своими единомышленниками в Вятской губернии.

Сделав распоряжение о переводе Яшкина и Дзержинского в отдаленную волость Слободского уезда, имею честь ходатайствовать пред вашим высокопревосходительством о разрешении применить к ним ст. 29 Положения о полицейском надзоре.

Подписал губернатор Клингенберг.

(Д. к. в. г. 1898 г. № 232).

VII. Копия рапорта Кайгородского волостного правления слободскому уездному исправнику от 22 марта 1899 г.

Состоящий под гласным надзором в селе Кайгородском здешней волости Феликс Эдмундов Дзержинский занимается писанием многих жалоб и прошений, также и заявлений от крестьян во многие учреждения и должностным лицам. Редактируемые Дзержинским прошения и жалобы нередко получают в здешнем волостном правлении и суде.

О вышеизложенном волостное правление имеет честь донести вашему высокородию на зависящее распоряжение и покорнейше просит дать знать правлению, не имеется ли каких-либо препятствий со стороны вашего высокородия к принятию сим правлением всякого рода редактируемых Дзержинским жалоб, прошений и заявлений. Подлинный за надлежащим подписом.

С подлинным верно:

Уездный исправник (подпись).

VIII. Предписание вятского губернатора слободскому уездному исправнику от 16 июля 1899 г.

Вследствие рапорта от 25 минувшего июня за № 24 даю знать вашему высокоблагородию для исполнения, что состоящий в с. Кайгородском под

гласным надзором полиции Феликс Дзержинский должен быть привлечен к ответственности за нарушение 26 ст. Положения о полицейском надзоре, как уличенный в занятии адвокатурой, ему не разрешенной.

(Московский архив революции и внешней политики. Фонд
особого хранения, № 34).

IX. Предписание слободского уездного исправника полицейскому надзирателю от 6 августа 1899 г. об установлении строгого надзора за кандидатом прав (С.-Петербургского университета П. И. Стучкой.

По высочайшему повелению, последовавшему 31 марта 1899 года и выраженному в предписании господина вятского губернатора от 8 мая 1899 г. за № 1214, кандидат прав С.-Петербургского университета Петр Иванович Стучка отдан под гласный надзор полиции на 5 лет за государственное преступление.

Приняв во внимание, что в настоящее время Стучка находится в городе Слободском, где и должен подлежать определенному надзору, поручаю вам иметь строгое наблюдение за поведением, занятиями, образом жизни и знакомствами этого лица, при секретном установлении: не замечается ли противоправительственного влияния его на местное население и других обывателей, и, в случае малейшего допущения Стучкою каких-либо незаконных действий и поступков его, докладывать лично мне.

Уездный исправник (подпись).

20 сентября 1901 г. Стучка из г. Слободского выбыл на жительство в г. Вятку, получив от г. слободского уездного исправника свидетельство за № 6 на этот путь; о прибытии Стучки в гор. Вятку получено от вятского полицеймейстера уведомление от 21 того же сентября за № 351.

Полицейский надзиратель гор. Слободского (подпись).

X. Прошение политического ссыльного Никитина (из Нолинска) министру внутренних дел от 9 сентября 1900 г. об отмене распоряжения вятского губернатора о запрещении политическим ссыльным остановок в деревнях, фабриках и заводах во время прогулок.

10 августа сего года мне было объявлено распоряжение господина вятского губернатора о том, что я во время своих прогулок в установленном г. исправником районе (городского владения) не должен иметь остановок в деревнях, фабриках и заводах. Ввиду того, что, во-первых, прогулки в нашем законодательстве никакой нормировке не подлежат, так что и самое установление для них района административной, а не законодательной властью является неправильным; во-вторых, распоряжение само по себе не имеет под собой реальной почвы, так как в пределах городских владений нет деревень, а также заводских поселений; из четырех же небольших заводов и фабрик две табачные фабрики, находящиеся в самом городе, недоступны посторонним лицам по правилам акцизного надзора, остальные два кожевенные завода могут быть посещаемы лишь с особого разрешения их владельцев, которые, конечно, не допустят каких-либо «остановок» в зданиях своих заводов, из чего видно отсутствие необходимости вышеупомянутого постановления; в-третьих, термин «остановка» по крайней своей неопределенности может вызвать лишь недоразумения между местной администрацией и высланными, недоразумения, могущие столь вредно отозваться на них и нежелательные в смысле сохранения надлежащих отношений между управляющими и управляемыми, так как при неопределенности термина «остановка» основанием для привлечения к ответственности может явиться простое усмотрение меня около здания фабрики, чего избегнуть, конечно, невозможно, раз фабрика расположена в самом городе; в-четвертых, подобное распоряжение, внося особое ограничение в правах состоящих под надзором, составляет существенное дополнение к правилам II приложения к I ст. Устава о предупреждении и пресечении преступлений, пра-

вилам, издание которых подлежит компетенции комитета министров, а следовательно, представляет предвосхищение власти одного и превышение власти, в 338 ст. Уложения о наказаниях предусмотренное, не могущее найтись себе определения в 340 ст. того же Устава, а также в 1 ст. Устава о предупреждении и пресечении преступлений, так как в таком случае мне было бы предъявлено предписание вашего высокопревосходительства, на основании которого принято разбираемое распоряжение.

Ввиду всего этого, я покорнейше прошу ваше высокопревосходительство отменить распоряжение его превосходительства г. вятского губернатора как несоответствующее закону, подрывающее уважение к законной власти, закону и законности, крайне обременительно могущее отозваться на моем положении и, ставя меня в неопределенное положение, открывающее широкое поле для всякого рода недоразумений и незаслуженных взысканий со стороны местной администрации.

При сем прилагаю копию подписки, предложенной мне для подписи г. исправником.

9 сентября 1900 г. Б. студент Московского императорского университета Алексей Никитин.

(Из дела канцелярии вятск. губернатора 1898 г., № 135, лист 56—57).

XI. Прощение политического ссыльного В. А. Кожевникова от 4 октября 1902 г. вятскому губернатору о постановлении отношений местной полиции к ссыльным в должные границы.

Мне уже однажды приходилось обращаться к вашему превосходительству с жалобами на своеволия, производимые местной полицией, чем я также мотивировал в свое время прошение о своем переводе. К сожалению, мои прошения остались без последствий, и полиция попрежнему продолжает употреблять все усилия, чтобы окончательно вывести нас из себя. 3 октября она совершенно без всяких причин арестовала возвращавшегося из отпуска товарища Величина и произвела в его вещах обыск, а «по пути» обыскала и квартиру товарища Попова. Господин исправник, кроме того, заявил, что «очень жалсет, что не произвел обыска и у Кожевникова». Помощник исправника, со своей стороны, за мои слова, что по поводу ареста Величина такие же были основания производить обыск у всех ссыльных, как у Попова, ответил, что у всех производить трудно, а ему хочется обедать. Я просил бы вас ответить мне, неужели только желание обедать является законною границей своеволия полиции и законен ли вообще весь тот цинизм, который заключается в вышеприведенных фразах. Неужели во всякое время, без всяких причин полиция может ворваться в квартиры ссыльных, чтобы удовлетворять своей странной страсти копаться в частной, интимной жизни нашей? И неужели вообще допустима возможность существования под постоянным ожиданием нашествия полиции, которая всегда рада доставить ссыльным ту или иную неприятность. Со своей стороны, я не думаю, чтобы закон оправдал нелепые действия местной полиции, а посему усиленно прошу вас поставить действия местной полиции к ссыльным в должные границы.

Вс. Кожевников.

Орлов, 4 октября 1902 г.

(Из дела канцелярии вятск. губернатора 1898 г., № 135, лист 56—57).

XII. Прощение политического ссыльного К. А. Попова от 4 октября 1902 г. вятскому губернатору о прекращении нашествия полиции на его квартиру.

4 мая текущего года, по распоряжению Вятского жандармского управления, исполпотанному, несомненно, г. исправником Высоцким, у меня был произведен местной полицией обыск. Не прошло и полгода, как вчера, 3 октября, в 2 часа дня, нашествие полиции на мою квартиру повторилось — на этот раз по личному распоряжению г-на орловского исправника. На обыске

г. помощник исправника заявил, что его появление в моей квартире объясняется приездом ко мне товарища Величкина Н. М., возвратившегося из отпуска и почему-то арестованного полицией утром в тот же день. Когда же г-ну помощнику было замечено, что никакой связи между приездом Величкина и необходимостью обыска у меня не может быть, он ответил: «Да уж по пути и у вас». Итак, обыск у меня производился просто «по пути», т. е. просто потому, что этого захотелась полиция. Мне не доставляет ровно никакого наслаждения принимать у себя незваных гостей, поднимающих вверх дном всю квартиру, и если полиции нравится так часто без всяких причин рыться в моих вещах, вторгаясь в мою чисто личную жизнь, и отнимать у меня время своими любезными посещениями, то она все же должна бы понимать, что эти посещения могут возмутить самого терпеливого человека. Полиции мало, что ее «тайные» агенты положительно не дают покоя сыльным, шныряя у их квартир, что эти агенты развращают мальчуганов, подкуная их для подглядывания за сыльными, что она заставляет каждого постового городского следить за каждым шагом, за каждым поконом сыльных, что она превращает в шпионов квартирохозяев, собирая от них сведения о жизни сыльных и даже подговаривая их забираться в комнаты сыльных и вытаскивать оттуда книги для представления полиции, что более порядочных хозяев она заставляет негодовать на беспрепятственные посещения «агента», что она своим сыском затрудняет для сыльных подыскивание квартир; ей мало распускать по городу самые нелепые сплетни об сыльных и пользоваться невежеством обывателей, чтоб изолировать сыльных от всякого соприкосновения с обывателями и лишать их этим всякой возможности найти заработок, она считает возможным без всяких оснований, — лишь потому, что она «все может», — вторгаться в квартиры сыльных.

Ее вторжения возмущают меня не только беспричинным рытьем в моих вещах, книгах, рукописях и моей частной переписке, но и тем, что они нарушают правильный ход моих научных занятий. При обыске у меня изъяты на неделю целый ряд крайне необходимых мне немецких и русских книг и рукописей, совершенно невинных в политическом отношении; при вчерашнем обыске у меня изъяли совершенно легальную книгу («Общественное движение в средние века и в период реформации») только потому, что г. помощник исправника не имеет никакого представления ни об научной литературе, ни об цензурном уставе. Неужели я, как сыльный, должен иметь две квартиры: одну официальную — для приема чинов полиции, другую — для себя, для своих занятий?

Протестуя против произвольных обысков «по пути», против беспричинного вмешательства полиции в мою частную интимную жизнь и столь же беспричинных нарушений правильности моих занятий, я просил бы ваше превосходительство принять зависящие от вас меры к прекращению наместий полиции на мою квартиру.

4 октября 1902 г., г. Орлов.

(Из канцелярии вятск. губернатора 1900 г. № 174, л. 30—31).

ХIII. Рапорт орловского уездного исправника вятскому губернатору от 7 октября 1902 г. за № 51 о возвращении Величкина из поездки и о нанесении последним пощечины исправнику.

Имею честь донести вашему превосходительству, что 2 сего октября состоящий под гласным надзором полиции в селе Слудке Николай Михайлов Величкин прибыл в город Орлов, выехав из г. Малмыжа 21 сентября, где находился с 16 сентября в разрешенной отлучке, которая была ему дана вашим превосходительством на четыре дня. Так как, по сообщению малмыжского исправника, Величкин, по слухам, циркулирующим среди поднадзорных, вместо того, чтобы ехать из деревни Горки на пароходе в Орлов, отправился вниз на Казань с намерением ехать в Харьков, а прибыв в Орлов, прямо проехал на ночлег к состоящему под гласным надзором полиции Попову, на деятельность которого меня неоднократно просил обратить внимание начальник Вятского губернского жандармского управления, сообщив вместе с тем, что Попов и Кожевников, по агентурным сведениям, получают

Будто бы запрещенные издания, как то «Искру» и проч., то, желая обнаружить, не привез ли Величкин Попову каких-либо нецензурных изданий или прокламаций, я, получив от надзирателя гор. Орлова 3 октября утром сведения, что Величкин находится в полицейском управлении, велел попросить его подождать там моего прихода, а сам поручил своему помощнику отправиться на квартиру Попова и произвести у него обыск, осмотрев к стати и вещи Величкина. Придя в полицейское управление, я сказал Величкину, что, так как мне не известно, где он был одиннадцать дней и действительно ли опоздал из разрешенной отлучки вследствие неисправности пароходов и что о нем, по предписанию вашего превосходительства, производился розыск, то отправлю его в Слудку с надзирателем. Величкин сначала хотел писать жалобу на это мое распоряжение товарищу прокурора с тем, чтобы он тотчас его освободил из управления, находя, что означенным распоряжением я лишаю его свободы, для чего и получил лист бумаги, но затем, узнав от меня, что в Орлове нет товарища прокурора, жалобу свою разорвал и попросил дать ему чаю и белого хлеба. Чай был подан по моему приказанию, а за булкой он послал на свои деньги. Затем, заявив, что ему надо от Кожевникова получить деньги, он попросил моего разрешения послать ему записку, что и было мною разрешено. Затем я также послал чай с Величкиным, и он, разговаривая со мной, жаловался мне на тягость надзора, рассказывал, что когда он ехал в последний раз с матерью в Мамыж, то на 13-й версте от Слудки был задержан крестьянами, которые, вообразив, что он бежит, остановили его, но он показал им паспорт матери, и они его отпустили. Это его так возмущает, что едва ли он дотянет срок надзора до мая, когда он должен кончиться. Сказав ему, что все это только естественные последствия того положения, в которое он сам себя поставил, я убеждал его примириться со всем этим, вести себя согласно известным ему правилам надзора и что своим побегом он только ухудшает свое положение, так как должен будет вновь отбывать надзор, между тем, как, окончив благополучно срок его, он может вновь выйти на дорогу. В таком духе шла у нас беседа до прибытия Кожевникова, который принес Величкину 10 рублей. Последний встретил его в передней, где они с четверть часа разговаривали, а затем, получив деньги, Величкин вернулся в кабинет, где сообщил мне, что у Попова производится обыск, причем сказал, что у него-то, Величкина, уж никогда ничего не найдут, да и у Попова также; только жаль, что из-за него сделана неприятность Попову и произведут у него погром. «Значит, вы хорошо умеете прятать?» спросил я. «Ну, уж просвещать вас этому не буду», ответил мне Величкин. Далее он мне говорил, что против меня, как личности, он ничего не имеет, но, как к представителю полиции, исполнителю воли высшей администрации, не может питать добрых чувств. Затем явился помощник и доложил, что обыск кончился. Чтобы выслушать доклад его, я, оставив Величкина в своем кабинете, перешел в залу полицейского управления, где и рассматривал взятые помощником при обыске у Попова и Величкина книги, рукописи, рисунки. В это время в переднюю вошли поднадзорные: Федор Власов, Константин Иванов и опять Кожевников, но уже вместе с проживающей у него Эмилией Гейбург-Гейбович. Величкин, выйдя к ним, остался там с ними до тех пор, пока я не пригласил его к себе в залу. Лишь только лошади для надзирателя для сопровождения Величкина в Слудку были во дворе полицейского управления поданы и надзиратель о том мне доложил, я приказал Величкина попросить ко мне и когда он подошел к столу, около которого стоял я с помощником и читал рукопись, отобранную у Величкина, то я сказал ему: «Вот, г. Величкин, у вас отобрана рукопись, полагаю ее возвратить вам, так как в ней ничего предосудительного нет» («Жизнь и творчество растений»). На что Величкин мне ответил следующими словами: «Хочу вам, г. исправник, сказать несколько слов». — «Наедине или здесь?» «Все равно». — «Сделайте одолжение». После моего ответа Величкин начал: «Так как наши легальные жалобы на учрежденный надзор за нами не достигают цели, то мы решили действовать нелегально». С этими словами он нанес мне оскорбление действием. Будучи озадачен поступком Величкина, буквально ничем

много не вызванным, я положительно не помню, чем ему ответил — это был момент, в который я потерял сознание. Помню только, что закричал надзирателю, чтобы его вывели в другую комнату. Помощник мой, секретарь полицейского управления и другие лица, которые были в этой комнате, сказали мне потом, что я Величкина после нанесения им мне оскорбления ударил. Перед тем, как Величкин подошел к столу, прочих поднадзорных из передней не было видно, хотя обе двери из нее выходят в залу, где я был, — они, поднадзорные, стояли в простенке в передней. Затем далее знаю, что, когда Величкина повели в другую комнату, то поднадзорный Кожевников оказался в дверях и спросил, зачем его взяли и увели. Поняв из этого вопроса, что они, поднадзорные, значит, ничего не видели, и, не желая их посвящать во всю эту историю, я ответил: «Выходите, выходите из управления. Если Величкин чем недоволен, может жаловаться». Затем они вышли во двор; предполагая, что сейчас выйдет с надзирателем Величкин, и опасаясь беспорядков со стороны поднадзорных, я велел надзирателю попросить их разойтись, что они исполнили, постояв еще несколько времени на улице. Из вышеприведенных слов Величкина: «Мы решились... я заключаю, что, наоборот, поименованные выше поднадзорные знали о намерении Величкина нанести мне оскорбление и они-то, а главным образом Кожевников, и подговорили его к этому, но не были в момент поступка Величкина в зале для того, чтобы не быть свидетелями и не обнаружить себя соучастниками его деяния, и вопрос Кожевникова: «Зачем увели Величкина» — был сделан с целью замаскировать свое косвенное участие в этом деле. Протокол о нанесении мне оскорбления Величкиным сего числа представлен г. прокурору Вятского окружного суда для привлечения его к ответственности по 285 ст. Улож. о наказ. При сем имею честь присовокупить, что сопровождавший в Слудку Величкина надзиратель докладывал мне, что Величкин дорогой ему говорил, что извиняется предо мною за нанесение оскорбления, что против меня, как личности, он ничего не имеет и что причинить оскорбление, конечно, следовало высшей власти, но так как таковой здесь нет, и ее исполнителем являюсь я, то поневоле пришлось оскорбить меня, что мысль оскорбить меня у него явилась за полчаса до совершения оскорбления. Это значит, когда он находился в передней с поднадзорными.

№ 51, 7 октября 1902 г.

Исправник Сырцов.

(Из дела к. в. г. 1898 г., № 176, л. 105—109).

XIV. Рапорт орловского уездного исправника вятскому губернатору от 14 октября 1902 г. за № 51 о побеге Величкина с места ссылки.

Пристав 2 стана вверенного мне уезда телеграммою от сего числа донес, что состоящий в с. Слудке под гласным надзором полиции бывший студент Московского университета Николай Михайлов Величкин в ночь на 12 сего октября из села Слудки неизвестно куда скрылся.

Приметы Величкина: 29 лет, среднего роста, волосы на голове, бровях, усах и бороде черные, лицо чистое, носит очки.

О розыске и задержании Величкина мною вместе с сим, за № 51, сообщено всем уездным исправникам Вятской губернии (вятскому, пермскому, казанскому и харьковскому полицеймейстерам), а также предписано к исполнению полицейским чиновникам Орловского уезда, при чем приставу 2 стана поручено произвести подробное дознание об обстоятельствах, сопровождавших побег Величкина, осмотреть его квартиру, описать и сдать на хранение его имущество, если таковое осталось.

Об этом честь имею донести вашему превосходительству в дополнение к телеграмме о побеге Величкина и присовокупить, что о результатах произведенного приставом 2 стана дознания, по получении такового, мною будет донесено вашему превосходительству дополнительно.

За уездного исправника помощник его Ф. Дьяконов.

№ 51.

14 октября 1902 г.

По канцелярии.

(Из дела к. в. г. 1898 г., № 176, л. 104).

**XV. Рапорт его же вятскому губернатору от 25 октября 1902 г.
№ 51 об обстоятельствах побега Величкина.**

В дополнение к рапорту своему от 14 октября за № 51 имею честь донести вашему превосходительству, что квартирующей в с. Слудке полицейский урядник Вакулин, заметив, что в ночь на 12 октября в квартире гласно-поднадзорного Николая Величкина огонь был погашен ранее обыкновенного времени, на другой день спросил семейных хозяина квартиры Величкина Осиповых, дома ли Величкин, которые ответили, что Величкин ушел или гулять или же в гости. Наблюдая за возвращением Величкина в квартиру, Вакулин в то же время разузнавал, куда ушел Величкин, а когда узнал, что Величкина в с. Слудке нет, стал вновь расспрашивать семейных Осипова о том, куда и в какое время отлучился Величкин, но они на это удовлетворительного ответа не дали, уверяя, что об отлучке Величкина они ничего не знают и что он, Величкин, ключа от своей квартиры им не передавал, при этом хозяин дома сообщил, что в ночь на 11 октября в квартире Величкина был бывший поднадзорный Казимир Лутович. В виду чего Вакулин тотчас же отправился разыскивать Величкина по дороге, ведущей к железнодорожной станции Юрья, но никаких сведений о проезде Величкина собрать не мог.

При производстве приставом 2-го стана дознания по поводу отлучки Величкина, хозяин квартиры его, крестьянин села Слудки Афанасий Семенов, и жена его Малания Федорова Осипова объяснили, что об отлучке Величкина они узнали вечером 12 октября от урядника Вакулина, ранее же не знали, ключа от квартиры Величкин им не передавал. Сноха же Осиповых, Мария Спиридонова, от которой, в отсутствии свекра и свекрови, был потребован самовар, принадлежащий Величкину и находившийся в его квартире, выдать который разрешил будто бы свекор ее, достала с полки ключ от квартиры Величкина и хотела что-то говорить, но вошедшего в это время в избу свекровью ее на пермяцком наречии была предупреждена не говорить и на дальнейшие расспросы объяснила лишь, что ночью на 12 октября она выходила для естественной надобности в ограду и здесь встретилась с Величкиным, который ей передал ключ от квартиры, при чем Величкин в это время был в одном пиджаке и без шапки.

С кем и по какому направлению уехал Величкин достоверных сведений собрать не представляется возможным. Из села Слудки на города Вятку и Слободской существует несколько дорог, из коих более главные: на железнодорожную станцию Юрья, Мураши, через дер. Бобера и Великая и на Анкушинскую земскую станцию Слободского уезда проверены, и по этим дорогам Величкин не проезжал.

Казимир Лутович прибыл в Слудскую волость из города Вятки на лошадях, через станции Загарскую и Анкушинскую. От села Анкушина он доехал до деревни Заимской Березовской волости с земским ямщиком, из заимки Лутовича увез местный крестьянин до деревни Куанджской Слудской волости, и здесь, пока Лутович ходил пешком в село Слудку ночью на 11 октября, ямщик его дожидал, а затем рано утром 11 числа увез его на станцию Юрья. Лутович уехал один, он рассказывал ямщику, что едет разыскивать деньги, потерянные им при отезде из Слудки, по освобождении его из-под надзора полиции, но Лутович никому из должностных лиц Слудской волости о потере денег не заявлял.

Имущество Величкина, оставшееся в квартире его, по приведении в известность, сдано под расписку слудскому волостному старшине, копия с описи при сем представляется.

Исправник **СЫРЦОВ.**

№ 51

25 октября 1902 г.

По канцелярии.

(Из дела канцелярии вятского губернатора 1898 г. № 176, 109—111.)

XVI. Жалоба политического ссыльного К. А. Иванова министру внутренних дел от 18 января 1904 г. на яранского жандарма, причинившего ему увечье.

В ночь с 3 на 4 текущего сентября я шел по Казанской улице по направлению от своей квартиры к больнице. Только-что я дошел до первой поперечной улицы (Вознесенской), как увидел местного жандарма Олюнина, который шел по Вознесенской ул. в направлении от городского сада тоже к больнице. Этот господин, будучи пьян, позволил себе крикнуть мне через улицу: «А, г. Иванов! здравствуйте, мое почтение» и пошел от углового дома Косолапова по диагонали ко мне. Пораженный таким свободным обхождением жандарма с политическим ссыльным и обиженный такой фамильярностью пьяного солдата, я также пошел к нему навстречу по той же диагонали и, обращаясь к нему, спросил, на каком основании он так фамильярно обходится с политическим ссыльным. Когда я был от него на полшага, Олюнин, пробормотав какие-то междометия вроде «г. Иванов... я... я...», моментально выхватил отведенную шашку и ударил меня ею наотмашь по левой стороне головы и этим ударом отрубил мне левое ухо, после чего быстро удалился. Я же, зажав рану носовым платком, пошел к земской фельдшернице Матвеевой, в ее квартиру рядом с больницей, разбудил ее и с ней вместе отправился в больницу, где по приходе врача мне было пришито ухо, сделана перевязка, и я был положен в палату.

Вот голое описание факта, о котором я имею честь донести вашему сиятельству.

Мои товарищи, политические ссыльные г. Яранска, послали телеграмму вашему сиятельству, г. вятскому губернатору и г. прокурору вятского окружного суда с изложением факта и требованием принятия мер к расследованию дела.

Олюнин на другой день доложил о своем поступке г. местному исправнику, заявив, что он в виду моего «нападения» с палкой вынужден был обнажить шашку и ударил меня в плечо и что, вероятно рассек пальто в этом месте. На другой день г. исправник вместе с надзирателем были у меня в больнице, осматривали окровавленные вещи и произвели допрос.

7 сентября приехал из Вятки жандармский ротмистр г. Маер для производства допроса, а на другой день был и полковник г. Александров.

Г. Маер, находя вполне естественным факт такого фамильярного обращения солдата со мною, так как «он меня знает, и я его знаю», всеми силами старался обелить Олюнина, пытаясь доказать, что у меня была палка, что я его палкой ударил, и что Олюнин имел полное право обнажить шашку, что ему даже может быть объявлена «благодарность за защиту воинской чести». Держал себя Маер грубо и даже позволил себе при допросе фельдшерницы, г. Матвеевой, возвышать голос и угрожать увольнением от должности.

Таким образом все следствие имело явную тенденцию выставить виноватым меня и правым жандарма. Особенно напирала на именование у меня палки. Но ходить с палкой я не имею обыкновения, что могут засвидетельствовать и яранские обыватели, и товарищи; да и свидетельство врача удостоверяет, что царапина, оказавшаяся у Олюнина, не могла быть сделана палкой.

Производя следствие и желая явно обелить своего подчиненного, г. Маер сказал мне, что знает Олюнина за человека трезвого, здравомыслящего, знающего свои обязанности.

Но относительно его трезвости могут засвидетельствовать местное население, в том числе акцизный чиновник г. Еремеев, который выпроводил его пьяного из клуба, и местный воинский начальник, к которому он являлся в нетрезвом виде.

Что же касается знания Олюниным своих обязанностей, то факты говорят и против этого. Он позволял себе останавливать на улице частных лиц, у которых ссыльные имели работу, и расспрашивать их (факт с нотариусом Лубниным и ссыльным Богдановым, о чем Богдановым была подана жалоба

прокурору). Олюнин переодетым следил за политическими ссыльными, не смотря на то, что для этого имеются специальные агенты полиции, и выслеживание было так нахально и уммышленно небрежно, что было заметно. На этой почве у него вышел инцидент с ссыльным Богдановым и Занек о чем ими и было своевременно доложено г. исправнику.

Олюнин производил даже расследование уголовных дел, что может подтвердить товарищ прокурора г. Курочкин.

Свидетельство врача г. Шулятикова признает мою рану тяжелой и предвидит возможность потери ушной раковины и слуха. 14 сего сентября ухо у меня и было отнято, а вопрос о потере слуха еще не выяснился, но во всяком случае ослабел от потери раковины.

Так как произведенное следствие я считаю односторонним, так как после такого случая никто и из обывателей не гарантирован от сумасшедших выходов Олюнина, не арестованного и разгуливающего на свободе, то мне остается только обратиться к вашему сиятельству с настоятельнейшей просьбой принять более строгие меры к расследованию дела и преданию Олюнина суду.

Г. Яранск. 1904 года сентября 18 дня, подписал К. А. Иванов.

Верно:

За делопроизводителя

(Дело губ. жанд. управления. 1904 г. № 21, стр. 49—50.)

XVII. Предложение штаба корпуса жандармов начальнику Вятского губ. жандармск. управления от 28 мая 1905 г. о дисциплинарном взыскании с унтер-офицера Олюнина, причинившего увечье политическому ссыльному Иванову.

Главный военный суд, рассмотрев следственное производство об унтер-офицере Олюнине, нашел, что факт нанесения обвиняемым, унтер-офицером Олюниным, удара по левому уху поднадзорному сыну чиновника Иванову обнаженной, отточенной шашкой, что причинило Иванову увечье, вполне устанавливается следствием, и что по обстоятельствам дела не представляется оснований к обвинению названного унтер-офицера в предумышленном совершении этого преступления или в запальчивости и раздражении. Но возможно допустить лишь то, что Олюнин обнажил шашку в видах самозащиты от нападения Иванова, то-есть в состоянии необходимой обороны, но с превышением пределов своей обороны, что предусматривается 1493 ст. Улож. о наказ. угол. и испр. Принимая же во внимание, что по этой статье уголовного закона полагаются различные наказания, из коих одни принадлежат к числу дисциплинарных взысканий, а другие к наказаниям, назначаемым только по приговору суда, Главный военный суд, руководствуясь 1493 ст. Улож. о наказ. угол. и испр. и 10 ст. кн. XXIII Св. В. П. изд. 3, определил: унтер-офицера Алексея Олюнина суду не предавать. Поступившее в Главный военный суд прошение сына чиновника Константина Иванова о допущении его к участию в настоящем деле в качестве гражданского истца препроводить на распоряжение командующего отдельным корпусом жандармов, о чем просителя поставить в известность.

В виду изложенного штаб корпуса предлагает вашему высокоблагородию, на основании ст. 1493 Улож. о наказ. и ст. 10 кн. XXIII и ст. 562 кн. XXIV Св. В. П. 1869 г. изд. 3, подвергнуть унтер-офицера Олюнина дисциплинарному взысканию по представленной вам законом власти полковнику командира и о решении настоящего дела сообщить сыну чиновника Константину Иванову, причем уведомить его, на поданное им прошение, что на основании ст. 119 кн. XXIII Св. В. П. 1869 г., ему предоставляется право предъявить к Олюнину в гражданском суде иск за причиненное ему увечье.

Начальник штаба генерального штаба полковник

Заведующий судною частью полковник Добряков.

(Из дела губ. жанд. управления 1904 г. № 21, стр. 94.)

XVIII. Рапорт вятского полицмейстера вятскому губернатору от 13 апреля 1907 года о высылке из Вятки гласно-поднадзорного А. А. Лучнина.

21 августа под гласный надзор полиции прибыл бывший преподаватель Вятской Марининской женской гимназии Аполлон Аполлонов Лучнин, вы-

сланный из Петербурга по делу Носаря-Хрусталева: с первых же дней прибытия Лучинин быстро сошелся с кружком Николая Чарушина, с Падеринным и другими лицами крайнего левого направления, везде, где только мог, говорил гласно о произволе и незаконных действиях правительства вообще и лиц высшей администрации г. Вятки в частности. С осени Лучинин получил занятия в редакции «Вятского Края» и с того дня, когда бывший редактор «Вятского Края» Яринский отсиживал 3-месячный срок за неисполнение обязательных постановлений, Лучинин взял ведение газеты в свои руки и таким образом сделался фактическим редактором газеты. «Вятский Край» был крайнего направления и при Яринском, но с вступлением Лучинина в должность секретаря редакции и заведывания «Вятским Краем» газета еще резче и сильнее стала проводить взгляды левых крайних, не останавливаясь ни перед чем, печатая заведомо сплошную ложь, лишь бы посеять обострение между правыми и левыми в народе; горячие статьи с призывом к крестьянству плачливаться и требовать выполнения тех вопросов, которые навязываются газетой, постоянное ступение мрачных красок в отношении правительственных действий, статьи, подрывающие авторитет власти и вашего сиятельства по управлению губернией, за последнее время посылались в огромном количестве и «Вятский Край» под руководством души дела, Лучинина, делает свое дело, принося существенный вред общегосударственному порядку, подрывая его несравненно сильнее, чем какие-либо прокламационные листки, читаемые только в небольших кружках. Статьи газеты воочию проводят самые животрепещущие вопросы социал-революционной и социал-демократической платформы. Лучинин, заручившись сотрудничеством агента стола революционизма Чарушина, Падерина и других более или менее известных вятских революционеров, популяризовал газету среди либеральной части общества губернии так, что все читатели верят в этот печатный орган, слушают его и гордятся его открытой борьбой с правительством; под влиянием «Края» убежденные читатели его охотно выполняют миссию пропаганды, заноса вычитанное из газет в такие глухие углы губернии, где раньше народ жид только чисто личными интересами, а теперь при комментировании ложных фактов лучининской газетой, применяясь к обстановке, добровольные миссионеры достаточно революционизируют население этих углов, передавая им газетные слухи за непреложную истину. Таким образом, Лучинин, благодаря своей революционной энергии, работает, не покладая рук, на пользу освободительного движения гораздо более, нежели все вятские революционные кружки, взятые вместе. С отъездом Праздниковой из Вятки в Петербург. Лучинин получил полную доверенность на право ведения всех дел редакции, это ему еще более развязало руки, что можно судить по тому ряду инкриминируемых статей, за что была неоднократная конфискация газеты. Редакция послушна распоряжениям Лучинина; по имеющимся у меня агентурным сведениям, Лучинин в редакции не стесняется говорить о направлении «Вятского Края», как газеты крайнего левого лагеря, которой дана задача в широких размерах знакомить массу с текущей политической жизнью только с революционной точки зрения и этим выполнять общий план центрального революционного комитета социал-революционеров, с чем сотрудники редакции, как преданные делу освободительного движения, безусловно согласны.

Донося о вышеизложенном вашему сиятельству, я докладываю, что пресечением зловредной деятельности Лучинина, основываясь на 28 ст. Полож. о полиц. надзоре, может служить перемещение на жительство в один из отдаленнейших пунктов губернии, где бы энергия поднадзорного Лучинина не была такого широкого поля деятельности, как в городе, и в доказательство того, что он является фактическим редактором газеты, представляю копию с доверенности, данной ему Праздниковой.

Полцеймейстер (подпись).

№ 332

13 апреля 1907 года.

(Из дела канцелярии вятского губернатора 1906 г., № 243, стр. 11—12.)

Литература по вятской политической ссылке

1. Адамович Ю. А. (В. В. Воровский). Письмо в редакцию («Жизнь», 1901 г. Женева).
2. Алексеев. Салтыков в Вятке («Исторический Вестник», 1907, XI).
3. Арест В. О. Португалова в Вятке («Голос Минувшего», 1916, XII).
4. Брюханов Н. П. Воспоминания о ссылке в Вятскую губ. в 1897—1900 гг. («Каторга и Ссылака», 1929, № 6/55).
5. Бырдин Д. А. Заметки читателя («Русская Мысль», 1904, 12).
6. Васильев М. Г. История Вятской гимназии за 100 лет ее существования. Вятка 1911.
7. Величкин Н. М. Открытое письмо вятскому губернатору Хомутову («Жизнь» 1902, № 6).
8. «Вятская Незабудка» на 1877 г. (1-е и 2-е издания) и на 1878 г.
9. Вятская политическая ссылка. Вятка 1925.
10. Ганецкий. В. В. Воровский. М.—Л. 1925.
11. Герцен А. И. Полное собрание сочинений под ред. Лемке.
12. Горбачев В. А. Отчет слободского уездного статистика о деятельности оценочного статистического стола уездной земской управы за время с 1 сентября 1904 по 1 сентября 1905 г.
13. Дейч Л. и Вечеслав М. Н. П. Брюханов («Каторга и Ссылака»), 1929. № 8—9 (57—58).
14. Джаншиев Г. А. Унковский и освобождение крестьян. М. 1894.
15. Добротворский Н. А. Пермь («Вестник Европы», 1883, № 3—4).
16. Емельянов В. Д. Ссылака Салтыкова в Вятку («Русская Старина», 1909, № 10).
17. Заметка о положении вятских политических ссыльных («Русск. Мысль», 1881, февраль).
18. Иванов-Разумник. А. И. Герцен 1870—1920. Петроград 1920.
19. Каталог выставки сельскохозяйственных и кустарных произведений 1837 года (в гор. Вятке). Труды Вятской ученой архивной комиссии 1906 г., вып. I).
20. Козьмин Б. Пародии на царские манифесты 1856 и 1857 гг. («Красный Архив», 1929, т. 32).
21. Короленко В. Г. История моего современника.
22. Его же. Ненастоящий город («Русское Слово», 1880, ноябрь).
23. Его же. Открытое письмо по адресу вятской администрации (Газета «Молва», 1880, № 282).
24. Его же. Письма за 1879—1887 гг. Полтава.
25. Кривцев С. С. Воровский («Под Знаменем Марксизма», 1923, № 4—5).
26. Крупская, Н. К. «Искра» («Борьба классов», 1931, № 1).
27. Её же. Воспоминания о Ленине. 1931.
28. Кузнецов А. Эпизод из пребывания Салтыкова в Вятке («Русская Старина», 1890, VI).
29. Культурная деятельность А. И. Герцена в провинции («Русская Мысль», 1900, 2).

30. Луппов П. Н. А. А. Андриевский (Труды Вятского научно-исследовательского института краеведения, т. I, 1925 г.).
31. Его же. А. И. Герцен в Вятке («Вятская Жизнь», 1923, № 2).
32. Его же. В. Г. Короленко и Вятский край («Вятская Правда», 1922, № 82—84; журнал «Просвещение», 1922, № 2. Вятка).
33. Его же. Ссылака В. Г. Короленко в Вятский край (по неизданным материалам вятских архивов. (Журнал «Север», 1923, № 1, Вологда).
34. Его же. Ссылака В. Г. Короленко в Вятский край. Ижевск. 1925.
35. Его же. К политической ссылке В. Г. Короленко в Вятский край (Труды Вятского н.-исследовательского ин-та краеведения, т. V, Вятка 1929).
- 36—38. Его же. Сатирик Крутогорска М. Е. Салтыков-Щедрин (1848—1855). Березовский изгнанник В. Г. Короленко (1879—1880). А. И. Герцен в Вятке (1835—1837). «Вятская Правда», 1929, № 262.
39. Его же. Исторический очерк Вятского края. Вятка, 1930.
40. Его же. П. И. Стучка (о политической ссылке его). («Вятская Правда», 1932, № 20).
41. Мартов Ю. Записки социал-демократа, М. 1924.
42. Матвеев И. И. В. В. Воровский и вятская ссылка («Вятская Жизнь», 1924, № 2).
43. Мещеряков. Литературная деятельность В. В. Воровского в Одессе («Печать и Революция», 1928, № 1).
44. Некрасов Е. Юношеские литературные труды Герцена («Северный Вестник», 1895, № 9).
45. Н—в. К вопросу об освобождении М. Е. Салтыкова из ссылки в Вятку (Труды Вятской ученой архивной комиссии, 1906, I—II).
46. Озеров. М. Е. Салтыков в Вятке. Вятка 1902.
47. Плеханов Р. Страничка воспоминаний о Н. П. Брюханове («Каторга и Ссылака», 1929, № 8—9 (57—58)).
48. Попов Н. Н. Очерк истории Всесоюзной коммунистической партии. М.—Л. 1928.
49. Прибылев А. В. Годы неволи (переписка Э. А. Улановской (Кранихфельд) с матерью («Каторга и Ссылака», 1926, № 3 (24)).
50. Пругавин. Административные мытарства в жизни В. Г. Короленко («Русские Ведомости», 1910, № 102).
51. Рисунок В. Г. Короленко (Березовские Починки). («Зеркало», 1911, № 4). № 4).
52. Салтыков-Щедрин М. Е. Губернские очерки.
53. Сазанов И. В. Записки дворянина-помещика («Русская Старина», 1880, кн. 6—8).
54. Семаков С. Из революционного прошлого молодежи Вятской губернии 1905—1908, Вятка, 1926.
55. Сергиевский. Черный передел и народники 1880-х годов («Каторга и Ссылака», 1931 г., № 1).
56. Социал-демократическое движение в России. Материалы под редакцией А. Н. Потресова и Б. И. Николаевского, т. I, М.—Л. 1928.
57. Спасская Л. Н. Н. Н. Пункина-Ланская в Вятке (Труды Вятской ученой архивной комиссии 1905 г., вып. I).
58. Ее же. М. Е. Салтыков (опыт характеристики). («Памятная книжка Вятской губернии» на 1908 г.).
59. Тарасов И. В. Воспоминания о встрече с Дзержинским («Вятская Правда», 1932 г., № 292).
60. Титлянов Б. В. Молодежь и революция. Лг. 1924.
61. 1905 год в Вятской губернии. Вятка, 1925.
62. Уиковский А. М. М. Е. Салтыков в предсмертных воспоминаниях друга («Русские Ведомости» 1894, 115).
63. Его же. Записки губернского предводителя дворянства («Русская Мысль» 1906, VI—VII).
64. Федоров Б. Д. Вятские мотивы в письмах В. Г. Короленко («Вятская Жизнь» 1924, № 2 (8)).

65. **Феофанов В.** Общие итоги всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 г. в Малмыжском уезде. Малмыж 1916.
66. **Формулярный список службы М. Е. Салтыкова** (Труды Вятской ученой архивной комиссии. 1907 г., вып. 1).
67. **Центральное архивное управление СССР и РСФСР. Ф. Э. Держинский** в вятской ссылке («Известия ЦИК», 1931, № 148 (4405)).
68. **Чарушин Н. А.** О далеком прошлом. Кружок чайковцев. М. 1926.
69. **Чешихин (Ветринский) В. Е.** Воспоминания глазовских старожилов о пребывании В. Г. Короленко в Глазове («Нижегородский сборник». «Памяти В. Г. Короленко». Нижний 1923).
70. **Швецов С. П.** Вышневолоцкая тюрьма в 1880 г. («Каторга и Ссылка», 1931, № 8—9).
71. **Щеголев.** Убийцы Пушкина («Минувшие Дни», 1927, декабрь).
72. **Документы о вятской ссылке В. Г. Короленко.** С предисл. и примеч. П. Н. Лущова («Кат. и Ссылка», 1933 г., № 1).

Кроме того:

Библиографический словарь «Деятели революционного движения в России», тт. I (вып. 3 и 4) и II (вып. 1 и 2).

Большая советская энциклопедия. М.

Большая энциклопедия, изд. книгоизд. т-ва «Просвещ», т. I—XXII.

Критико-биограф. словарь русских писателей и ученых С. Н. Венгерова.

Литературная энциклопедия, изд. Комакадемии 1931.

Материалы для биографического словаря социал-демократов, вступивших в рабочее движение за период от 1880 до 1905 гг. М. 1923.

Русский биографический словарь. СПб. 1904.

Словарь Русского Библиографического института Гранат.

Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона, т. I, 41.

Полное Собрание Законов (Первое, второе и третье).

Собрание узаконений и распоряжений правительства.

Газеты: «Вятская Жизнь» 1905—1906. «Вятская Речь» 1908—1917.

«Вятский Край» 1907—1908.

Указатель географических наименований

- Алатырь, уезди. гор. Симбирской губ. — 177.
- Арбаж, село Котельничского у. Вятской губ. — 82.
- Архангельская губ. — 1, 21, 22, 24, 76, 139, 176.
- Астраханская губ. — 1, 26, 76, 176.
- Ачал-буза, дер. Малмыжского у. Вят. губ. — 141.
- Афанасьевская вол. Глазов. у. Вятской губ. — 134.
- Афанасьевское (волостное село Глазов. у. Вят. губ. — 82, 148.
- Белозерское (Белозерье), село Орловского уезда Вят. губ. — 83, 110.
- Белосток, город (крепость), Гродненской губ. — 133.
- Белостокский уезд, Гродн. г. — 152.
- Березовские Починки, Глазовск. уезда Вят. губ. — 32, 43, 59, 60, 68, 69, 70, 111—113, 155, 183—185.
- Берн, город в Швейцарии — 17, 100, 129.
- Бирзек, усадьба в Лифляндской губ. — 128.
- Бисерово, село Глазов. у. — 150.
- Бисеровская (волость), Глаз. у. — 68, 134.
- Бисеровская (деревня), Глаз. у. — 82.
- Богородское, село Нолинского уезда Вят. губ. — 83, 105, 149, 168.
- Большая Пурга, село Сарапульского уезда Вят. губ. — 83.
- Большая Уча, село Малмыжского уезда Вят. губ. — 141, 171.
- Боровицкое, село Орловского у. Вятской губ. — 83, 110.
- Бугульма, уездный город Самарской губ. — 177.
- Бугуруслан, у. г. Самар. губ. — 177.
- Буинск, у. город Симбирской губ. — 177.
- Буйское (Буй), село Уржумского уезда Вят. губ. — 83.
- Варшава, город — 73, 126.
- Варяжское море — Балтийское — 103.
- Великая Река, село Орловского уезда Вят. губ. — 166.
- Вельск, уездный город Вологодской губ. — 96, 177.
- Верходворское, село Орловского уезда Вятской губ. — 134.
- Верхошижемское, село Орловского уезда Вят. губ. — 83.
- Вильна, губ. город — 72, 75.
- Витебск, губ. город — 128.
- Владимир, губ. город — 16, 70.
- Волга, река — 28.
- Вологда, губ. город — 42, 96.
- Вологодская губ. — 1, 22, 26, 72, 95, 96, 130, 170, 177.
- Волынская губ. — 12.
- Вонданские Починки, Котельничского уезда Вят. губ. — 31.
- Вонданское, село Кот. у. Вят. губ. — 82, 83, 110.
- Вороньжская губ. — 22, 126, 176. /
- Воткинск, город нынешней Уральской области (б. завод Вятской губ.) — 1, 83.
- Вотская автономная область — 1.
- Вышний-Волочек, у. город Твер. губ. — 184.

Вятка, река — 28, 29, 172.
Вятская губ. — 1, 2, 3, 9, 10, 12, 14, 15—22, 24—27, 29, 33, 35, 36, 39, 40, 47—51, 58, 63—65, 70—72, 74, 76, 77, 82, 83, 86—88, 90—92, 94, 95, 98, 99, 101, 104, 106, 110, 111, 113, 118, 123—135, 139, 143, 145—147, 153—162, 164—166, 172—174, 180—183, 185.

Города и уезды Вятской губ.

Вятка — 9—20, 23—25, 29—31, 37—39, 43, 47, 52, 53, 58, 61—62, 64, 67—70, 72—75, 82, 83, 85, 86, 91, 93, 100, 104—107, 112, 118, 121, 122, 123, 129, 130, 137, 138, 148, 157, 160, 163—171, 173, 174, 177, 184, 186.

Вятский уезд — 31, 82, 134, 135.
Вятские Поляны, село Малм. у. Вят. г. — 83, 141, 142.

Глазов, г. — 19, 29—31, 38, 43, 53, 58, 60, 68, 70, 74, 86, 91, 96, 101, 122, 123, 150, 155, 160, 163, 165, 168, 177, 182, 185.

Глазовский уезд — 18, 31, 43, 82, 103, 110, 111, 134—136, 139, 141, 142, 145, 148, 150, 183.

Елабуга, г. — 11, 28, 29, 82.

Елабужский уезд — 1, 31, 82, 136.

Котельнич, г. — 11, 28—31, 38, 86, 91, 95, 96, 104, 107, 177.

Котельничский уезд — 31, 82, 110, 134, 135, 183.

Малмыж, г. — 28, 31, 83, 87, 91, 93, 94, 107, 110—113, 157, 166, 168, 177, 188, 189.

Малмыжский уезд — 31, 83, 111, 134, 135, 141, 145, 157, 171.

Нолинск, г. — 28—31, 64, 83, 91, 96—98, 103, 104, 107—110, 113, 125, 150, 159, 166, 176, 186.

Нолинский уезд — 31, 83, 134, 135, 137, 139, 168.

Орлов, г. — 11, 28—30, 39, 44, 71, 83, 85, 86, 91, 93, 95, 96, 97, 100, 107, 114, 118, 123, 124, 126, 127, 130, 139, 140, 168, 177, 188, 189.

Орловский уезд — 30, 31, 70, 71, 82, 83, 110, 111, 134, 135, 136, 139, 141, 149, 156, 166.

Сарапул, г. — 1, 11, 19, 28, 31, 82, 177.

Сарапульский уезд — 18, 31, 82, 83, 134, 135.

Слободской, г. — 11, 19, 28, 29, 30, 31, 83—86, 91, 96, 103, 129, 131, 150, 168, 186.

Слободской уезд — 18, 31, 74, 82, 83, 97, 111, 131, 134, 135, 136, 141, 142, 148, 150, 183, 189.

Уржум, г. — 11, 28, 29, 91, 97, 98, 101, 113, 123, 140, 141, 165, 166.

Уржумский уезд — 31, 59, 82, 83, 85, 97, 134, 135, 141, 148, 163, 169, 172.

Яранск, г. — 9, 11, 28—30, 39, 42, 62, 91, 96, 104, 107, 119—121, 130, 165, 168, 170.

Яранский уезд — 31, 82, 83, 110, 134, 136, 171.

Царевосанчурский заштатный город — 28, 29, 42, 83, 177.

Гиднево, село Слобод. у. Вят. губ. — 92.

Гординская волость, Глазовского у. Вят. губ. — 134, 139.

Горки, дер. (пристань) Малмыж. у. Вят. губ. — 188.

Грязовец, уездный гор. Вологод. губ. — 96.

Даровское, село Котельнич. у. Вят. губ. — 82, 83, 110.

Дымково, слобода около г. Вятки — 160.

Ежево, село Глаз. у. Вят. губ. — 82, 110.

Екатеринослав, губ. г. — 107.

Енисейская губерния — 101.

Женева, город в Швейцарии — 119, 122.

Житомир, губ. город — 151.

Заево, село Слобод. у. Вят. губ. — 148.

Западный край, — 152.

Зюзино Христорожественское, село Глазов. у. Вят. губ. — 82.

Зюзинский край — 160.

Ижевск, оружейный завод Вятской губ., ныне областной город Вотской автономной области — 3, 44.

Ильинскре, село Нолинского уезда Вят. губ. — 137.

Кавказ — 139, 140.

Кадников, уезд. город Вологод. губ. — 36, 177.

Казавская волость Орловского уезда Вят. губ. — 82.

- Казань, губ. гор.—3, 38, 39, 63, 151, 188.
 Казанская губ.—22, 176.
 Кай (Кайгородское), село Слободского у. Вят. губ.—31, 83, 87, 92, 107, 108, 111, 134, 173, 185.
 Кайгородская волость, Слобод. уезда Вят. губ.—114.
 Кайский край—местность с центральным пунктом—с. Каем—173.
 Какенгаузенская волость, Лифляндской губ.—128.
 Кама, река—28, 126, 183.
 Кара—поселения для ссыльно-каторжан в Забайкальи.
 Кез, дер. (станция Пермь-Котла-ской жел. дороги)—145.
 Кестымская волость, Глазовско-го у.—134.
 Киевская губ.—29.
 Кирсинский завод, Слобод. у. Вят. губ.—74.
 Кичма, село Уржум. у. Вят. г.—83.
 Кобра, село Котельничского у.—103.
 Ковно, губ. город—125.
 Коса, село Слободского у. Вят. губ.—83, 142, 150.
 Костромская губ.—22, 95.
 Краков, город в Австро-Венгрии—73, 99.
 Кременчуг, уездный город Полтавской губ.—133.
 Круглыш (Круглышское), село Котельнич. у. Вят. губ.—82.
 Кукарка, слобода Яоанского уезда Вят. губ. (ныне г. Советск.)—83.
 Куличи, село Глазов. у. Вят. губ.—82.
 Курляндская губерния—131.
 Курск губ. город—9.
 Купанская губ.—77, 133.
 Кырчан, село Нолинск. у. Вят. губ.—137.
 Латвия, республика—129.
 Лифляндская губ.—22, 128, 176.
 Лозанна, город в Швейцарии—128.
 Лоино, село Слободского у. Вят. губ.—83, 131, 134.
 Лондон, столица Англии—75.
 Лудяно-Экономическое, село Нолин. у. Вят. губ.—139.
 Луковица, речка в г. Вятке—92.
 Мамадыш, у. гор. Казанск. губ.—119.
 Марийская автономная область—1.
 Минская губ.—107.
 Минусинск, уездн. город Енисей-ской губ.—102.
 Москва, губ. город—3, 14, 16, 53, 69, 122, 123, 127, 165.
 Московская губ.—95.
 Мулино, село Слободск. у. Вят. губ.—83, 111.
 Нагорское, село Слобод. у. Вят. губ.—83, 134.
 Нарымский край (территория Нарымского уезда в Тобольской губ.)—172.
 Немирово, местечко в Подольской губ.—24.
 Нижегородская губ.—22, 176.
 Нижний-Новгород, губ. гор.—9, 154.
 Никольск, уездный город Вологодской губ.—177.
 Ницца, город на юге Франции—67.
 Новгородская губ.—1, 22, 26, 76, 176.
 Новый Узень, уездн. город Самарской губ.—177.
 Одесса, уездный город Херсонской губ. (на берегу Черного моря)—72, 77, 128.
 Одесский уезд, Херсонской губ.—77.
 Олонецкая губ.—22, 176.
 Орел, губ. город—40.
 Оренбургская губ.—22, 176.
 Островковская волость, Слободского уезда, Вят. губ.—142.
 Париж, столица Франции—73, 75.
 Парышевская, дер. Котельничского у. Вят. губ.—82.
 Пельм, г. в Тобольской губ.—9.
 Пензенская губ.—20, 22, 176.
 Пермь, губ. город—3, 58, 127, 170, 182, 185.
 Пермская губ.—1, 22, 95, 176.
 Петербург, губ. г., прежняя столица России—10, 16, 17, 37, 42, 53, 54, 64, 66, 68, 72, 93, 100, 101, 122, 124, 154, 157, 165, 166, 169, 174, 181.
 Петербургская губ.—124, 152.
 Подольская губ.—24.
 Поюм, село Слободского у. Вят. губ.—83, 105, 148, 150.
 Полтавская губ.—151, 171, 172.
 Польша—10, 21, 139.
 Порез, село Глазовск. у. Вят. губ.—82.

- Прибалтийский край — территория трех губерний: Курляндской, Лифляндской и Эстляндской, расположенных около Балтийского моря. — 100, 102, 122, 129, 133.
- Просницкое, село Вятского уезда — 82.
- Псков, губ. город — 124.
- Пудож, уездный город Олонцкой губ. — 183.
- Рига, губ. г. Лифляндской губ. — 122, 128.
- Рим, столица Италии — 75, 128.
- Ростов на-Дону, уездный город Екатеринославской губ. — 133.
- Савали, село Малмыжского уезда Вят. губ. — 86.
- Самарская губ. — 1, 22, 177.
- Саратов, губ. г. — 104.
- Саратовская губ. — 22, 176.
- Святогорье, село Глазов. у. Вят. губ. — 82.
- Селты, село Малмыжского уезда Вят. губ. — 83, 111.
- Сеяур, село Уржумского уезда Вят. губ. — 85.
- Сибирь восточная — 1, 69, 71, 126.
- Сибирь западная — 1, 124.
- Симбирская губ. — 1, 22, 98, 177.
- Слудка, село Орловского у. Вят. губ. — 31, 42, 70, 71, 83, 94, 95, 111, 114, 115, 134, 166, 188, 189, 190.
- Слудская волость, Орлов. у. — 143.
- Сметанино, село Яранского у. Вят. губ. — 83.
- Сольвычегодск, уездный город Вологодской губ. — 177.
- Среднее Ивкино, село Орлов. у. Вят. губ. — 83.
- Сретенское, село Ногинского у. Вят. губ. — 172.
- Сувалки, губ. город в Польше — 74.
- Таврическая губ. — 72.
- Галицкий (впнокур) завод, Вят. уезда — 82.
- Тамбовская губ. — 22, 66, 176.
- Татреспублика — 1.
- Тверь, губ. г. — 69.
- Тверская губ. — 24.
- Терская область (на Кавказе) — 25, 133.
- Тифлисская губ. — 133.
- Тобольская губ. — 24, 67.
- Томск, губ. город — 69.
- Томская губ. — 21.
- Готьма, уездный город Вологодской губ. — 177.
- Туккумский уезд, Курляндской губ. — 131.
- Тульская губерния — 95.
- Турек, дер. Уржум. у. — 83.
- Турек, село Уржумск. у. — 74.
- Туруганский край (территория в Енисейской губ.) — 100.
- Тыловой, село Сарапульского у. Вят. губ. — 83.
- Укан, село Глазовского у. Вятской губ. — 82, 105.
- Уни, село Глазовского у. — 82.
- Уральская область — 1.
- Усть-Сысольск, уезд. гор. Вологодской губ. — 177.
- Устюг, уезд. город той же губ. — 96.
- Уфимская губерния — 1, 95.
- Фрейбург, город в Германии — 9.
- Харьков, губ. гор. — 95, 133, 188.
- Хлынов, старое название города Вятки — 9.
- Хлыновка, приток р. Вятки — 92.
- Царство Польское, десять губерний Привислянского края — 152.
- Челдынский уезд Перм. губ. — 183.
- Чоюемиский Турек, село Уржумского у. Вят. губ. — 149.
- Шешунгское (Шешунга), село Енисейской губ., в котором жила в ссылке В. И. Ленин, — 101.
- Шубинская волость, Котельничского уезда Вят. губ. — 82.
- Шурма, село Уржумского уезда Вятск. губ. — 81.
- Эстляндская губ. — 22, 176.
- Юкашенское, село Глазовск. у. Вят. губ. — 82.
- Юледуо, село Уржумского уезда Вят. губ. — 83.
- Юрья, станция Пермь-Котласской жел. дор. — 93.
- Юски, село Глазовского уезда Вят. губ. — 82.
- Якутская область — 168, 182, 184, 185.
- Ялта, уездный город Таврической губ. (на берегу Черного моря) — 84.
- Ялуторовск, уездный город Тобольской губ.

Именной указатель лиц, упоминающихся в книге.

- Авейде М. А., жена полит. ссыльного — 3, 40, 73.
 Авейде О. Э., полит. ссыльный — 37, 38, 72, 73, 74, 75, 154.
 Агамирзян Саркис, пол. ссыльн. — 78, 78.
 Аделът Станислав, пол. ссыльн. — 24, 25.
 Адикаевский В., правитель дел канц. мин. вн. дел — 182.
 Айбиндер, основ. революц. кружка в Екатеринославе — 107.
 Акциштров, пол. сс. — 163.
 Алашеев, член Гос. думы — 139.
 Александр I, имп. — 9.
 Александр II, имп. — 11, 13, 15, 21, 24, 26, 34, 41, 50, 61, 62, 63, 74, 151, 175.
 Александров А. И., пол. сс. — 108.
 Андреев Н. А., пол. сс. — 96.
 Андреев П. Д., пол. сс. — 85, 108, 111, 112, 113, 166.
 Андриевский А. А., пол. сс. — 2, 61, 71, 72, 156.
 Андриоли Эльваро, пол. сс. — 40, 72, 75.
 Анисьян, вятск. губернатор — 159.
 Абаджан И. С., пол. сс. — 78, 108, 109.
 Бавихин Я. А., пол. сс. — 78.
 Балмашев В. А., пол. сс. — 104, 105.
 Балмашев С. В., сын В. А. Балмашева, убиенный в 1902, мин. вн. дел Сипягина.
 Бальцевич В. М., пол. сс. — 96.
 Банек Г. А., пол. сс. — 120.
 Баранов А. Н., литератор — 3.
 Бартошевицкий И. К., пол. сс. — 91.
 Бауман А. Ф., пол. сс. — 131.
 Бауман Н. Э., пол. сс. — 2, 96, 122, 124, 126.
 Безобразов, адъютант Николая I — 10.
 Бельвиц, пол. сс. — 140.
 Беневитский Николай, пол. сс. — 24.
 Бенкендорф, шеф жандармов — 10, 13.
 Берг, главнокомандующий войсками Варшавского воен. округа — 74.
 Березин М. Е., пол. сс. — 78, 86, 111.
 Береснев Ф. И., вятский статистик — 157.
 Бирюков Д. П., кустарн. техник в Вятке — 159.
 Бисеров Гаври, кр. Березовских Починок, у которого жил В. Г. Короленко — 70.
 Бисеров Парфен, сын Гаври — 70.
 Блинов Н. Н., поднадзорный в Вятке, один из составителей наглядной азбуки (изд. Павленковым) — 30, 63.
 Богданов И. И., пол. сс. — 120.
 Богудкий Андрей, пол. сс. — 39.
 Бойко А. А., пол. сс. — 96.
 Борис (Годунов), царь — 9.
 Борисов С. А., пол. сс. — 24.
 Бородин М. П., пол. сс. — 25, 158, 159.
 Борувко К. М., пол. сс. — 165.
 Брюханов П. П., пол. сс. — 2, 97, 98.
 Братчиков И. Л., ветер. врач в Вятке, один из участников местной газеты в 1905—1906 годах — 159.
 Бубнов В. С., пол. сс. — 78, 87.
 Будберг, барон, вятский полицеймейстер — 14.
 Будревич Казмир, пол. сс. — 34.
 Бушен Н. Н., организатор в Вятке подпольной группы — 165, 166.
 Быховер Б. А., пол. сс. — 96.
 Валевский Максимилиан, подпоруч., пол. сс. — 11.
 Валуев, министр вн. дел — 35.
 Вандааль, французский генерал, военнопленный, пол. сс. — 9.

- Васильевский В. Леон., пол. сс.—90.
 Вашков, инженер, пол. сс.—85.
 Веймар, докт. революционер 1870-х гг.
 —163, 164.
 Векшин В. А., пол. сс.—154.
 Велюбинский Иосиф, пол. сс.—151.
 Величкин Н. М., пол. сс.—83, 93—
 96, 107, 111, 112, 115, 119, 159,
 171, 187—190.
 Верниковский А. И., проф. Казан.
 университета, пол. сс.—11, 12.
 Вертячих А. Н., пол. сс.—79, 104,
 167, 171.
 Виркау Андр., пол. сс.—78.
 Витковский Фома, врач, пол. сс.—37,
 153.
 Владимирский В. А., пол. сс.—165,
 170.
 Владиславлев А., пол. сс.—159, 160,
 171.
 Власов Ф. Гр., пол. сс.—117, 118,
 189.
 Войчек М., писатель—67.
 Войткевич В. К., пол. сс.—165, 168.
 Вольский В. К., пол. сс.—96, 118.
 Вольфсон М. И., пол. сс.—54.
 Воробьев Н. Г., пол. сс.—111, 114.
 Воробьев В. В., пол. сс.—2, 85, 92,
 99, 100—102, 122, 124, 127, 128.
 Воротников, земск. начальник—171.
 Всеволожский В. А., пол. сс.—122,
 154, 156, 157, 165, 168, 170.
 Вылегжанин М., полицейский служи-
 тель—119, 120.
 Высоцкий, уездный исправник в г. Ор-
 лове—187.
 Гагарин, князь, чиновник особых по-
 ручений при вятском губернаторе—
 27, 98.
 Гавшин А. А., пол. сс.—103.
 Гансецкий А. И., пол. сс.—152.
 Гацисский А. С., литератор, секретарь
 Нижегородского статистическ. ко-
 митета—65.
 Гейбурт-Гейбович Эмилия, невеста
 пол. сс.—117, 118.
 Герцен А. И., пол. сс.—1, 2, 10, 12—
 14, 15, 16, 20, 155.
 Глинский И., пол. сс.—54.
 Годвинский П. Н., пол. сс.—78.
 Голубев П. А., пол. сс.—29, 122, 156,
 158, 159, 160.
 Горбачев В. А., пол. сс.—2, 93, 111,
 112, 154, 165, 171.
 Горбачев М. Н., пол. сс.—96.
 Горденко М. М., пол. сс.—118.
 Горемыкин, министр вн. дел—98.
 Горчаков, князь, вятский губернатор—
 139, 160, 161.
 Горшечников В. И., пол. сс.—78.
 Грессер, ад'ютант Николая I—10.
 Громан Г. Г., пол. сс.—102, 124.
 Громан Ек. П., пол. сс.—102, 124.
 Гурвич Ф. И., врач, пол. сс.—85, 102,
 122, 124, 125.
 Гурьев А. А., завед. Вятским земским
 статист. бюро—86, 159.
 Девель Ф. В., пол. сс.—118.
 Деятников Я. Г., пол. сс.—54.
 Денисов В. П., пол. сс.—157.
 Дернов, председатель Вят. губ. зем.
 управы—65.
 Держинский Ф. Э., пол. сс.—2, 83,
 87, 92, 96, 98, 99, 103, 107, 108,
 122, 125, 126, 168, 185, 186.
 Добротворский Н. А., пол. сс.—32,
 42, 52, 60, 61, 70, 71, 156.
 Додаев Соломон, пол. сс.—11.
 Долгоруков П. В., князь, пол. сс.—
 10, 13, 14, 16, 17.
 Домбровский М. Я., пол. сс.—148.
 Домелунгсен, вятский вицегуберна-
 тор—181.
 Домрачев С. А., пол. сс.—118.
 Донецкая Ф. И., пол. сс.—45, 153.
 Дурин Августа Э., пол. сс.—78.
 Дубельт, помощник шефа жандармов—
 20.
 Дубов, вят. обыватель—105.
 Дубровинская (Киселевская) А. Г.,
 пол. сс.—78.
 Дубровинский И. Ф., пол. сс.—2, 165.
 Дурнев И. М., пол. сс.—90.
 Дурново, помещик—171.
 Дьяконова (по мужу Жилина) Е. А.,
 пол. сс.—83, 110, 159.
 Ефимов В. П., пол. сс.—109, 110.
 Железнов, малмыжский член окр. су-
 да—111.
 Жилин И. И., пол. сс.—109.
 Жилина (урожд. Дьяконова) Е. А.,
 пол. сс.—83, 110, 159.
 Жуковский В. А., посетивший Вятку
 в 1837 г., известный поэт—16.
 Заяка Алексей, Никита и Семен, пол.
 сс.—78.
 Захаревич В. А., пол. сс.—118.
 Захарова Конкордия И., пол. сс.—78,
 100, 102, 124.
 Зезюкин, уездный исправник в Орло-
 ве—148.
 Зимонко А. Г., пол. сс.—78, 96,
 105—107, 169, 170.
 Золотухин, уездный исправник в Но-
 линске—110.

Зоков, вятский студент — 105.

Иванов К. А., пол. сс. — 104, 117, 119, 120, 181.

Ивков В., пол. сс. — 24.

Ильшева А. С., пол. сс. — 109.

Имеретинский, князь, обозревавший Вышневолоцкую политическую тюрьму в 1880 г. — 184.

Иовин Н. В., врач в Вятке — 19.

Кавелин К. Д., проф. — 20.

Каминский Б. А., пол. сс. — 137.

Канаев Л. И., негласный поднадзорный в Вятке — 25.

Караваев, агроном Вятск. г. — 86.

Квасницкая Ольга, пол. сс. — 183.

Кержнер С. А., пол. сс. — 96, 171.

Клладзе, пол. сс. — 150.

Клибуковский А. Э., пол. сс. — 96.

Клингенберг, вятск. губернатор — 110, 122.

Клыкков И. И., пол. сс. — 169, 171.

Кобылинский Р. Н., пол. сс. — 109, 152.

Ковязин, особоподнадзорный в Вятке — 169.

Кожевников В. А., пол. сс. — 78, 92, 114, 116 — 118, 168, 187, 189, 190.

Козарьинск, К. Б., пол. сс. — 78.

Колесников П. Е., пол. сс. — 118.

Коломийцев К. Ф., пол. сс. — 118.

Колотов П. И., председатель Вятской губ. земской управы — 63, 64, 162.

Компанейщиков, вятск. губернатор — 37.

Конанова Ольга, пол. сс. — 54.

Корепанова А. М., поднадзорная — 100.

Корнилов С. И., пол. сс. — 109, 110.

Коробицын, вятск. полицеймейстер — 104.

Короленко В. Г., пол. сс. — 2, 3, 31, 32, 43, 53, 54, 55, 56, 58 — 61, 67 — 70, 123, 153, 154, 156, 158, 162, 163, 182.

Короленко И. Г., пол. сс. — 43, 58, 68, 153.

Коханский Казимир, пол. сс. — 11, 45.

Коцебу, варшавский генер.-губернатор — 74.

Котанский В. П., пол. сс. — 78.

Красинский Адам, пол. сс. — 45, 57, 72, 73.

Красовский А. А., препод. Вятской семинарии, владельцу книжного магазина и частной типографии — 39.

Красовский (брат А. А.), мировой судья — 64, 162.

Крестьянников С. И., участник нелегального ученич. кружка в Вятке, подвергнутый тюремному заключению за разбрасывание прокламаций в Вятке — 3, 168, 169.

Критские, братья, организаторы нелегального кружка в Москве, в конце 1820-х гг. — 11.

Кропоткин, харьковск. губернатор — 50, 67.

Крулицкий Калликст, пол. сс. — 24.

Крумзе (по мужу Ксандрова) Е. М., пол. сс. — 78.

Кувшинская (по мужу Чарушина) А. Д., основательница первого женского ученического нелегального кружка в Вятке в 1870-х гг. — 159, 164.

Кудинов, пол. сс. — 141.

Кудрявцев В. А., пол. сс. — 97, 98.

Кудрявцев П. А., гласноподнадзорный в Вятке — 25.

Кузнецов П. Г., пол. сс. — 119, 120.

Кукушкин, пол. сс. — 149.

Кускова Е. Д., автор документа, известного под именем «Credo» — 101, 124.

Лабко-Тарчевский И. И., пол. сс. — 168, 169.

Лазарев Федот, пол. сс. — 43.

Лангелъ Г. Э., пол. сс. — 118.

Ларникова (по мужу Лангелъ) А. И., пол. сс. — 118.

Левченко Ник., украинский деятель — 71.

Ленин В. И. — 2, 100, 101, 124, 125, 127, 165.

Леньковский Феликс, пол. сс. — 54.

Липкин Ф. А. (он же Нежданов, Череванин), пол. сс. — 156, 165, 168.

Липский Александр, пол. сс. — 40.

Лисенко, врач, пол. сс. — 132.

Липковский Александр, пол. сс. — 40.

Лорис-Меликов, (млн. вн. дел — 43, 55, 57.

Лосева Е. Н., пол. сс. — 165, 168.

Лузин И. И., пол. сс. — 109.

Луначарский А. В., пол. сс. — 130.

Лучинин А. А., пол. сс. — 132, 159 — 161.

Львов С. Д., пол. сс. — 104.

Любанский Венед., пол. сс. — 11.

Мавромати С. Д., пол. сс. — 168.

Мадалицкий, отст. шт.-капитан, пол. сс. — 12, 151.

Маевская Х. И., пол. сс. — 78.

Майер, жанд. ротм. в Вятке — 121.

Макаев, вят. полиц. пристав — 14.

Макаров Г. И., вят. чиновник — 19.
Мальшевский, пол. сс.—163.
Маркс Карл — 97, 98, 128, 129, 165.
Мартов Ю. О., пол. сс.—100, 124, 127.
Матросов В. С., пол. сс.—111.
Матулайтис А. О., пол. сс.—78.
Мацкин, пол. сс.—144.
Мезенцев, шеф жандармов — 50, 67.
Мелентьев Н. Г., пол. сс.—114, 118.
Мельницкий А. Н., пол. сс.—114, 168.
Мельницкий Н. Н., пол. сс.—27.
Меньшиков Н. Н., председатель Вятского губ. земского собрания—105.
Михайлов, вят. полицеймейстер — 65, 181.
Михайлов, полицейский надзиратель в г. Орлове — 117, 118.
Млодзинский М. С., пол. сс.—78.
Молоховец, вят. жанд. полков.—167.
Морозов А. Е., пол. сс.—171.
Мотрохин, вятский студент — 105.
Мочалов, урядник — 160, 161.
Мошинский И. Н., пол. сс.—78.
Мудрынин Д. А., пол. сс.—78.
Музиль И. Д., пол. сс.—78.
Мухин И. А., пол. сс.—165.
Навроцкий А. А., пол. сс., украинский поэт — 11.
Назаровская Е. К., б. учительница в Нолинске — 150.
Неволин П. И., пол. сс.—25.
Недзьмовский Я., пол. сс.—54.
Нелюбин, полиц. надзиратель — 120.
Нимвицкий А. А., пол. сс.—78.
Никитин А. М., пол. сс.—86, 107—110, 152.
Никитин А. Я., пол. сс.—170, 171, 186, 187.
Николаев Л. Н., пол. сс.—166.
Николаев Ф.—пол. сс.—27.
Николаева (Николсва) М. Ф., пол. сс.—92.
Николай I, император — 9—12, 16, 17, 19, 26, 151, 174.
Николай II, император—105, 106, 123, 125, 127, 130.
Никологорский В. Л., директор вят. реал. училища — 107.
Об'сдов Петр П., пол. сс.—54.
Озоль Я. Я., пол. сс.—109, 110.
Олешкевич А. Ф., пол. сс.—152.
Олюнин, жанд. унтер-офиц.—119—121.
Остров К. М., пол. сс.—84, 90, 104, 120, 165.
Острогоградский, земский начальник — 171.

Павленков Ф. Ф., пол. сс.—2, 53, 54, 60—67, 158, 162.
Падарин Н. А., пол. сс.—132, 160.
Пазухин В. В., пол. сс.—109.
Пазухина С. Г., пол. сс.—109.
Патока Ф. С., пол. сс.—78.
Перский М. С., пол. сс.—78.
Петрашевский М. В., революционер 1840-х гг.—18, 61.
Петров уездный исправник в г. Глазове.
Пигит А. С., пол. сс.—104.
Писарев Д. И., литературный критик, публицист — 62.
Платонов Н. М., пол. сс.—156, 167.
Плеханов Г. В.,—2, 101, 123.
Плугин Н. И., пол. сс.—111, 116.
Подашевский, вятск. чиновн.—170.
Подгорных М. Ф., пол. сс.—119.
Польский М. И., пол. сс.—149, 169, 172.
Помогальский А. О., пол. сс.—96.
Познанский А., пол. сс.—96.
Полиновский В., пол. сс.—38, 39, 153.
Полаевский И., пол. сс.—53.
Попов Гр. Арс., поднадзорный в Вятке — 25.
Попов К. А., пол. сс.—89, 95, 114, 116, 168, 187, 188, 189.
Порадовский В. О., пол. сс.—78, 104.
Португалов В. О., губ.-земский врач в Вятке, в 1874 г. заключенный в Казанскую тюрьму.
Постников Н. Я., пол. сс.—117.
Потоцкий, граф, пол. сс.—14.
Потресов А. Н., пол. сс.—2, 83, 99, 100, 101, 122—125, 127, 165.
Приходькова К. Н. (по мужу Митрева), пол. сс.—78, 86, 87.
Пушкин А. С., изв. поэт — 17.
Радзаевский И. И., пол. сс.—114.
Радин Берг Г., пол. сс.—96.
Радин Л. П., пол. сс.—78, 84.
Раш, вятск. домовладелец, у которого жила во время ссылки М. Е. Салтыков — 19.
Ранненкамф, председатель вят. окр. ружн. суда — 181.
Рерах А. Э., пол. сс.—96.
Рождецкий Иосиф, пол. сс.—151.
Розанов Н. Н., пол. сс.—106, 109, 118.
Розенблюм С., пол. сс.—106, 109.
Романов В. Н., сосл. в 17 в. в Яранск — 9.
Романов И. Н., сосл. в 17 в. в Пельым — 9.
Романов М. Ф., царь — 9.
Рукин А. Н., пол. сс.—42.

- Рыжов И. П.**, пол. сс.—152.
Рябинин А. Н., пол. сс.—86.
Рябков И. И., пол. сс.—114.
- Садьрин**, агроном в Маалмыже — 87.
Салтыков-Щедрин М. Е., пол. сс.—
 2, 10, 12, 14, 17—19, 61, 155, 173,
 174.
Сальков А. А., эксперт по почеркам—
 17.
Сверчевский А. Ф., пол. сс.—87, 111,
 114, 118.
Свешников П., отст. подпор., пол. сс.—
 24.
Святополк-Мирский, тов. мин. вн.
 дел—94.
Селенкина Т. Г., поднадзорная в Вят-
 ке в 1870—1880-х гг., автор на-
 роднических повестей—3, 47, 162.
Селиванов И. В., пол. сс.—2, 10, 12,
 14, 20.
Семенов, вятский губернатор—18, 19.
Серебровский А. П., пол. сс.—96, 119.
Серета А. И., вятский губернатор —
 14, 17, 19.
Сидоренко, пол. сс.—96.
Сидягин, прокурор вятск. суда—181.
Сипягин, мин. вн. дел—105, 106, 166.
Ситников М. Я., врач, пол. сс.—84,
 85.
Ситникова Е. В. (урожд. Пазухина),
 пол. сс.—109.
Смелович И. Г. (по мужу Леман),
 пол. сс.—78, 96, 97.
Смолинская А. Я., пол. сс.—78.
Смолонский Снавь., пол. сс.—24.
Смурович И. М., пол. сс.—12.
Соколов Н. Н., пол. сс.—157.
Солодинов В. Е., пол. сс.—102.
Спицын А. Ф., пол. сс.—105.
Спруде К. Я., пол. сс.—78.
Старченко, пол. сс.—149
Стедьмахович, председатель вят. окр.
 суда—64.
Стольберг Карл, финл. уроженец,
 пол. сс.—68.
Страховский, вят. губернатор—173.
Стракаловский К. А., пол. сс.—120.
Стрелберг С., пол. сс.—96.
Струнов, вятск. губернатор—37.
Студентов Н. В., пол. сс.—27.
Стучка П. И., пол. сс.—83, 84, 87,
 102, 105, 122, 128, 129, 156, 157,
 186.
Субботина С. А., пол. сс.—25.
Сущинский В. С., ветер. врач, пол. сс.
 —96, 108.
Сырцов, уездный исправник в г. Ор-
 лове—188, 191.
- Танаевская Э. В.**, участница в изда-
 нии вятск. газеты в 1905—1906 гг.
 —59.
Тарасов И. В., кр. с. Кайского, совре-
 менник Дзержинского—126.
Тарашкевич Конст., пол. сс.—151.
Тимашев, мин. вн. дел.—35, 38, 48,
 65, 66, 180.
Тихоницкая Н. Н., составительница
 таблиц о вят. полит. ссыльных
 1879—1896 гг.—27, 31, 40.
Томаш (Михалюк) Ант., пол. сс.—111.
Трейман, пол. сс.—11.
Тройницкий, вят. губернатор—26, 32,
 43, 48, 49, 52, 55, 56, 57, 65, 68,
 158, 164.
Троцанский В. Ф., пол. сс.—153,
 163, 164.
Туган-Барановский М. И., писатель по
 эконо. вопросам—2.
Тулинова Е. Н., пол. сс.—78.
Тураева, учительница—119.
Тюков П., пол. сс.—149.
Тюрин Н. Р., пол. сс.—9, 11, 12.
Тюфяев, вятск. губернатор—12, 13,
 16.
- Улановская Э. А.**, пол. сс.—2, 32, 43,
 53, 59, 68.
Ульянов (Ленин) В. И.—2, 100, 101,
 124, 125, 127, 165.
Унковский А. М., тверской губ. предв.
 двор., пол. сс.—24, 61.
- Федоров**, помощник орловского ис-
 правника—140.
Фельдман А. Н., пол. сс.—165, 168.
Феофаров В. А., пол. сс.—154, 157,
 165.
Филиппов (Шокарев) А., пол. сс.—
 78, 111.
Фильц, пол. сс.—140.
Франчески Г. Я., пол. сс.—101, 154,
 165, 166, 170.
- Хомутов**, вят. губернатор—159.
Хотько Тибурций, пол. сс.—40.
Христофоров А., пол. сс.—43, 44.
- Целелевич Ш.**, пол. сс.—171.
- Чарушин Н. А.**, чайковец, политка-
 торжанин—3, 47, 159, 162, 170.
Чарушина (Кувшинская) А. Д., жена
 Н. А. Чарушина, издательница
 вятск. газет 1905—1917 гг.—159,
 164.
Чарушников А. П., пол. сс.—53, 60.
Чарыков, вятск. губернатор—35, 39,
 52, 63, 162, 164, 173.

Чачкиадзе, грузин, пол. сс.—141.
Чемоданов Н. В., врач в Уржуме — 3,
47, 163.

Чемоданова Л. В. } члены ученическо-
 } го нелег. кружка
Чемоданова С. В. } в Вятке — 164.

Череванский, тов. мин. вн. дел — 26.

Черкасский Ив., кн., пол. сс. 17 ве-
ка — 9.

Чернов, поднадзорный — 163.

Чернышев В. П., пол. сс.—114.

Чернышев Г. П., пол. сс.—114.

Чешихин (Ветринский) В. Е., пол. сс.—
3, 27, 87, 100, 101, 103, 122, 156.

Чешихин Е. В., историк Прибалтийск.
края — 122.

Чхендзе, член Гос. думы — 148.

Шаполинский, проф., пол. сс.—11.

Шенвальд, тайн. агент полиции — 117,
118.

Шендриков И. Н., пол. сс.—118.

Шмаллинг, вятск. прокурор времен Сал-
тыкова-Щедрина — 19.

Шубин Г. Ф., ветерин. врач в Гла-
зове — 3, 123.

Шубина В. И., жена Г. Ф.—3.

Шубяковский А. И., пол. сс.—78.

Шульд Х. И., пол. сс.—105.

Шустов М., пол. сс.—145.

Энгельс Фридрих — 97, 98.

Юревич, врач в Слободском 1830-х
гг.—11.

Юрцев В., пол. сс.—44.

Юшков, участник в издании вятской
газеты левого направления после
1905 г.—159.

Яворский Стеф., пол. сс.—10, 12.

Якимова А. В., пол. сс.—25, 54, 55,
164.

Якубовский С. О., пол. сс.—40, 154.

Якин А. И., пол. сс.—83, 87, 92,
99, 103, 107, 108, 185.

Янишевский А., пол. сс.—12.

Яринский Г. И., пол. сс.—101, 156,
159, 160, 169, 171.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Предисловие	5
Глава I. Вятская политическая ссылка в 1825—1859 гг.	9
„ II. Политическая ссылка в Вятскую губернию в 1860—1896 гг.	21
„ III. Ссылка в 1897—1905 гг.	76
„ IV. Вятская ссылка после революции 1905 года	131
„ V. После ссылки	151
„ VI. Культурное значение вятской политической ссылки	155
Приложения	175

Цена 5 руб. 30 коп.

пер. 65 н.

19
62 к.

КАЗЫ НАПРАВЛЕНИЯ

1. Приказание издательства «Высшая школа» —
Москва ГСП, 10. Давутовский пер., 51. Телефоны: 3-6478, 1-31-28.
2. Магазины издательства «Высшая школа» —
Москва, центр, Петровка, 71. Телефоны: 4-18-19 - 3-63-20